

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тема номера:
БУДУЩЕЕ ПРАВА И ПРАВО БУДУЩЕГО

2020/ № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2020 / № 1

ISSN 2310-6794 (online)

серия
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки); 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки); 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки); 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state doctrines (juridical sciences); 12.00.02 – Constitutional law, constitutional enforcement; municipal law (juridical sciences); 12.00.03 – Civil law, entrepreneurial law, family law; international law (juridical sciences); 12.00.08 – Criminal law and criminology; executive law (juridical sciences).

ISSN 2072-8557 (print)

2020 / № 1

ISSN 2310-6794 (online)

series
JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

Серия: Юриспруденция»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Певцова Е. А. — д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования, проректор по научной работе МГОУ

Заместитель главного редактора:

Полянский П. Л. — д. ю. н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Елисеева А. А. — к. ю. н., доц., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова;

Агнес Кристиан Шавес Фария Александровна Дыбова — PhD, проф., Папский католический университет (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Антонян Ю. М. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю. Г. — д. ю. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Гладких В. И. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки и образования РАЕ, заслуженный юрист РФ, эксперт РАН, консультант Федерального Собрания РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова;

Глотов С. А. — д. ю. н., проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. — д. ю. н., проф., МГИМО (У) МИД России;

Долинская В. В. — д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА);

Жабский В. А. — д. ю. н., доц., Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя;

Коновалова И. А. — к. ю. н., доц. МГОУ;

Марченко М. Н. — д. ю. н., проф., почётный президент Ассоциации юридических вузов России, заслуженный деятель науки РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова;

Микаэла Моравчикова — PhD, директор юридического факультета, Трнавский университет (г. Трнава, Словакия);

Рассолов И. М. — д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА);

Рахманова Е. Н. — д. ю. н., проф., заслуженный работник юстиции, Российская академия правосудия (г. Санкт-Петербург), Северо-западный филиал;

Ручкина Г. Ф. — д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Савченко М. С. — д. ю. н., проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. — к. ю. н., доц., полковник юстиции, Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. — д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Скуратов Ю. И. — д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ; заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Российский государственный социальный университет;

Черкасов К. В. — д. ю. н., проф., Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Хатчинсон Самуэль Кристоф — PhD, проф., Университет Сорбонны (Франция);

Химмельрайх Антье — PhD, Университет Регенсбурга (Германия)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционному и муниципальному праву, гражданскому, предпринимательскому, семейному, международному частному праву, уголовному праву и криминологии, уголовно-исполнительному праву.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2020. — № 1. — 134 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series : Jurisprudence»
Moscow Region State University**

———— Issued 4 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

E.A. Pevtsova – Doctor of Juridical sciences, Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, MRSU

Deputy editor-in-chief:

P.L. Polyanskiy – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

A.A. Eliseeva – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Members of Editorial Board:

S.A. Avakyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Agnes Christian Chavez Faria Dybova – PhD, Professor, Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil)

Yu.M. Antonyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

Yu.G. Arzamasov – Doctor of Juridical sciences, Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

V.I. Gladikh – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

S.A. Glotov – Doctor of Juridical sciences, Professor, International Law Institute under the Ministry of justice of the Russian Federation

A.V. Grinenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

V.V. Dolinskaya – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

V.A. Zhabskiy – Doctor of Juridical sciences, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named by V.Y. Kikot

I.A. Kononova – PhD in Juridical sciences, Professor, MRSU

M.N. Marchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Mikaela Moravchikova – PhD, Professor, Trnava University in Trnava (Slovak Republic)

I.M. Rassolov – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E.N. Rakhmanova – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg)

G.F. Ruchkina – Doctor of Juridical sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

M.S. Savchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar)

V.M. Sapogov – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Pskov State University

V.E. Safonov – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice» (Moscow)

Yu. I. Skuratov – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Russian State Social University:

K.V. Cherkasov – PhD in Juridical sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch: Nizhny Novgorod Institute of Management)

Hutchinson Samuel Christophe – PhD, Professor, University of the Sorbonne (France)

Himmelreich Antje – PhD, Professor, Regensburg University (Germany)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Peer-reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence” – is a print publication that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal’s target audience is teachers, postgraduates, PhD students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73343.

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2020. – № 1. – 134 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТЕМУ НОМЕРА..... 6

РАЗДЕЛ I. БУДУЩЕЕ ПРАВА И ПРАВО БУДУЩЕГО

Долинская В. В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА КАК СИСТЕМНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ..... 7

Певцова Е. А. ВИРТУАЛЬНОЕ ПРАВО КАК НОВАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ТЕОРИИ ПРАВА: ИДЕЯ БУДУЩЕГО ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ?..... 20

Елисеева А. А. СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ: В ПОИСКЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ..... 29

Сапожникова Т. Н., Цымбал Е. И. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ..... 41

Черехович М. М. РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ПРЕСТУПНИКОВ..... 57

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Баранов Ю. В. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА МОСКОВСКОГО СОВЕСТНОГО СУДА (1782–1861 ГГ.)..... 67

Дмитренко А. П., Чинь С. Ч. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЬЕТНАМА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ..... 74

Щербаков С. В., Усатов С. А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО РЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ (ПО ГОРОДОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ 1870 ГОДА)..... 79

РАЗДЕЛ III. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Коновальчиков Я. А. ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ..... 88

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Арзамасов В. Ю. ЭМПИРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА..... 98

Атабеков К. К. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ..... 109

Болотова Е. Д. О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСКВЕРНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ..... 115

Плешиаков А. М. ПРЕСТУПНОЕ ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЖИВОТНЫХ..... 122

РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чертков А. Н. ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НОВОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА МГОУ..... 130

CONTENTS

INTRODUCING THE THEME OF THE ISSUE	6
--	---

SECTION I. THE FUTURE OF LAW AND THE FUTURE LAW

<i>V. Dolinskaya.</i> INTERACTION OF PRIVATE AND PUBLIC LAW AS A SYSTEMIC DIRECTION OF DEVELOPMENT	7
<i>E. Pevtsova.</i> VIRTUAL LAW AS A NEW LEGAL CONSTRUCT IN LAW THEORY: THE IDEA OF THE FUTURE OR ACTUAL REALITY?	20
<i>A. Eliseeva.</i> MARITAL PROPERTY: IN SEARCH OF EFFECTIVE LEGAL REGULATION. 29	
<i>T. Sapozhnikova, E. Tsymbal.</i> TOPICAL ISSUES OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION OF GUARDIANSHIP AND CUSTODY OF MINORS	41
<i>M. Cherekhovich.</i> THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC IDEAS ABOUT THE CAUSES OF CRIME AND THE CORRECTION OF CRIMINALS	57

SECTION II. THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

<i>Y. Baranov.</i> JUDICIAL PRACTICE OF THE MOSCOW COURT OF CONSCIENCE (1782–1861) 67	
<i>A. Dmitrenko1, X. Trinh.</i> THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF VIETNAMESE LAW GOVERNING THE CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINAL ACTS	74
<i>S. Shcherbakov, S. Usatov.</i> LOCAL SELF-GOVERNMENT PERFORMANCE IN MANAGING LOCAL ISSUES (IN ACCORDANCE WITH THE MUNICIPAL PROVISION OF 1870)	79

SECTION III. CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

<i>J. Konovalchikov.</i> THE CONCEPT OF LEGAL INTERACTION AND ITS FEATURES IN CONSTITUTIONAL LAW	88
--	----

SECTION IV. CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>V. Arzamasov.</i> EMPIRICAL AND STATISTICAL ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE IN THE FIELD OF FOREST PROTECTION AND THE RULES OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATIONS OF FOREST LEGISLATION	98
<i>K. Atabekov.</i> SOME PROBLEMS AND TRENDS IN COMBATING CUSTOMS CORRUPTION IN KYRGYZ REPUBLIC	109
<i>E. Bolotova.</i> ON THE NEED OF ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR DESECRATION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS	115
<i>A. Pleshakov.</i> CRIMINAL PSYCHOLOGICAL ABUSE WITH THE USE OF ANIMALS. . .	122

SECTION V. SCIENTIFIC LIFE

<i>A. Chertkov.</i> THE FIRST SCIENTIFIC CONFERENCE OF THE NEW RESEARCH CENTER OF MOSCOW REGION STATE UNIVERSITY	130
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТЕМУ НОМЕРА

О том, что такое право и как оно должно развиваться, спорили не одно столетие лучшие умы учёных и мыслителей. Увы, до настоящего времени не удалось выработать, несмотря на многообразие научных школ, единого монистического взгляда на право. В современных условиях возникли иные споры, и появилось немало новых вопросов: что будет представлять собой право в будущем, каково его будущее вообще?

Именно эти вопросы обсуждали на очередном научном семинаре **«Будущее права и право будущего»**, который состоялся в Московском государственном областном университете, ведущие учёные – юристы нашей страны. Спикером мероприятия выступил известный адвокат, доктор юридических наук Павел Алексеевич Астахов.

В этом номере журнала мы также решили порассуждать на тему: «Будущее права и право будущего». Однако авторы сделали акцент на таких проблемах, как понимание виртуального права, взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития, поиск эффективного правового регулирования отношений, касающихся собственности супругов, актуальные вопросы повышения эффективности правового регулирования опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних, развитие научных представлений о причинах преступлений и об исправлении преступников.

Ученые из Вьетнама поддержали идеи российских юристов и предложили обратить внимание на историю развития законодательства Вьетнама, в нормах которого постепенно институционализируется правило, позволяющее защищать ни в чем невиновных лиц. Именно в этом и состоит предназначение Права: помогать людям, обеспечивать их безопасность и защищать их законные интересы.

Авторы научных статей этого номера предлагают несколько в ином контексте взглянуть на будущее права, обратив внимание на новые тенденции его развития и предложив новые юридические нормы для внесения в законодательство страны. Кто-то, возможно, и не согласится с авторскими идеями, а, быть может, поддержит их безальтернативно. Но именно в таких научных дискурсах и рождается то новое, что будет способствовать развитию Права в будущем.

*Певцова Елена Александровна,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Московского государственного областного университета,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция»
ea.pevtsova@mgou.ru*

РАЗДЕЛ I.

БУДУЩЕЕ ПРАВА И ПРАВО БУДУЩЕГО

УДК 347

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-7-19

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА КАК СИСТЕМНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ

Долинская В. В.

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. В целях определения вектора развития науки и правового регулирования с использованием сравнительного анализа исследовано взаимопроникновение и сочетание частного и публичного права в системе.

Процедура и методы исследования. В качестве основного метода исследования использован сравнительный анализ: в историческом, или динамическом аспекте (сравнение на разных этапах развития) и в сравнительно-правовом аспекте (сравнение разных отраслей права и законодательства, сравнение частного и публичного права).

Результаты проведенного исследования. Автором предложена классификация властных отношений, выявлено их влияние на нормы об юридических лицах и ответственности. На примере самозанятых и юридических лиц публичного права выявлено, что истоки наиболее значимых за последнее время изменений в гражданском законодательстве по вопросам субъектов правоотношений находятся в законодательстве публично-правовой сферы. Общей для всех отраслей права является тенденция признания правосубъектности и за другими образованиями.

Теоретическая/практическая значимость. Одновременно с выявлением дефектов права, пробелов и противоречий в правовом регулировании предложены задачи на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: властные отношения, добросовестность, квази-правосубъектные образования, самозанятые, принципы права, публичное право, частное право, юридические лица

INTERACTION OF PRIVATE AND PUBLIC LAW AS A SYSTEMIC DIRECTION OF DEVELOPMENT

V. Dolinskaya

*Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. In order to determine the vector of development of science and legal regulation based on the use of comparative analysis, the interpenetration and combination of private and public law in the system is investigated.

Methodology and Approach. The main method of research is comparative analysis: in historical or dynamic aspect (comparison at different stages of development) and in comparative-legal aspect (comparison of different branches of law and legislation, comparison of private and public law).

© CC BY Долинская В. В., 2020.

Results. The author proposes a classification of power relations, revealed their impact on the norms on legal entities and liability. By example of self-employed and legal entities of public law, it has been revealed that the origins of the most significant recent changes in civil legislation on issues of subjects of legal relations are in the legislation of the public-legal sphere. The trend towards recognition of legal personality by other entities is common to all branches of law.

Theoretical and Practical Value. Legal defects, gaps and contradictions in legal regulation were identified and the tasks for the near future were set.

Keywords: power relations, conscientiousness, quasi-legal entities, self-employed, principle of law, public law, private law, legal entity

ВВЕДЕНИЕ

Адекватное правовое регулирование не может довольствоваться оперативностью в изменениях и дополнениях законодательства. Правильность выбора основных направлений развития гражданского законодательства в значительной степени предопределяется выявлением фундаментальных основ права и закономерностей его развития.

Выявление тенденций развития отраслей права и системы права в целом на разных этапах нашей истории в ретроспективе и на перспективу было предметом исследования таких представителей теории права, частного и публично-права, как С. С. Алексеев [2], Ю. А. Тихомиров [29] и др. [4; 7; 20].

Выделим следующие тенденции, представляющие наибольший теоретический и практический интерес:

- развитие учения о предмете частного права;
- расширение круга принципов частного права;
- обогащение системы источников частного права;
- изменения законодательства об участниках правоотношений, в первую очередь о юридических лицах (ЮЛ);
- реструктуризация системы объектов гражданских прав;
- противоречивые изменения обязательственного права;
- незначительные изменения наследственного права;
- взаимопроникновение и сочетание частно- и публично-правового регулирования.

Последняя представляется особо значимой для системы права в целом и для развития частного права, синхронизации развития его подотраслей и институтов, что мы и планируем проверить на примере основных положений, а также конкретных институтов гражданского права как ядра права частного.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Взаимопроникновение и сочетание частно- и публично-правового регулирования происходит в понятийном аппарате, основных положениях, фактически во всех подотраслях и институтах права.

Применительно к предмету правового регулирования в п. 3 ст. 2 ГК РФ косвенным образом признана возможность применения гражданского законодательства к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой (только в случаях, прямо предусмотренных законом).

Анализ норм гражданского законодательства позволяет выделить властные отношения:

— по основанию возникновения

1) основанные на семейно-родственных связях (например, п. 2 ст. 20 ГК РФ: выбор места жительства несовершеннолетних, не достигших 14 лет, или граждан, их законными представителями),

2) основанные на административном акте (например, ст.ст. 30, 33 ГК РФ: попечительство над ограниченными в дееспособности),

3) основанные на договоре (например, ст.ст. 67.2, 67.3, 973 ГК РФ),

4) основанные на принадлежности к (участию в) какому-либо социальному образованию, гражданско-правовому сообществу (ЮЛ, объединение ЮЛ, собрание) (например, ст.ст. 65.2, 65.3, 181.1. ГК РФ),

5) со смешанным основанием (например, §4 гл. 30, §5 гл. 37 ГК РФ: договоры поставки и подряда для государственных и муниципальных нужд);

— по характеру

1) косвенного характера (реализующиеся в форме согласия, разрешения, например, п. 1 ст.ст. 26, 30, 33, ч. II п. 6 ст. 66, ст. 157.1. ГК РФ),

2) прямого характера (реализующиеся в форме распоряжения, указания, например, ст.ст. 53.1, 65.3, 67.3 ГК РФ).

Выделение властных отношений повлекло за собой появление норм об ответственности лиц, имеющих фактическую возможность определять действия ЮЛ (ст. 53.1 ГК РФ).

Легализация в предмете частноправового регулирования статутных отношений (*«гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота...»*, п. 1 ст. 2 ГК РФ), является своеобразным прорывом в законодательстве и доктрине, представители которой говорят о ещё одной группе отношений уже около полувека [6; 7; 17; 18].

Сравнительный анализ с иными элементами предмета гражданского права и подп. 7 п. 2 ст. 1202 ГК РФ новеллы 2013 г. о корпоративных отношениях в предмете гражданского права – отношениях, связанных с участием в корпоративных организациях или с управлением ими, – приводит к выводу, что это скорее разновидность статутных отношений.

Развитие предмета влечёт за собой и расширение круга принципов частного права. Межотраслевой характер демонстрирует вновь включённый в ГК РФ с 01.03.2013 г. принцип добросовестности (п.п. 3–4 ст. 1 ГК РФ), существовавший ещё в 20-е гг. XX в. и упоминавшийся в отдельных нормах действующего кодекса (п. 2 ст. 6, п. 5 ст. 10, п. 2 ст. 51, п. 3 ст. 53 ГК РФ и др.).

Качественно меняется и расширяется круг источников частного права, в т. ч. за счёт признания за частными лицами в определённых рамках возможности участия в правотворчестве (что является одним из признаков гражданского общества) и за счёт взаимодействия права с другими социальными регуляторами, в первую очередь, договорами и локальными правовыми (внутренними) актами. Эти тенденции постепенно проникают и в публичное право, что требует унификации системы источников права независимо от отраслевой принадлежности.

Истоки наиболее значимых изменений в гражданском законодательстве по вопросам субъектов правоотношений находятся в законодательстве публично-правовой сферы.

Самое крупное, по мнению автора, изменение в сфере правового статуса физических лиц – дополнение ГК РФ классификацией граждан по специфике экономической деятельности¹ – вторично по отношению к изменениям в налоговом законодательстве² и производно от способов реализации гражданами конституционных прав на свободу труда, свободу распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности³.

¹ Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». 26.07.2017; СЗ РФ. 2017. №31 (ч.I). Ст.4748.

² Федеральный закон от 30.11.2016 г. №401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». 30.11.2016; СЗ РФ. 2016. №49. Ст.6844.

³ П. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 23.04.2012. № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Е.Н. Эрлих» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.

Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса тор-

Изменения в классификациях юридических лиц (ЮЛ), в т. ч. новеллы в их организационно-правовых формах, к сожалению, не коснулись вопроса о возможности использования принятого во многих странах деления юридических лиц на лица публичного и частного права, дискуссия о чём носит длительный характер [21].

Общей для всех отраслей права является тенденция признания правосубъектности и за другими образованиями.

ОБСУЖДЕНИЕ

В результате взаимодействия публичного и частного права, расширилось понимание «власти» [1, §3 гл. 4; 3, с. 40; 8, §1.6]. Особенно ярко это звучит у В. Е. Чиркина, который различал два типа властвования, соответствующих двум разновидностям правопорядка: публичную и частную (частноправовую) власть. Публичная власть деперсонифицирована, обладает таким свойством, как верховенство, неделима, не связана с хозяйственным господством; реализация публичной власти осуществляется при помощи профессионального государственного аппарата. Частная власть всегда имеет строго персонифицированный характер – это власть собственника, домовладыки, отца семейства; ей не присуще верховенство, она может иметь расщеплённый характер [30, с. 112–114].

Каждая классификационная группа властных отношений в частном праве служит примером исключения из общей характеристики метода гражданско-правового регулирования (как правило, такого его элемента, как автономия воли, в ряде случаев – равенства).

Далеко не все упоминаемые в ГК РФ властные отношения имеют граждан-

ско-правовой характер (например, ч. III п. 1 ст. 49 ГК РФ – разрешение (лицензия) ЮЛ на занятие отдельными видами деятельности).

В каждом конкретном случае необходимо установить природу и характер отношений, а не ограничиваться констатацией факта, что это отношения властного подчинения. Только после этого следует переходить к вопросу о возможности их урегулирования гражданским законодательством и искать конкретную норму.

Перспективны классификации властных отношений по содержанию и по субъектному составу.

Эта группа отношений в предмете правового регулирования обосновывает квалификацию такого понятия, как «лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица» (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ), соотношение которого со смежными («аффилированные лица» – ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹; «группа лиц» – ст. 9 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»²; «взаимозависимые лица» – ст. 20 НК; «контролирующее и подконтрольное лица» – ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»³; «аффилированность» – ст. 53.2. ГК РФ) значимо как для категории «юридические лица», так и для правового института ответственности.

Представляется, что необходима унификация понятийного аппарата: единый для публичного и частного права термин, обозначающий принадлежность к определённой группе лиц с наличием потенциальной возможности оказывать влияние или быть под влиянием при принятии решений в сфере экономической деятельности.

Объективность выделения статутных отношений подтверждает тот факт, что

гового мореплавания Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года № 538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» в связи с жалобой международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга» // СЗ РФ. 2004. № 15. Ст. 1519.

¹ Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499 (с изм.).

² СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434 (с изм.).

³ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918 (с изм.).

одним из основных разделов институциональной системы гражданского права, лежащей в основе романской системы права, является именно правовое положение субъектов («лица»).

Легализация корпоративных отношений, с одной стороны, подтверждает мобильность правового статуса и его влияние на правоотношение (участие в корпорации способствует возникновению дополнительных имущественных, корпоративных, информационных и других прав и обязанностей, например, права на дивиденд, права быть избранным в органы управления корпорацией, обязанность информирования корпорации об отношениях аффилированности в случае с экстраординарными сделками), а с другой стороны, поднимает вопрос о взаимном влиянии статуса и различных видов экономической деятельности, управления как вида деятельности.

Подтверждением системы принципов правового регулирования и превалированием в ней общих, межотраслевых начал служит то, что принцип (презумпция) добросовестности в гражданском праве соответствует нормам международного права (например, ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (Рим, 04.11.1950 г.) и Конституции РФ (ч. 3 ст. 17), а также пересекается с нормами иных отраслевых кодифицированных актов (например, ст. 111 АПК). Впервые в своей практике Конституционный суд РФ истолковал понятие добросовестности / недобросовестности в деле о налоговых отношениях¹, т. е. в этом вопросе право публичное обогатило частное право. В последующем Конституционный суд РФ высоко оценил значение принципа добросовестности в качестве способа обеспечения достижения справедливого баланса прав

и законных интересов² – общеотраслевой цели правового регулирования³.

С одной стороны, закон устанавливает требование к участникам гражданских правоотношений действовать добросовестно как при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, так и при исполнении гражданских обязанностей (п. 3 ст. 1 ГК РФ), а с другой – презумпцией добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Т. е. субъект не должен доказывать соблюдение им этого принципа, заинтересованное лицо доказывает его нарушение. Но презумпция в отличие от принципа может быть опровергнута.

При положительной в целом оценке новеллы ГК РФ её недостатками являются:

² Определение Конституционного суда РФ от 29.01.2015 №161-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уральский фармацевтический холдинг» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статьи 449 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 10 Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

³ Информация о постановлении ЕСПЧ от 07.03.2006 по делу «Эванс (Evans) против Соединенного Королевства» (жалоба № 6339/05) По делу обжалуется требование заручиться согласием отца на длительное хранение и имплантацию оплодотворенной яйцеклетки. По делу требования статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод нарушены не были // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 10; подп. 11 п. 1 ст. 1 ЗК; Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909; Ч.IV п.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 19.12.2005. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335; Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.2009 г. №1-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2, 3 и 4 статьи 13 и абзаца второго пункта 1.1 статьи 14 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в связи с жалобой гражданки Л. Г. Погодиной» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 889.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 г. №24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 42. Ст. 5211.

противоречивость норм кодекса о квалификации добросовестности; субъективный характер оценки; разобщённость норм о критериях добросовестности и санкций за их нарушение; неоднозначность в зависимости от целей правового регулирования иных правовых актов и правоприменительной практики по данному вопросу.

В системе источников права основной элемент – закон (законодательство) – стал «слабым звеном» и для правотворчества, и для правоприменения.

Не только в доктринальной литературе, но и в официальных источниках права присутствует неоднозначное толкование термина «законодательство». В широком смысле слова это совокупность законов и подзаконных нормативных актов (например, ст. 2 Водного кодекса РФ, ст. 2 Воздушного кодекса, ст. 3 Градостроительного кодекса, ст. 5 Жилищного кодекса) [23; 27], в узком смысле – система действующих законов государства (например, ст. 3 ГК РФ, ст. 5 ТК, ст. 2 ЗК, ст. 2 БК, ст. 1.1. КоАП, ст. 1 НК) [26].

Во-первых, эффективность правового регулирования зависит среди прочего и от чёткости юридических формулировок. Допустимо различать отраслевое законодательство и иное как систему законов, при необходимости указывая на законы РФ и субъектов РФ. Во-вторых, такое неоднозначное толкование выходит на общую проблему соотношения права и закона. На практике возникает вопрос об иерархии и юридической силе правовых актов.

С ним тесно связана проблема классификации правовых актов по содержанию. *«В предварительном порядке можно сделать вывод о приоритете норм базового тематического закона перед нормами законов других отраслей в регулировании смежных отношений. Таков смысл, например, ст. 2, 3 ГК РФ, ст. 3 и 4 Семейного кодекса. В отраслях допустимо установление объёмов и пределов правового регулирования другими актами общего характера, которыми связаны законы, акты более конкретного содержания. Аналогия права и аналогия закона служат средствами восполнения правовых пробелов»* [28, с. 13].

Принцип приоритета специального закона перед общим периодически «пробуксовывает» на практике в связи с неопределённостью, какой же из законов специальный, как, например, в случае с установлением вопреки гражданскому законодательству п. 2 ст. 34 СК общей совместной собственности супругов на недвижимые вещи, ценные бумаги (в т. ч. именные), вклады в кредитные организации и т. п. независимо от того, на имя кого из супругов имущество приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Такая неопределённость и противоречия в законодательстве препятствуют адекватному правовому оформлению объектов прав, в т. ч. гражданских (состав которых меняется количественно и качественно), и сделок с ними. Например, в ГК РФ из числа объектов гражданских прав исключена информация, в т. ч. составляющая служебную или коммерческую тайну (ст. 139 ГК РФ, с 01.01.2008 г.). Однако, согласно ст. 5 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, она может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений. С ней тесно связаны цифровые права, включённые в число имущественных с 01.10.2019 г. (ст.ст. 128, 141.1), т. к. цифровизация является одним из средств хранения, поиска и передачи информации, т. е. информационной технологией [33, с. 3–15].

Влияет на источники права норма ч. II п. 5 ст. 1149 ГК РФ о волеизъявлении суда, изменяющем норму закона в рамках такой подотрасли, как наследственное право (*«В случае отказа наследника от прав выгодоприобретателя наследственного фонда суд может уменьшить размер обязательной доли этого наследника...»*). При отсутствии единства в доктрине по вопросам отнесения судебных актов к источникам права [12; 15; 22; 32] и пробелах и противоречиях в законодательстве по

¹ СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448 (с изм.).

данному вопросу либо они, либо такая норма могут быть квалифицированы как дефект права¹.

Легально признанная возможность изменения нормы закона (ГК РФ) договором (п. 2 ст. 456, п. 1 ст. 704, 780 ГК РФ и др.²), судебным актом (ч. II п. 5 ст. 1149 ГК РФ и др.) или локальным правовым (внутренним) актом ЮЛ (п. 8 ст. 63, ч. IV п. 2 ст. 65.3 ГК РФ и др.) свидетельствует о балансе частного и публичного права, но должна быть строго регламентирована не только по отраслям (исключительно частного права), но и по целеполаганию (преимущественно конкретизация модельной нормы и охрана интересов «слабой» стороны).

Применительно к субъектам гражданских правоотношений участие публичного права выражается, в первую очередь, в том, что им необходимо не только наличие определённых свойств, которые носят социальный характер (признаков субъекта права), но и их закрепление правом. Внешним выражением одного из таких признаков – организационной обособленности или организационно-правового обособления – выступают:

- государственная регистрация физического лица – индивидуального предпринимателя и ЮЛ, которая является требованием юридического порядка [24, с. 14–15; 27, с. 134], а также общим требованием к предпринимательской деятельности и предпосылкой её осуществления;
- регистрация таких актов гражданского состояния (ст. 47 ГК РФ, Федеральный закон № 143-ФЗ «Об

актах гражданского состояния»³), как, например, рождение человека.

В результате правоспособность ЮЛ возникает с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении (п. 3 ст. 49 ГК РФ). Это вступает в некоторое противоречие с тем, что организационно-имущественная характеристика и формальная определённость (фиксация данных в специальном списке, реестре) выступает правовыми последствиями установления статуса субъекта или режима объекта, а не его обязательными предпосылками, а остальные – правовыми последствиями такого установления.

Применительно к государственной регистрации напомним характеристики, данную В. Ф. Яковлевым: это форма «*обозначения, обеспечения и защиты публичных интересов в сфере действия гражданского права*» [31, с. 180].

Основные проблемы легализации в частном и публичном праве категории так называемых самозанятых (лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой), на наш взгляд, состоят в отсутствии единого подхода законодателя и учёных к определению экономической деятельности и её видов, разрозненности и противоречивости норм о правовом статусе индивидуальных предпринимателей и самозанятых в гражданском, налоговом законодательстве, законодательстве о социальном страховании и о занятости населения [14].

До сих пор не находят адекватного правового отражения различия в правовом статусе специализированных организаций при участии в публично- и частно-правовых отношениях.

Основными критериями отграничения юридических лиц публичного права от юридических лиц частного права обычно выступают характер правового акта, послужившего основанием их возникнове-

¹ Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 гг.) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016) // СПС «Консультант Плюс»: [сайт].

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

³ СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

ния, специфические цели создания, функции, порядок финансирования.

Предпринимались попытки установления особого статуса государственных органов, органов местного самоуправления и органов управления государственными внебюджетными фондами как казённых учреждений в БК (ст. 161), введения новой организационно-правовой формы – публично-правовых компаний (ст. 50 ГК РФ, Федеральный закон № 236-ФЗ)¹, – которая призвана заменить государственные корпорации, но чаще законодатель обходит этот вопрос, как, например, в ч. III ст. 1 Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»².

В последнее время правовые и судебные акты, доктрина поднимают вопрос о возможности участия в правоотношениях, в т. ч. гражданских, помимо традиционных субъектов т. н. квази-правосубъектных образований:

- транснациональные корпорации (Док. ООН № R.74.11.A.5, Соглашение стран СНГ «О содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых, смешанных транснациональных объединений»³, Конвенция о транснациональных корпорациях, принятая на заседании Совета глав правительств СНГ⁴, Рекомендации по разработке организационных проектов транснациональных

корпораций, одобренные решением Экономического совета СНГ⁵) [5; 13];

- органы ЮЛ (п. 1 ст. 53, п. 1 ст. 65.2, 174 ГК РФ, п.1 ст. 225.10, ст. 225.11 АПК);
- собрания (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ, п. 1 ст. 44 ЖК, ст.ст. 2, 12, п. 3 ст. 20.2 и др. Федерального закона. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁶)[9];
- корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью (п. 2 ст. 11 НК);
- «организации, не являющиеся юридическими лицами, но имеющие право осуществлять свою деятельность без образования юридического лица» и их синонимы (Общероссийского классификатора организационно-правовых форм ОК 028-2012 (ОКОПФ)⁷) и других⁸ [11; 19].

Ни у одного из признанных на уровне закона или международного соглашения квази-правосубъектных образований нет всех признаков участника правоотношений, всех элементов правосубъектности [10], что видно по составленной нами таб. 1.

¹ Федеральный закон от 03.07.2016. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СПС «Гарант».

СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4169 (с изм.).

² СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790 (с изм.).

³ Соглашение стран СНГ от 15.04.1994 «О содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/1118521/> (дата обращения: 10.01.2020).

⁴ Согласно Постановлению Правительства РФ от 24.06.2003 г. № 364 депозитарию направлено уведомление о намерении РФ не становиться участником указанной Конвенции.

⁵ Рекомендации по разработке организационных проектов транснациональных корпораций (одобренные решением Экономического совета СНГ 6 сентября 2000 г.) // СПС «Гарант».

⁶ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190 (с изм.).

⁷ ОК 028-2012. Общероссийский классификатор организационно-правовых форм (утв. Приказом Росстандарта от 16.10.2012 № 505-ст) (ред. от 24.10.2018) // СПС Консультант Плюс.

⁸ Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 382 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 г. №64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» // Российская газета. 2017. 09.01. № 1.

Таблица 1 / Table 1.

Признаки субъекта права по основным квази-правосубъектным образованиям
Characteristics of the subject of law based on the main quasi-legal entities

Признаки субъекта права	Право-субъектность	Органы ЮЛ	Собрание	ТНК
I. Возможность лица быть носителем субъективных прав и обязанностей	I. правоспособность	«компетенция», «полномочия» ч. II п. 1 ст. 54 ГК РФ	«компетенция» – ст. 12, 3. 20.2 Федерального закона № 127	п. 2 ст. 11 НК
1) внешняя обособленность				
А) имущественная		–	–	+
Б) организационная (или организационно-правовое обособление)		+	+	П.п.2.1.–2.6. Рекомендаций по разработке организационных проектов транснациональных корпораций, одобренные решением Экономического совета СНГ 06.09.2000 г.
2) персонифицированность (наличие средств индивидуализации)	III. средства индивидуализации	п. 4 ст. 52, ст. 53, п. 2 ст. 54, ст. 65.3, ст. 67.1. ГК РФ		
II. Способность лица вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю	II. дееспособность			
	1) сделкоспособность	п. 1 ст. 53, п. 1 ст. 65.2, ст. 174 ГК РФ, п. 1 ст. 53, п. 1 ст. 225.10, ст. 225.11 АПК		Ст. 2 Соглашения стран СНГ. «О содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых, смешанных транснациональных объединений» (Москва)
	2) деликтоспособность	-		

Но т. к. мы имеем дело с тенденцией расширения круга субъектов правоотношений, дело науки – предложить законодателю применить к квази-правосубъектным образованиям традиционные конструкции или использовать новые по примеру ряда зарубежных стран и экономической теории, опираясь на признаки субъекта права.

ВЫВОДЫ

В результате исследования на выборочных примерах мы получили выводы, определяющие тенденции развития как частного права, так и системы права в целом, и призванные способствовать синхронизации изменений в законодательстве, устранению пробелов и противоречий в правовом регулировании отношений и в правоприменительной практике.

В предмет гражданско-правового регулирования включены властные отношения, классификации которых предложены автором. Выявлено их влияние на нормы о юридических лицах и ответственности. Легализация статутных отношений повлекла выделение корпоративных как нового элемента в предмете регулирования, что, в свою очередь, обосновало мобильность правового статуса.

Расширение круга принципов частного права идёт по пути закрепления в кодексах общих, межотраслевых принципов права, обеспечивающих достижение единых целей правового регулирования.

Происходит постепенная унификация системы источников права независимо от отраслевой принадлежности.

Истоки наиболее значимых изменений в гражданском законодательстве по вопросам субъектов правоотношений находятся в законодательстве публично-правовой сферы.

Общей для всех отраслей права является тенденция признания правосубъектности и за другими образованиями.

Помимо определения вектора развития науки полученные результаты исследования ставят и конкретные задачи на ближайшее время.

Необходимо устранить противоречие в гражданском законодательстве по вопросу двойственной квалификации добросовестности – как принципа и презумпции.

Целесообразны устранение противоречивого по отраслям права толкования понятия «законодательство», выработка чётких критериев квалификации и соотношения общих и специальных законов, а также целей и пределов изменения воли законодателя волей частных лиц.

Требует решения вопрос о взаимном влиянии статуса и различных видов экономической деятельности.

Целесообразна унификация понятийного аппарата: единый для публичного и частного права термин, обозначающий принадлежность к определённой группе лиц с наличием потенциальной возможности оказывать влияние или быть под влиянием при принятии решений в сфере экономической деятельности.

Назрела необходимость легализовать статус юридического лица публичного права.

Наука призвана предложить законодателю применить к квази-правосубъектным образованиям традиционные конструкции или использовать новые по примеру ряда зарубежных стран и экономической теории, опираясь на признаки субъекта права.

Взаимопроникновение и сочетание частно- и публично-правового регулирования происходит в понятийном аппарате, основных положениях, фактически во всех подотраслях и институтах права, в связи с чем необходимы унификация в правовой квалификации и системное устранение дефектов права.

Статья поступила в редакцию 13.01.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 2008. 216 с.
2. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010.
3. Атаманчук Г. В. Управление: сущность, ценность, эффективность: уч. пособ. М., 2006. 544 с.
4. Блинков О. Е. Общие тенденции развития наследственного права государств-участников Содружества Независимых Государств и Балтии: дис. ... док. юр. наук. М., 2009. 57 с.
5. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. М., 2004. 496 с.
6. Давыдов В. А. Правовая природа отношений между хозяйственными обществами и их участниками: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 26 с.
7. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.
8. Долинская В. В. Гражданское право: основные положения: учеб. пособие. М.: Проспект, 2016. 112 с.
9. Долинская В. В. Общее собрание акционеров. М., 2016. 160 с.
10. Долинская В. В. Проблемы квази-правосубъектных образований в частном праве // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. материалов / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Статут, 2017. С. 315–325.
11. Долинская В. В. Проблемы правового статуса третейского суда и постоянно действующих арбитражных учреждений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 7–17.
12. Долинская В. В. Судебные акты в праве России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 1. С. 3–13.
13. Долинская В. В. Транснациональные корпорации: определения, признаки, соотношение со смежными понятиями. Гл. 11 // Studfiles: [сайт]. URL: <https://studfile.net/preview/6197384/page:53/> (дата обращения: 10.01.2020).
14. Долинская В. В., Долинская Л. М. Проблемы правового статуса самозанятых // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 113–129.
15. Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000. С. 78–90.
16. Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1. Л.: Ленинградский университет, 1975. 160 с.
17. Кирсанов К. А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 27 с.
18. Красавчиков О. А. Организационные гражданско-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50–57.
19. Летута Т. В. Понятие третейского суда: цивилистическое исследование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 18–22.
20. Марченко М. Н. Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М., 2019. 296 с.
21. Очерки конституционной экономики. 10 декабря 2010 года: госкорпорации и юридические лица публичного права / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2011. 456 с.
22. Пашенцев Д. А. Судебный прецедент как источник права в правовой системе России // Современное право. 2011. № 4. С. 77–80.
23. Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5–12.
24. Попондопуло В. Ф. Правовой режим предпринимательства. СПб., 1994. 208 с.
25. Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск, 1999. 310 с.
26. Соколова Н. С. Конституционные принципы современного российского федерализма // Федерализм, региональное управление и местное самоуправление. 2000. № 1. С. 50–54.
27. Социология права / под ред. В. М. Сырых. М., 2004. 472 с.
28. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. 496 с.
29. Тихомиров Ю. А. Юридическое прогнозирование = Legal prognostication: научно-практическое пособие. М., 2018. 164 с.
30. Чиркин В. Е. Современное государство. М., 2001. 411 с.

31. Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (Вопросы теории и практики). М.: ИИП РАН, 2000. 224 с.
32. MacCormick D. N., Summers R. Interpreting precedents. A comparative study. Dartmouth, 1997. 598 p.
33. Tarakanov V. V., Inshakova A. O., Dolinskaya V. V. Information Society, Digital Economy and Law // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT. Springer, 2019. P. 3–15.

REFERENCES

1. Alekseev N. N. *Ocherki po obshchei teorii gosudarstva. Osnovnye predposylki i gipotezy gosudarstvennoi nauki* [Essays on the General Theory of State. Basic Premises and Hypotheses of the State Science]. Moscow, 2008. 216 p.
2. Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works: in 10 volumes]. Moscow, Statut Publ., 2010.
3. Atamanchuk G. V. *Upravlenie: sushchnost, tsennost, effektivnost* [Management: Nature, Value, Effectiveness]. Moscow, 2006. 544 p.
4. Blinkov O. E. *Obshchie tendentsii razvitiya nasledstvennogo prava gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv i Baltii: dis. ... dok. yur. nauk* [General trends in the law of succession of the states-participants of the Commonwealth of Independent States and Baltic countries: D. thesis in Law]. Moscow, 2009. 57 p.
5. Velyaminov G. M. *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i protsess* [International Economic Law and Process]. Moscow, 2004. 496 p.
6. Davydov V. A. *Pravovaya priroda otnoshenii mezhdru khozyaistvennyimi obshchestvami i ikh uchastnikami: avtoref. ... kand. yur. nauk* [Legal nature of the relationship between business entities and their participants: abstract of PhD thesis in Law]. Ekaterinburg, 2008. 26 p.
7. Dolinskaya V. V. *Aktsionernoe pravo: osnovnye polozheniya i tendentsii* [Corporate Law: Key Issues and Trends]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. 736 p.
8. Dolinskaya V. V. *Grazhdanskoe pravo: osnovnye polozheniya* [Civil Law: Basic Provisions]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 112 p.
9. Dolinskaya V. V. *Obshchee sobranie aktsionerov* [General Meeting of Shareholders]. Moscow, 2016. 160 p.
10. Dolinskaya V. V. [The issues of quasi-legal entities in private law]. In: Yakovlev V. F., Khabrieva T. Y., Andreev V. K. at all. *Pravosubektnost: obshcheteoreticheskii, otraslevoi i mezhdunarodno-pravovoi analiz* [Legal entity: theoretical, sectoral and international legal analysis]. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation Publ., Statut Publ., 2017. P. 315–325.
11. Dolinskaya V. V. [The legal status of the court of arbitration and permanent arbitration institutions]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2017, no. 4, pp. 7–17.
12. Dolinskaya V. V. [Judicial acts law of Russia]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2012, no. 1, pp. 3–13.
13. Dolinskaya V. V. [Multinational corporations: definition, characteristics, relationship with related concepts. Ch. 11]. Available at: <https://studfile.net/preview/6197384/page/53/> (accessed: 10.01.2020).
14. Dolinskaya V. V., Dolinskaya L. M. [The legal status of self-employed]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2018, no. 1, pp. 113–129.
15. Zhuikov V. M. [To the issue regarding judicial practice as a source of law]. In: *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [The Judicial Practice as a Source of Law]. Moscow, Yurist Publ., 2000. P. 78–90.
16. Ioffe O. S. *Razvitie tsivilisticheskoi mysli v SSSR* [The development of civil thought in the USSR]. Part 1. Leningrad, Leningradskii universitet Publ., 1975. 160 p.
17. Kirsanov K. A. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie organizatsionnykh otnoshenii: avtoref. ... kand. yur. nauk* [Civil-law regulation of organizational relations: abstract of PhD thesis in Law]. Ekaterinburg, 2008. 27 p.
18. Krasavchikov O. A. [Organizational Civil-Legal Relations]. In: *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law.], 1966, no. 10, pp. 50–57.
19. Letuta T. V. [The concept of arbitration court: civil law study]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2017, no. 4, pp. 18–22.
20. Marchenko M. N. *Globalizatsiya i osnovnye tendentsii razvitiya natsional'nykh i nadnatsional'nykh gos-*

- udarstvenno-pravovykh sistem v XXI veke* [Globalization and the main trends in the development of national and supranational state legal systems in the twenty-first century]. Moscow, 2019. 296 p.
21. Gadzhiev G. A., ed. *Ocherki konstitutsionnoi ekonomiki. 10 dekabrya 2010 goda: goskorporatsii i yuridicheskie litsa publichnogo prava* [Essays in Constitutional Economics. 10 Dec 2010: State Corporations and Legal Entities of Public Law]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2011. 456 p.
 22. Pashentsev D. A. [Judicial precedent as a source of law in the Russian legal system]. In: *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2011, no. 4, pp. 77–80.
 23. Polenina S. V. [The interaction of law system and legislation system in modern Russia]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1999, no. 9, pp. 5–12.
 24. Popondopulo V. F. *Pravovoi rezhim predprinimatelstva* [Legal Regime of Entrepreneurship]. St. Petersburg, 1994. 208 p.
 25. Rovnyy V. V. *Problemy edinstva rossiiskogo chastnogo prava* [The Issues of the Unity of Russian Private Law]. Irkutsk, 1999. 310 p.
 26. Sokolova N. S. [The constitutional principles of modern Russian federalism]. In: *Federalizm, regional'noe upravlenie i mestnoe samoupravlenie* [Federalism, regional governance and local government], 2000, no. 1, pp. 50–54.
 27. Syrykh V. M., ed. *Sotsiologiya prava* [Sociology of Law]. Moscow, 2004. 472 p.
 28. Tikhomirov Y. A. *Publichnoe pravo* [Public Law]. Moscow, 1995. 496 p.
 29. Tikhomirov Y. A. *Yuridicheskoe prognozirovanie = Legal prognostication: nauchno-prakticheskoe posobie* [Legal Prognostication: a Theoretical and Practical Textbook]. Moscow, 2018. 164 p.
 30. Chirkin V. E. *Sovremennoe gosudarstvo* [Modern State]. Moscow, 2001. 411 p.
 31. Yakovlev V. F. *Rossiya: ekonomika, grazhdanskoe pravo (Voprosy teorii i praktiki)* [Russia: Economics, Civil Law (Theory and Practice)]. Moscow, RITS ISPI RAN Publ., 2000. 224 p.
 32. McCormick D. N., Summers R. Interpreting precedents. A comparative study. Dartmouth, 1997. 598 p.
 33. Tarakanov V. V., Inshakova A. O., Dolinskaya V. V. Information Society, Digital Economy and Law. In: **Popkova E. G.**, ed. *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Springer, 2019. P. 3–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долинская Владимира Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ;
e-mail: civil-VVD@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimira V. Dolinskaya – Doctor of Law, professor at the Department of the Civil Law, Kutafin Moscow State Law University, member of the Scientific Advisory Board of the Supreme Court of the Russian Federation;
e-mail: civil-VVD@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Долинская В. В. Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 7–19.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-7-19

FOR CITATION

Dolinskaya V. V. Interaction of Private and Public Law as a Systemic Direction of Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 7–19.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-7-19

УДК 347.626

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-20-28

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРАВО КАК НОВАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ТЕОРИИ ПРАВА: ИДЕЯ БУДУЩЕГО ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ?

Певцова Е. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возросшим влиянием виртуального мира на правовую реальность современного общества, ставшей очевидно трансформацией постиндустриального общества в VUCA мир, в котором взаимоотношения субъектов урегулированы не в полной мере и нуждаются в особом изучении. Цель работы заключается в анализе юридической конструкции «виртуальное право» с позиции теории права, выяснении возможности её использования в профессиональном юридическом языке, а также выявлении сущности современного права и воздействия на него расширяющего свои сферы виртуального мира.

Процедура и методы исследования. При проведении исследования использованы методы контент-анализа, формально-юридический и метод компаративистики. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частно-научные методы познания (диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический) в их различном сочетании.

Результаты проведённого исследования. В результате исследования автор обращает внимание на то, что современное понимание права с позиции юридической техники не может и не должно уходить в мир виртуальности, ибо само право, несмотря на обладание признаками невидимости, находится «вне материальной реальности», тем не менее, формализуется в действующих источниках права и носит вполне понятный, реальный для правового регулирования необходимых объектов, смысл. Это позволяет констатировать факт не совсем верного употребления словосочетания «виртуальное право» в нормативных правовых актах. Для более чёткого словосочетания указанных понятий в правовом пространстве целесообразно в профессиональном юридическом языке использовать указанную конструкцию в кавычках, подчёркивая её особой смысл, или употреблять сочетание «право для регулирования виртуальных объектов».

Теоретическая/практическая значимость. Результаты данного исследования могут быть использованы законодателем при разработке новых нормативных актов, обеспечивающих регулирование поведения субъектов и объектов, находящихся в виртуальной среде.

Ключевые слова: право будущего, виртуальное право, юридическая конструкция, правопонимание, тренды в праве

VIRTUAL LAW AS A NEW LEGAL CONSTRUCT IN LAW THEORY: THE IDEA OF THE FUTURE OR ACTUAL REALITY?

E. Pevtsova*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The relevance of the problem under study is due to the increased influence of the virtual world on the legal reality of modern society, which has become an obvious transformation of the post-industrial society into a VUCA world, in which the relationships of the subjects are not fully regulated and need special study. The purpose of the article is to analyze the legal construction of «virtual law»

from the standpoint of the theory of law, to find out the possibility of its use in a professional legal language, and also to identify the essence of modern law and the impact of the expanding sphere of the virtual world on it.

Methodology and Approach. The leading approach to the study of the problem comprises the methods of content analysis, formal legal and comparative techniques. The methodological basis of the study includes general and specific research methods of cognition (dialectical, comparative legal, formal logical) in their various combinations.

Results. As a result of the study, the author argues that modern understanding of law from the legal perspective cannot and should not go too far in the virtual world because the law itself, despite the fact that it has signs of invisibility and immateriality, is nevertheless formalized in the existing legal sources and is quite understandable, real and meaningful for the legal regulation of the required objects. Hence the phrase *virtual law* does not sound quite proper in normative legal acts. For a more exact expression of the concept, it is advisable to use it in quotation marks thus emphasizing its special meaning or substitute by the phrase "law to regulate virtual objects".

Theoretical and Practical Value. The results of this study can be used by legislators in course of making new regulations of the behavior of subjects and objects in virtual environment.

Keywords: law of the future, virtual law, legal structure, legal understanding, trends in law

Мы живём в эпоху глобальных перемен, нестабильности мира и стремительных трансформаций уклада человеческого бытия. Изменяются не только мир, окружающий нас в повседневной действительности, но и мир юридических профессий, специфика взаимодействия людей. В связи с внедрением новых технологий в деятельность современного человека, расширением онлайн-услуг и абсолютно нового рода взаимодействий в обществе меняется и представление о праве и о тех, кто является знатоком в сфере права. Что становится перспективным? Быть сетевым юристом, виртуальным адвокатом, медиаследователем или киберполицейским? Искусственный интеллект и новые технологии переполняют нашу жизнь и заставляют мысли Человека выстраиваться в несколько иной парадигме. Всё больше юридических услуг переводится в онлайн-режим, а онлайн-формат любого сервиса становится наиболее удобным для всё большего и большего количества людей.

В правовом сознании современной молодёжи по-новому осмысливаются цифровизация и виртуализация права. Показательны в этом отношении некоторые статистические данные. В рамках XIV Международной школы-практикума молодых учёных-юристов «Право перед

вызовами технологической революции», состоявшейся 31 мая – 1 июня 2019 г., был проведён опрос участников (учёных-юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических учебных заведений, представителей бизнес-сообщества) по рассматриваемой теме, который включал несколько вопросов, и два из них представляют особый интерес применительно к теме исследования [8]:

1. *Сохраняется ли роль права в условиях цифровизации или на смену приходит техническое регулирование:*

- 34,3 % – цифровизация влияет на новые сферы правового регулирования;
- 28,1 % – возникает новый тип социально-технических регуляторов;
- 18,75 % – изменяется статус гражданина в цифровой реальности;
- 15,6 % – сохраняется традиционная сфера правового регулирования;
- 3,25 % – техническое регулирование – это часть правового регулирования;

2. *Как изменится законодательство в условиях цифровизации:*

- 51,8 % – форма и содержание законодательства существенно не изменятся;

- 21,8 % – границы международного права и национального законодательства сотрутся, будут замещены соглашениями и техническими регламентами (протоколами) транс-национальных цифровых корпораций;
- 11,1 % – законодательные нормы будут переведены в формат компьютерного кода (алгоритм), который будет разрабатываться с помощью искусственного интеллекта;
- 7,9 % – изменится форма, но не содержание;
- 7,4 % – потеряет значение деление на отрасли законодательства и правовые институты [8].

Статистика показывает, что в правовом сознании молодых юристов прочно закрепляется понимание того, что в новых условиях возникает абсолютно новый тип социально-технического регулирования, в т. ч. виртуальных объектов, которые не находятся напрямую в реальной действительности.

Казавшиеся незыблемыми ценности и научные конструкции сегодня подвергаются переосмыслению, появляется нечто новое, которое пока ещё не до конца познано разумом Человека. Возникает вопрос: неужели и понимание права как совокупности выработанных и передаваемых из поколения в поколение закреплённых государством правил, основанных на ценностях и справедливости жизни, полностью преобразуется? В последнее десятилетие мы всё чаще произносим слово «виртуальное», адресуя его к среде нахождения человека и его повседневной деятельности. Возможно ли указанное прилагательное применить к слову «право»?

В традиционной теории права хорошо известны различные концепции его понимания. Ясно, что единого мнения вряд ли можно услышать и сегодня. Вместе с тем школы права, поясняя его суть, по-разному прибегали к необходимости сопровождать слово различными прилагательными: по типу, позитивное, естественное право. В

этом случае подчёркивалось и понимание происхождения права и его сути.

Некоторые словари указывают на старославянское происхождение термина «виртуальный», доказывая его сходство со словами «вид», «образ»¹. Эволюция русского языка привела к пониманию этого слова в значении «воображать из себя, создавать образ». Это означает, что виртуальным следует характеризовать то, что не существует в реальности и является всего лишь плодом фантазий человека. В отношении права это особенно интересно, ведь конструкция этого слова изначально была связана с пониманием справедливости, правоты, правильности, т. е. всего того, что нельзя увидеть напрямую и осязать без материального воплощения в определённых формах.

Однако анализ литературы по вопросу использования слова «виртуальный» показывает порой неоднозначность его трактовки. В некоторых случаях значения слова прямо противоположны. В английском языке *virtus* употребляется как моральная ценность, которую передают из поколения в поколение. Есть факты использования понятия «виртуальный», «действующий», а значит «существующий в материальном мире». Всё это приводит к мысли о том, что виртуальная реальность есть возможно существующее пространство. С философской точки зрения можно предположить использование указанного термина как в значении наличия множественности реальностей, так и существовании одной – природной. При этом каждая из них способна породить нечто виртуальное.

Над изучением подобных тем и размышлением о сути виртуальности в праве работал специально созданный Центр виртуалистики Института человека РАН в начале нового столетия. В результате многочисленных исследований в новых условиях удалось выявить и проанализировать некоторые важные свойства виртуальной реальности. Во-первых, в результате того, что она создаётся человеком, можно говорить о её порождённости и актуальности,

¹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1994.

ибо она не создавалась бы как потребность. Во-вторых, виртуальная реальность живёт по своим законам и требует своих правил, а значит, породившись, она вдруг становится автономной и относительно самостоятельной. В последнем случае её самостоятельность ограничена тем, кто её порождает. В-третьих, виртуальная реальность всегда способна взаимодействовать с другими средами. Все эти свойства виртуальной реальности позволяют полагать, что право как таковое имеет возможность проникнуть в указанную среду и представлять интересы её участников. Но даже при таком подходе право не становится виртуальным, оно продолжает оставаться в тех границах и свойствах, которые ему присущи.

Изучению виртуального права посвящено немало научных статей и монографий [1; 2; 5; 6; 7]. Вслед за западноевропейскими коллегами, идеи более тщательного исследования виртуального пространства, нуждающегося в определённых правилах, подхватили российские исследователи [1]. Однако так сложилось, что в России большинство трудов посвящено пониманию виртуального права именно применительно к отраслевым научным изысканиям [2; 6; 8; 12].

В литературе стали выделяться различные аспекты виртуальности, например, ведущим является технологический подход. С его помощью человек как бы непосредственно «входит» в виртуальное пространство. В реальной и виртуальной средах появились и новые вещные права, которые постепенно находят правовое закрепление в законах, например, ст. 141.1 «Цифровые права» ГК РФ. Согласно закону, этот термин институционализирован как «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление права, распоряжение правом, в т. ч. передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информаци-

онной системе без обращения к третьему лицу. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву»¹.

Не только нормы гражданского, но и других отраслей права закрепили новые аспекты поведения людей в реальном и виртуальном пространствах. Например, в трудовом праве закрепился появившийся в реальном мире, но порождённый виртуальной средой, перечень новых профессий, требований к документам и их оформлению для лиц при поступлении на работу или увольнении с неё.

Переосмысливаются и другие юридические понятия в профессиональном языке. Причём этот процесс захватил не только национальное, но и международное право в целом. Восточным экономическим Форумом приняты рекомендации о стратегиях информационного правотворчества по информационным коммуникационным техногенам [10; 11; 12]. А в Акте Европейского парламента «Law and Robots», например, определены границы применения роботов и ответственность лиц, которые их используют. В некоторых странах приняты законы о роботах (например, в Южной Корее) [6; 7; 8].

Если говорить о праве, одним из его свойств является порождаемость человеком, которая, бесспорно, определяется и асоциальными состояниями. Это подчёркивает схожесть виртуальной реальности с правом. В виртуальной реальности, как и в праве, человек способен самовыражаться. Например, благодаря интеллектуальным продуктам компании *Silicon Graphics* созданы новые системы вижуанариумов, позволяющие человеку парить над известными произведениями искусства и воображать то, что в материальном мире не существует как реальность. Однако и само искусство становится виртуальным, о чём уже пишут научных книг, выдвигая подобную концепцию.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

Принято считать, что предметом виртуального права являются отношения и ситуации, которые складываются в пространствах и средах, как таковых не существующих в реальности, а моделируемых с помощью технических средств [10]. Такой подход всегда ассоциирован с игроманией, игрофикацией, ставшими особенностями современного нестабильного реального мира. При этом следует учитывать тот факт, что в большинстве своём так называемые виртуальные миры являются копией социальной действительности человека с элементами его фантазии и творчества.

Есть и другие позиции. Ещё в начале XXI столетия в науке была обоснована идея о том, что интернет не виртуален, а реален, и его следует признать техническим артефактом. Однако пользователи его виртуальны, т. к. взаимодействуют вне реальности [3]. Зарубежные учёные и практики также спорят в отношении понимания того, что есть виртуальный объект (*what is the meaning of virtual objects*). В одних случаях под этим подразумевается программный объект, текст компьютерной программы, а в других, напротив, – некий объект, которого нет в реальном мире [3].

Право также является плодом интеллектуального творчества человека, оно не может порождаться даже самым высоконаучным искусственным интеллектом. Помимо всего прочего этот факт обусловлен тем, что право воплощает в себе необходимые человеческие ценности, его представления о правильном и неправильном, справедливом и несправедливом. Право всегда выполняло важные функции, среди которых ведущую роль играли: регулирующая, оценочная, охранительная и воспитательная. Именно они выступали важной основой его предназначения. В этом смысле право в виртуальном пространстве регулирует различные аспекты моделируемых человеком виртуальных отношений, возникающих в виртуальных мирах.

Однако виртуальный мир, как ни парадоксально для традиционных представлений, нельзя признать несуществующим, ибо взаимодействие субъектов внутри него

оказывает воздействие на реальный сектор экономики, а иногда просто влечёт за собой весьма материальные последствия. В настоящее время в виртуальном пространстве интернета сосуществуют более 6 млн доменов. Увы, есть и такие, которые оказывают влияние на поступки людей, стоят человеку жизни (в 2019 г. количество случаев, в которых игры приводили к суицидам детей возросло). В настоящее время подростки проводят большую часть своего времени в социальных сетях. Обобщая различные статистические данные, можно заключить, что более 39 % детей тратят на интернет более 4 ч в сутки. Однако среди них есть и те (порядка 4 %), кто пытается создавать свой виртуальный мир. Профили в социальных сетях позволяют им самовыражаться, самопрезентовать. Многие так называемые нереальные миры обладают качеством реальной социальной действительности, становясь пространством для различного рода экспериментов [4; 6; 12]. Таким образом, дети (а также люди других возрастных групп) перестают различать миры и становятся участниками смешанных миров. Наряду с развитием их социальной активности, появляется и ряд негативных явлений, требующих правового вмешательства. К ним относят кибермошенничество, буллинг, шейминг, унижение чести и достоинства, что становится угрозой для реального существования человека. Так в виртуальном пространстве возникает потребность в правовом регулировании и разрешении возникающих конфликтов. Т. е. не только законодатель, но и правоприменитель, одновременно констатируют потребность в праве для виртуального мира. Доказательством тому может служить сложившаяся судебная практика, связанная с разрешением конфликтов, возникающих в виртуальных мирах [2].

Однако остаётся вопрос, как же право должно регулировать виртуальное пространство? Американские и западноевропейские исследователи гораздо раньше российских учёных стали высказывать своё понимание правового регулирования виртуальных взаимоотношений субъектов

[13; 14; 15; 16; 17; 18]. Например, было определено понимание «виртуальный мир», «виртуальное право», но является ли при этом виртуальным сам процесс правового регулирования и насколько виртуально само право, обеспечивающее это регулирование? Интересные наработки на этот счёт появились у адвоката американского штата Калифорния Бенджамина Т. Дюранске. Имея опыт практической деятельности, юрист стал членом специально созданного Комитета по виртуальным мирам и многопользовательским играм Американской ассоциации адвокатов [9] и приложил все усилия, чтобы доказать, что виртуальные миры представляют собой всего лишь среды обитания субъектов, аватаров. Такие среды моделируются исключительно компьютерными технологиями. Значит, в реальности их просто нет.

Сегодня в историю вошло признание того, что стартом виртуальных сред стали 80-е гг. прошлого века, а именно разработанная ролевая онлайн-игра MUD (Multi-User Dungeon), которую спроектировал Р. Бартл. Спустя 20 лет уже в новом столетии появилась программа, в основе которой был заложен искусственный интеллект. Такие программы позволяли освободить профессионалов от монотонной рутины принятия стандартных, типичных решений [4; 5].

В правовых отношениях с позиции традиционной теории права взаимодействуют субъекты, имеются объект и содержание, представляющие совокупность прав и обязанностей участников. Если рассматривать онлайн-игру, то в любой из них мы видим: виртуальный мир, в который погружаются игроки; пользователей-участников, которые взаимодействуют между собой; правила, по которым осуществляются их виртуальные поступки. Однако специалисты доказывают, что между понятиями «виртуальный мир» и «компьютерная игра» существуют различия, и это не одно и то же.

Если изучать позиции цивилистов в отношении понимания виртуального права, то можно увидеть сложившееся мнение о том, что праву интересно лишь то,

где можно выиграть или проиграть, и то, что так или иначе связано с имуществом. Причём к престижным или коммерческим играм применяются обязательства из публичного конкурса согласно гл. 57 ГК РФ.

Согласно позиции доктора юридических наук И. Рассолова, высказанной им в своих трудах, «предметом изучения интернет-права является совокупность норм права, регулирующих отношения в виртуальном пространстве и содержащих предписания, которые относятся к информационной деятельности в Интернете в целом» [6; 8; 9; 12].

Учёные доказали, интернет ускорил динамику жизни людей, находящихся вне виртуальности, ибо повлиял на их реальные поступки. Происходит нечто вроде сближения территорий правового мира, находящихся в реальности и вне её, что предсказывал ещё известный британский учёный Д. Харви. Причём эта очевидность перенесена и в практику. Судьи начинают осмысливать вынесение решений, обращая внимание на те функции, которые выполняет то или иное лицо в виртуальном пространстве. Достаточно интересно данный факт был описан в работе В. В. Архипова, посвящённой виртуальным мирам и виртуальному праву [2]. Рассматривая постановления Президиума ВАС РФ № 6672/11 от 01.11.2011 и № 10962/08 от 23.12.2008 относительно ответственности владельцев социальных сетей (вообще лиц, которые дают техническую возможность размещать контент другим лицам), можно заметить, что правоприменитель склоняется к особой юридической ответственности владельцев онлайн-сервисов, подчёркивая необходимость их работы по устранению всяческих последствий нарушения права. Подобный подход был поддержан и в последующих определениях ВАС в 2012 г. Так, например, в Определении ВАС РФ № ВАС-13900/12 от 07.11.2012 говорится о презумпции добросовестности пользователя файлообменного сервиса или социальной сети.

Юридическая практика признала, что многие отношения в виртуальном мире

приобретают несколько иной характер и позволяют задуматься о необходимости новых форм правового регулирования поведения участников правоотношений в виртуальном мире. Так, например, на страницы научных статей попало Определение Московского областного суда от 16.09.2010 по делу № 33-18051, в котором показано понимание ситуаций заимствования персональной информации при её пересылке по электронной почте. К настоящему времени можно констатировать, что постепенно в стране формируется правоприменительная практика в области правового разрешения споров и действий, совершаемых в виртуальных мирах, где правовое регулирование связано с совершением действий самого человека или его аватара. Пользователи виртуальных сервисов выходят на правовой контакт с лицом, которое предоставляет услуги по доступу в виртуальный мир. Как правило, такие отношения выстраиваются на договорной основе и носят возмездный характер. Однако формируемые искусственным интеллектом договоры включают в себя персонифицированные нормы права, зафиксированные в материальных, а не виртуальных источниках (в данном случае, в ГК РФ). Складывающиеся в интернет-пространстве отношения и ситуации регулируются нормами права, формализованными в действующих источниках.

Понятно, что термин «виртуальное право» в национальном юридическом язы-

ке закрепился по аналогии с устойчивыми оборотами по типу «трудовое право», «гражданское право», ассоциируясь с предметом правового регулирования. Вместе с тем, эти сочетания носят не однотипный характер. Виртуальное право не только регулирует отношения виртуального пространства, название подобного рода несёт в себе несколько иной акцент, а именно акцент на смысл термина «виртуальный». Таким образом, современное понимание права с позиции юридической техники не может и не должно уходить в мир виртуальности, ибо само право, несмотря на то, что обладает признаками невидимости, нахождения «вне материальной реальности», тем не менее, формализуется в действующих источниках права и носит вполне понятный, реальный для правового регулирования необходимых объектов смысл. Это позволяет констатировать факт не совсем верного употребления в нормативных правовых актах словосочетания «виртуальное право». В правовом пространстве для указанных понятий в профессиональном юридическом языке целесообразно использовать указанную конструкцию в кавычках, подчёркивая её особый смысл или употреблять сочетание «право для регулирования виртуальных объектов».

Статья поступила в редакцию 10.03.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина Э. И. Правовые аспекты создания и использования сложных объектов интеллектуальных прав в виртуальной реальности // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 147–152.
2. Архипов В. В. Виртуальное право: новое направление юридических исследований // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 93–114.
3. Виноградов П. А. Понятие виртуального объекта и оборотоспособность виртуальных объектов в системе современного отечественного законодательства на примере интернет-сайта // Молодой ученый. 2017. № 15. С. 229–234.
4. Гринь Е. С., Королева А. Г. Формирование базовых моделей охраны технологий виртуальной и дополненной реальности в сфере права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 90–97.
5. Дремлюга Р. И., Крипакова А. В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 161–169.
6. Залоило М. В., Шулятьев И. А. Право в условиях цифровой реальности (Обзор XIII междуна-

- родной школы-практикума молодых ученых-юристов) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 171–187.
7. Клименко Ю. А. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ: виртуальные активы и международные стандарты противодействия отмыванию денег // Уголовное право. 2019. № 4. С. 49–55.
 8. Крысенкова Н. Б., Сакаева О. И. Право перед вызовами технологической революции (Обзор XIII международной школы-практикума молодых ученых-юристов) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 146–161.
 9. Рассолов И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М., 2003. 331 с.
 10. Энтин В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с.
 11. Юридическая концепция роботизации / Головина А. А., Сидоренко А. И., Антонова Н. В., Крысенкова Н. Б., Нанба С. Б., Цомартова Ф. В., Гаунова Ж. А., Бальхаева С. Б., Тихомиров Ю. А. М.: Проспект, 2019. 240 с.
 12. Юхвид А. В. Философская концепция виртуальной реальности для искусства XXI века // Философская антропология и философия культуры. Т. 3. Ч. 2. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1999. С. 204–205.
 13. Abdullah M., Shaikh Z. An effective virtual reality based Remedy for acrophobia // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2018. № 9 (6). P. 162–167.
 14. Afoaku M. The Reality of Augmented Reality and Copyright Law // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. 2017. Vol. 15. P. 111–128.
 15. Azuma R. T. A Survey of Augmented Reality // In Presence: Teleoperators and Virtual Environments. 1997. № 4. P. 355–385.
 16. Duranske B. T. Virtual Law: Navigating Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago: ABA Publishing, 2008. 461 p.
 17. Hobson A. Reality check: the regulatory landscape for virtual and augmented reality [Электронный ресурс] // R Street Policy Study. [2016]. URL: <https://www.rstreet.org/wp-content/uploads/2016/09/69.pdf> (дата обращения: 02.02.2020).
 18. Lemley M. A., Volokh E. Law, Virtual Reality, and Augmented Reality [Электронный ресурс] // University of Pennsylvania Law Abstract. 2018. Vol. 166. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2933867 (дата обращения: 02.02.2020).

REFERENCES

1. Abdullina E. I. [Legal aspects of creation and use of complex objects of intellectual property rights in virtual reality]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Topical Problems of Russian Law], 2017, no. 9, pp. 147–152.
2. Arkhipov V. V. [Virtual law: a new area of legal research]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2013, no. 2 (307), pp. 93–114.
3. Vinogradov P. A. [The concept of a virtual object and the virtual turnover capacity of the objects in the system of modern national legislation by example of the web-site]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2017, no. 15, pp. 229–234.
4. Grin E. S., Koroleva A. G. [The formation of the basic models for the protection of the technologies of virtual and augmented reality in the field of intellectual property rights]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Topical Problems of Russian Law], 2019, no. 6, pp. 90–97.
5. Dremlyuga R. I., Kripakova A. V. [Crimes in virtual reality: myth or reality?]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Topical Problems of Russian Law], 2019, no. 3, pp. 161–169.
6. Zaloilo M. V., SHulyatev I. A. [Law in the digital environment (Review of the 13th International School-Workshop of Young Legal Scholars)]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2018, no. 4, pp. 171–187.
7. Klimenko Y. A. [New explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases Provided by Article 174 and 174.1 of the Criminal Code: Virtual Assets and International Standards For Combating Money Laundering]. In: *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2019, no. 4, pp. 49–55.
8. Krysenkova N. B., Sakaeva O. [Law: facing the challenges of technological revolution (an Overview of the 13th International School-Workshop of Young Legal Scholars)]. In: *Zhurnal zarubezhnogo*

- zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2019, no. 4, pp. 146–161.
9. Rassolov I. M. *Pravo i Internet. Teoreticheskie problemy* [Law and the Internet. Theoretical problems]. Moscow, 2003. 331 p.
 10. Entin V. L. *Avtorskoe pravo v virtual'noi real'nosti (novye vozmozhnosti i vyzovy tsifrovoi epokhi)* [Copyright in Virtual Reality (New Opportunities and Challenges of the Digital Era)]. Moscow, Statut Publ., 2017. 216 p.
 11. Golovina A. A., Sidorenko A. I., Antonova N. V., Krysenkova N. B., Nanba S. B., Tsomartova F. V., Gaunova Z. A. et al. *Yuridicheskaya kontseptsiya robotizatsii* [Legal Concept of Robotics]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 240 p.
 12. Yukhvid A. V. [The philosophical concept of virtual reality for the art of the 21st century]. In: *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kultury* [Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture]. Vol. 3. Part 2. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 1999. P. 204–205.
 13. Abdullah M., Shaikh Z. Effective virtual reality based remedy for acrophobia. In: *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 2018, no. 9 (6), pp. 162–167.
 14. Afoaku M. The Reality of Augmented Reality and Copyright Law. In: *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*, 2017, vol. 15, pp. 111–128.
 15. Azuma R. T. A Survey of Augmented Reality. In: *In Presence: Teleoperators and Virtual Environments*, 1997, no. 4, pp. 355–385.
 16. Duranske B. T. *Virtual Law: Navigating Legal Landscape of Virtual Worlds*. Chicago: ABA Publishing, 2008. 461 p.
 17. Hobson A. Reality check: the regulatory landscape for virtual and augmented reality. In: *R Street Policy Study*, 2016. Available at: <https://www.rstreet.org/wp-content/uploads/2016/09/69.pdf> (accessed: 02.02.2020).
 18. Lemley M. A., Volokh E. Law, Virtual Reality, and Augmented Reality. In: *University of Pennsylvania Law Abstract*, 2018, vol. 166. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2933867 (accessed: 02.02.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Певцова Елена Александровна – доктор юридических наук, профессор, проректор Московского государственного областного университета;
e-mail: ea.pevtsova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Pevtsova – Doctor of Law, professor, Vice-Principal of Moscow Region State University;
e-mail: ea.pevtsova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Певцова Е. А. Виртуальное право как новая юридическая конструкция в теории права: идея будущего или реальная действительность? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 20–28.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-20-28

FOR CITATION

Pevtsova E. A. Virtual Law as a New Legal Construct in Law Theory: The Idea of the Future or Actual Reality? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 20–28.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-20-28

УДК 347.626

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-29-40

СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ: В ПОИСКЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Елисеева А. А.*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью проведенного исследования стал поиск действенного правового регулирования отношений по вопросам собственности супругов в современной России.

Процедура и методы исследования. Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих задач: исследование оснований и форм вмешательства государства в семейную жизнь граждан относительно охраны и защиты прав супругов на имущество; рассмотрение института общей собственности супругов в сравнительно-историческом аспекте; анализ проблем, связанных с осуществлением и защитой имущественных прав супругов на текущем этапе развития общества; формулирование предложений по совершенствованию действующего законодательства в исследуемой сфере. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания (диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический) в их различном сочетании.

Результаты проведенного исследования. Автор высказывает суждение о необходимости модернизации правового регулирования имущественных отношений супругов с учётом запросов социума, предлагает изменить законный, но сохранить с некоторой корректировкой ныне действующий договорный режим имущества супругов с целью наиболее оптимального разрешения накопившихся проблем в правоприменительной практике. По мнению автора, предлагаемые новации в регулировании имущественных отношений супругов должны стать действенным средством оптимизации отношений собственности супругов в интересах семьи.

Теоретическая/практическая значимость. Значимость работы состоит в раскрытии и обобщении имеющихся проблем в правовом регулировании имущественных отношений супругов, формулировке предложений по совершенствованию действующего российского законодательства в отношении собственности супругов.

Ключевые слова: семья, интересы семьи, супруги, имущественные отношения супругов, общее имущество супругов, имущество каждого из супругов, режим раздельности имущества супругов, законный режим имущества супругов, договорный режим имущества супругов, общая собственность супругов, общие обязательства, обязательство одного из супругов, банкротство супруга, совместное завещание супругов, наследственный договор

MARITAL PROPERTY: IN SEARCH OF EFFECTIVE LEGAL REGULATION

A. Eliseeva*Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The aim of the study was to find an effective legal regulation of property relations between spouses in modern Russia.

Methodology and Approach. To achieve this goal the following tasks were fulfilled: examination of the bases and forms of state intrusion into citizens' family life concerning protection of marital property rights; consideration of the institute of community property in a comparative-historical aspect; analysis of the problems related to the implementation and protection of the property rights of spouses at the current stage of social development, formulation of proposals for improving the existing legislation in the area under study. The methodological basis of the study includes general and specific scientific methods of cognition (dialectical, comparative legal, formal-logical) in their various combinations.

Results. The author argues the necessity of modernizing legal regulation of marital property relations, taking into account social needs, and proposes to make some adjustments to the current contractual regime of marital community property in order to best resolve the accumulated problems in law enforcement practice. According to the author, the proposed innovations in the regulation of marital property relations should become an effective means of optimizing these relations in the interests of the family.

Theoretical and Practical Value. The value of the study consists in disclosure and generalization of the existing problems in legal regulation of marital property relations, formulation of proposals to improve the current Russian legislation in the field of marital property.

Keywords: family, family interests, spouses, property relations of spouses, marital community property, property of each spouse, regime of separation of marital property, legal regime of marital property, contractual regime of marital property, matrimonial property, common liabilities, obligation of a spouse, bankruptcy of a spouse, joint will of spouses, inheritance contract

ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие экономики и уклада жизни российского общества закономерно предполагает изменение правового регулирования имущественных отношений между членами семьи. В связи с чем актуально обратить внимание на оценку упущений действующей и поиск наиболее эффективной регламентации отношений по вопросам осуществления супругами прав на имущество в отечественном законодательстве.

Супружеские имущественные отношения хотя и не являются определяющими в семье, но имеют особое значение для её существования. Семья является естественной и основной ячейкой общества¹, признаётся конституционной ценностью [14, с. 21–30] и находится под защитой государства². Каждый имеет право на уважение

его частной и семейной жизни, не допускается произвольное вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права³. Семья автономна, но тем не менее вмешательство в её дела возможно, если это «предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц»⁴.

Каковы же основания и формы вмешательства публичной власти в семейную жизнь российских граждан относительно охраны и защиты прав супругов на принадлежащее им имущество?

При ответе на данный вопрос необходимо отметить следующее.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Ст. 16 // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/67d473120e2e3f8c8a2be9505d11aa6ddbe0a5ff/ (дата обращения: 10.01.2020).

² Конституция Российской Федерации. Ст. 38 // Конституция РФ: [сайт]. URL: <http://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-1/st-38-krf> (дата обращения: 10.01.2020). Семейный Кодекс Российской Федерации. Ст. 1

[Электронный ресурс] // Консультант Плюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/ (дата обращения: 10.01.2020).

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950). Ст. 8. // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/2540800/31de5683116b8d79b08fa2d768e33df6/> (дата обращения: 10.01.2020).

⁴ Там же.

Супруги при построении своих отношений руководствуются собственными, частными интересами, сформированными под воздействием различных факторов: воспитания, образования, традиций, обычаев, житейского опыта и т. д. Если между супругами существуют доверительные отношения на основе «взаимной любви и уважения», «взаимопомощи и ответственности перед семьей всех её членов», то они без какого-либо постороннего воздействия самостоятельно регулируют свои отношения, совместно решают бытовые проблемы, в т. ч. имущественного характера. Но если семейная жизнь «даёт» трещину, то доверие друг к другу, как правило, исчезает, возникают конфликты и супругам становится затруднительно самостоятельно осуществлять и защищать свои семейные права. Именно в такие моменты супруги прибегают к помощи закона, сформированного публичной властью.

Одной из функций государства по исполнению взятых на себя обязательств по защите семьи является издание законов, предусматривающих определённые правовые гарантии реализации и охраны семейных прав граждан. Существования таких гарантий можно достичь только при закреплении в законодательстве определённого баланса публичных и частных интересов, в т. ч. по вопросам правового регулирования имущественных отношений супругов.

Государство заинтересовано в сохранении брачных союзов, укреплении института семьи¹. Семья является объектом государственной семейной политики. Реализуемая в РФ Концепция государственной семейной политики² предполагает наличие необходимого нормативно-

правового обеспечения³. При разработке и совершенствовании законодательства в данной области социальной жизни российских граждан крайне важно учитывать, что предоставленное законом право не должно быть просто декларацией. Субъективное право имеет социальную ценность лишь в случае, если существует реальная возможность его осуществления. Таким образом, правовая регламентация супружеских отношений должна быть направлена на фактически сложившиеся взаимоотношения в семье, быть актуальной и действенной, иначе нормы не будут иметь того правового эффекта, на который рассчитывал законодатель при их разработке.

Следует отметить, что в настоящее время правовое регулирование супружеских отношений по поводу принадлежащего им имущества не соответствует запросам общества, на что автор и другие исследователи [2; 9; 11; 12] неоднократно обращали внимание. В правоприменительной практике назрел уже целый пул проблем, требующих скорейшего разрешения на законодательном уровне.

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВЛАДЕНИЕМ, ПОЛЬЗОВАНИЕМ И РАСПОРЯЖЕНИЕМ СОВМЕСТНЫМ ИМУЩЕСТВОМ СУПРУГОВ

Одними из наиболее злободневных являются вопросы, связанные с владением, пользованием и распоряжением совместным имуществом супругов. Здесь можно упомянуть и имеющиеся в определённых случаях несоответствия понятийного аппарата семейного законодательства терминам, используемым в гражданском обороте (например, расхождение терминологии, используемой в ст. 34 Семейного кодекса РФ 1995 г. (далее – СК РФ) и в ст. 128 Гражданского кодекса РФ 1994 г. (далее – ГК РФ); и устаревший, имеющий пробелы и противоречия в правовой регламентации механизм отнесения имущества супругов

¹ Об особенностях проявления публичного интереса в семейно-правовой сфере см.: Ильина О. Ю. Конституционно-правовые основы социального вектора современной государственной семейной политики [7, с. 33–42].

² Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.» // Гарант [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70727660/> (дата обращения: 10.01.2020).

³ О поставленных целях и ожидаемых результатах реализации данной Концепции см.: Булаевский Б. А. Принципы семейного права и правовое обеспечение семейной политики [1, с. 9–17].

к совместной собственности [6, с. 28–31]; и недостаток жёсткого регламента исчисления срока исковой давности по делам о разделе имущества бывших супругов в условиях участвовавших случаев судебных споров по данным вопросам [4, с. 52–54]; и отсутствие адекватного правового регулирования вопросов, связанных с долговыми обязательствами супругов [8, с. 17–20], содержанием соглашения о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака [16, с. 18–24], изменением, расторжением, признанием недействительным данного соглашения и ряд других моментов.

Действительно, в условиях изменившейся социально-экономической формации, где институт собственности усилил свои позиции, довольно проблематично применять нормы права, прообразы которых сформированы в советский период, характеризующемся, как известно, иными по сравнению с текущими подходами к пониманию, значению и правовым последствиям частного владения имуществом.

Право общей собственности супругов регламентируется специальными правовыми режимами, закреплённым в законодательстве. СК РФ предусматривает два основных режима имущества супругов: *законный* и *договорный*. Под законным режимом имущества супругов понимается режим их совместной собственности (п. 1 ст. 33 СК РФ). Имущество, нажитое супругами во время брака, является совместной собственностью супругов, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества (п. 1 ст. 256 ГК РФ). В свою очередь наличие брачного договора предполагает наличие договорного режима имущества супругов. Брачным договором супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности и установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на всё имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов (п. 1 ст. 42 СК РФ).

Договорный режим был введён законодателем с 1 марта 1996 г. и мотивировался «возрождением» института частной

собственности, развитием договорных отношений российских граждан, влекущих необходимость усиления диспозитивных начал в правовом регулировании имущественных отношений супругов. «Однако практическое применение брачного договора в реальной жизни показало, что данный правовой институт не так совершенен, как того можно было бы ожидать» [13]. Этому заключению служит несколько причин, одной из главных является «лаконичность» и «абстрактность» используемых законодателем формулировок при изложении норм, регламентирующих данный правовой институт. Например, совсем не ясно, что имел в виду законодатель под «условиями, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение» (п. 3 ст. 42, п. 2 ст. 44 СК РФ). Кроме того, ст. 42 СК РФ содержит запрет на включение в содержание брачного договора условий, регулирующих личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей, что также не позволяет применять данный договор более активно. Следует заметить, что, несмотря на возникновение множества проблем теоретического и практического характера при реализации положений гл. 8 СК РФ, регулирующей договорный режим имущества супругов, с момента принятия СК РФ в неё не было внесено ни одного изменения.

Что же касается законного режима имущества супругов, то необходимо вспомнить, что положения о совместной собственности супругов были введены в нашей стране намного раньше, а именно Кодексом законов о браке, семье и опеке 1926 г. и обосновывались «недостаточным» значением прежде действовавшего правила о раздельности имущества супругов «той общности жизни, интересов, стремлений, которая характеризует собой брак в социалистическом обществе» [15, с. 38], «необходимостью лучше обеспечить интересы женщины-домашней хозяйки» [5, с. 11]. Примечательно, что данный кодекс не приводил перечень подобного

имущества в силу практически полного отсутствия такового у супругов.

Следует констатировать, что современные супруги достаточно сильно отделились от идеала «социалистической» модели построения отношений в семье. Произошло это под воздействием многих факторов: смены политического и экономического строя; преобразования семьи из «сельской» в «городскую», из патриархальной в нуклеарную; изменения представлений в обществе о цели создания семьи и необходимости её сохранения, об отношениях полов и распределении ролей в семейном союзе.

В XXI в. супруги стали намного эгоистичнее, зачастую ставят личные интересы выше семейных, действуют «каждый за себя», да ещё со своим отличным от другого супруга набором «ценностей». В семьях теперь мало детей и практически отсутствуют «жёны-домохозяйки» в классическом их понимании, о защите имущественных прав которых так радел советский законодатель, вводя правила о совместной собственности супругов.

В отличие от брачных пар «советского периода» нынешние супруги весьма активно вовлечены в предпринимательскую деятельность, входят в состав участников корпораций и владеют целым «комплексом» различного имущества, допускаемого к обороту законом. Кроме того, вследствие увеличения объёма общего имущества супруги закономерно стали больше участвовать в сделках по распоряжению последним. Общность имущества супругов предполагает, что владение, пользование и распоряжение этим имуществом должны происходить по взаимному согласию супругов. Здесь необходимо отметить, что сделки по распоряжению общим имуществом супругов нередко стали заключаться не по «обоюдному» согласию супругов, а по волеизъявлению лишь одного из них, титульного владельца имущества. В настоящее время весьма обширна и разнообразна судебная практика по вопросам реализации положений, содержащихся в ст. 35 СК РФ и ст. 253 ГК РФ, в частности по при-

менению процедуры оспаривания сделок, совершённых одним из супругов (бывшим супругом) по распоряжению общим имуществом супругов, что, безусловно, свидетельствует о наличии определённых проблем и пробелов в нормах права, регулирующих данные вопросы [3, с. 382–393].

Расширение возможностей супругов в получении различных заёмных и кредитных средств спровоцировало в правоприменительной практике последних лет учащение случаев привлечения к ответственности супругов по обязательствам.

Действующее законодательство различает 2 вида обязательств супругов: обязательства *одного из них* и *общие* обязательства супругов. По обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено на имущество этого супруга и в определённых законом случаях на его долю в совместной собственности супругов. На общее имущество супругов взыскание обращается по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что всё, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи (п. 2 ст. 45 СК РФ).

Решение вопроса, какими именно являются обязательства по конкретной сделке, заключённой в период брака, зависит от правового режима имущества супругов. Если между супругами заключён брачный договор, то в отношении имущества супругов будут действовать положения брачного договора, в котором можно предусмотреть любые вопросы, касающиеся имущественных отношений супругов, в т. ч. установить порядок ответственности по обязательствам. Если брачный договор отсутствует, то применяются положения семейного законодательства о законном режиме имущества супругов, предусматривающего правила о разделе общего имущества супругов, при котором учитываются также общие долги супругов и права требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи¹ (которые, кстати, не обо-

¹ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении

значены в ст. 34 СК РФ в качестве объектов совместной собственности супругов).

Следует заметить, что, используя термины «общие обязательства супругов», «нужды семьи», «интересы семьи», «семья», действующее законодательство не содержит их легального определения и не устанавливает чётких критериев, по которым долг, возникший у супруга (супругов) в период брака, можно признать общим. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 5 раздела III Обзора судебной практики ВС РФ № 1¹, в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга. Из чего следует, что отнесение обязательств к общим обязательствам супругов носит оценочный характер, и в случае спора данный факт необходимо устанавливать в судебном порядке, что существенно затрудняет и «удлиняет» во временном интервале данный процесс, делает порою непредсказуемым результат и свидетельствует о наличии ещё одного «несовершенства» в правовом регулировании имущественных отношений супругов.

Развитие экономических отношений привнесло дополнительные затруднения во взаимоотношения супругов по поводу совместной собственности, которые в период введения правила об общности имущества супругов вообще отсутствовали. Связаны они с проблемами, возникающими при пользовании, распоряжении и разделе имущества супругов, используемого для осуществления предпринимательской деятельности, которые также не нашли

своего решения в нормах действующего семейного законодательства [10, с. 424–431].

В связи с введением института несостоятельности (банкротства) граждан, в настоящее время злободневным становится вопрос судьбы общего имущества супругов в случае банкротства одного из них. Следует отметить, что данный правовой институт, опять же, не находит своего отражения в нормах СК РФ, впрочем, как и вопрос возможности банкротства обоих супругов.

На основании п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве² имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина. Супруг (бывший супруг), полагающий, что реализация общего имущества в деле о банкротстве не учитывает заслуживающие внимания правомерные интересы этого супруга и (или) интересы находящихся на его иждивении лиц, в т. ч. несовершеннолетних детей,³ вправе обратиться в суд с требованием о разделе общего имущества супругов до его продажи в процедуре банкротства.

Согласно разъяснениям, приведённым в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48⁴, если супругами не заключались внесудебное соглашение о разделе общего имущества или брачный договор либо если судом не производился раздел общего имущества супругов, при определении долей супругов в этом имуществе следует исходить из принципа равенства долей супругов в общем имуществе и при

судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» п. 15 // СПС Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12013717/> (дата обращения: 10.01.2020).

¹ Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // СПС Гарант: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196727/ (дата обращения: 10.01.2020).

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС Гарант: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 10.01.2020).

³ Например, супруг, не участвующий в данной процедуре, желает сохранить имущество, выставленное на торги, а в выплате части средств от реализации общего имущества супругов (бывших супругов), соответствующих его доле в таком имуществе совершенно не заинтересован, в т. ч. по финансовым и/или личным причинам.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72139354> (дата обращения: 10.01.2020).

отсутствии общих обязательств супругов перечислять супругу гражданина-должника половину средств, вырученных от реализации общего имущества супругов (до погашения текущих обязательств). Супруг (бывший супруг) должника, не согласный с применением к нему принципа равенства долей супругов в их общем имуществе, вправе обратиться в суд с требованием об ином определении долей. Постановление Пленума ВС РФ № 48 (п. 10) ввело также определённый порядок для случаев, когда процедуры несостоятельности введены в отношении обоих супругов.

Анализ выше обозначенных положений позволяет утверждать, что в случае наличия совместной собственности супругов при банкротстве одного из них от такой собственности целесообразно заранее «освободиться» (при чём просто расторжение брака в данном случае не поможет), чем иметь определённые трудности, связанные с процессом раздела такого имущества в рамках процедуры банкротства. Кроме того, нужно учитывать, что банкротство одного из супругов освобождает от общих долговых обязательств лишь того супруга, кто признан банкротом. Второй супруг при недостаточности общего имущества продолжает по указанным обязательствам нести солидарную ответственность всем своим имуществом (п. 2 ст. 45 СК РФ).

Необходимо в таких ситуациях принимать во внимание и тот факт, что в определённых законом случаях не спасёт от определённых рисков раздела общего имущества супругов при процедуре несостоятельности одного из супругов даже наличие произведённого заранее судебного раздела общего имущества супругов, т. к. «финансовый управляющий, кредиторы должника, вправе обжаловать в общем установленном процессуальным законодательством порядке соответствующий судебный акт в части раздела имущества, определения долей при условии, что этим судебным актом нарушены их права и законные интересы» (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 48). Такие же положения имеются и в отношении внесудебного

соглашения супругов о разделе их общего имущества. «Финансовый управляющий, кредиторы должника, чьи требования признаны арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, обособленными и по размеру отвечают критерию, указанному в п. 1 ст. 213.32 Закона о банкротстве, вправе оспорить в рамках дела о банкротстве внесудебное соглашение супругов о разделе их общего имущества (п. 2 ст. 38 СК РФ) по основаниям, связанным с нарушением этим соглашением прав и законных интересов кредиторов» (ст. ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, ст.ст. 10, 168, 170, п. 1 ст. 174.1 ГК РФ)¹ (по иным основаниям подлежат рассмотрению в исковом порядке судами общей юрисдикции – *прим. автора*). При этом важно отметить, что в силу п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве имущество должника и перешедшее вследствие раздела супругу общее имущество включаются в конкурсную массу должника. «Включенное таким образом в конкурсную массу общее имущество подлежит реализации финансовым управляющим в общем порядке с дальнейшей выплатой супругу должника части выручки, полученной от реализации общего имущества. Требования кредиторов, которым могут быть противопоставлены раздел имущества, определение долей супругов (бывших супругов), удовлетворяются с учётом условий соглашения о разделе имущества, определения долей»². Те же правила действуют и при изменении законного режима имущества супругов брачным договором.

Всё перечисленное свидетельствует о том, что режим совместной собственности супругов существенно обременяет имущественные правоотношения между супругами в случае банкротства (несостоятельности) одного из них, что не характеризует существующий правовой меха-

¹ Там же.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72139354/> (дата обращения: 10.01.2020).

низм регулирования данных отношений с привлекательной стороны, особенно при использовании его в качестве законного, т. е. действующего по умолчанию для большинства российских граждан.

Затрагивают вопросы распоряжения общим имуществом супругов и новые для российской системы права институты: совместное завещание супругов и наследственный договор, о которых не упоминается в СК РФ, но содержится их правовая регламентация в ГК РФ. По сути, данные правовые институты наделяют лиц со специальным статусом «супруги» дополнительными полномочиями, не предусмотренными семейным законодательством, в связи с чем порождают определённые теоретические споры о правовой природе названных отношений.

Следует обратить внимание, что, несмотря на наличие новейшего взгляда законодателя в отношении возможностей супругов по распоряжению имуществом на случай смерти, в нормах права, регулирующих их, имеются упущения. Существуют определённые вопросы, требующие авторитетного пояснения. Например, это касается правил, закреплённых: в абз. 2 п. 4 ст. 1118 ГК РФ о возможности супругов «определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если определение имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, не нарушает прав третьих лиц» (это новые, не предусмотренные СК РФ возможности супругов по изменению установленного законом режима совместной собственности супругов или нет?); в абз. 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ о том, что один из супругов в любое время, в т. ч. после смерти другого супруга, вправе совершить последующее завещание, а также отменить совместное завещание супругов (здесь совершенно не ясно, каким образом это гарантирует охрану имущественных прав супруга, который не хочет или уже не может, т. к. умер, отменять совместное завещание?).

ВЫВОДЫ

Количество и сложность приведённых проблем отражает нынешнее состояние института совместной собственности супругов и позволяет утверждать, что вопросы отношений супругов по поводу принадлежащего им имущества нуждаются в более эффективном правовом регулировании со стороны государства.

Для решения обозначенных проблем необходимо изменять действующее семейное и гражданское законодательство.

В настоящее время в Государственную Думу Федерального Собрания РФ на рассмотрение внесён Проект Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части имущественных отношений супругов).

В пояснительной записке к данному законопроекту указывается: «Смысл и назначение института общей совместной собственности, положения которого были перенесены в Семейный кодекс Российской Федерации из норм семейного законодательства СССР и семейного законодательства РСФСР, в целом отвечают интересам большинства россиян. В этой связи основные положения этого института должны быть сохранены»¹. В связи с чем, положения законопроекта содержат лишь «некоторое количество необходимых коррективов семейного законодательства, сформулированных предельно осторожно с целью минимального воздействия на сложившиеся семейные отношения»².

Представляется, что предложенная депутатами «осторожная» корректировка норм права, регулирующих вопросы собственности супругов (направленная, в первую очередь, на приведение семейного законодательства в соответствие с положе-

¹ Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 14.11.2019) // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 27.12.2019).

² Там же.

ниями ГК РФ), решит лишь часть обозначенных проблем, снимет, так сказать, их остроту, но не разрешит по существу, т. к. концепция подобного правопонимания останется прежней и не будет соответствовать современному состоянию отношений в семье.

В целях более эффективного изменения действующего законодательства в исследуемой сфере предлагается обратить внимание на уже имеющийся опыт в разрешении проблем, связанных с правовым регулированием имущественных отношений супругов, но не столько даже других стран (например, широко рекламируемый «западный» опыт введения, так называемого, режима «условной» или «отложенной» общности имущества супругов [18, с. 120–124], предполагающий в случае прекращения брака право супругов на половину от стоимости «прироста» (излишка) имущества, т. е. разницы между стоимостью имущества супругов на момент заключения брака и на момент его расторжения), сколько на отечественный.

В частности, предусмотреть в законодательстве ранее существовавший в российском праве и имеющийся ныне в странах «общего права» (Великобритания, США и др.) режим раздельной собственности супругов в качестве законного, который будет действовать по умолчанию, если брачным договором не будет предусмотрено иное.

Принцип раздельности имущества супругов предоставит реальную гарантию охраны имущественных прав и интересов супругов на случай прекращения брака или возникновения имущественных конфликтов в семье. Такой режим собственности супругов намного проще в применении, чем иные «заморские» примеры, да и понятнее для гражданина с российским менталитетом, не привыкшего подсчитывать «до копейки» все свои расходы на нужды семьи и собирать чеки от каждой покупки, совершённой в браке, с целью дальнейшего их учёта на случай развода. Кроме того, позволит соблюсти интересы как публичного, так и частного характера, особенно в

условиях возможности раздельного проживания супругов согласно российскому законодательству.

При применении режима раздельности имущества супругов в качестве законного снимется большинство вопросов, обозначенных выше, связанных с проблемами ныне действующего института совместной собственности супругов. Будут защищены интересы супругов-собственников, супругов-предпринимателей; контрагенты по сделкам наконец-то будут иметь чёткое представление, с кем заключают сделки и кто обязан отвечать по образовавшимся долговым обязательствам; исчезнут из судебной практики иски о признании сделок недействительными по мотивам отсутствия согласия второго супруга (бывшего супруга); процедура банкротства одного из супругов не будет представлять серьёзных рисков для имущественных прав другого супруга.

При введении в качестве законного режима раздельности имущества, нажитого супругами в браке, не следует опасаться того, что институт брака будет разрушен, потому что он приведёт к разобщению имущественных связей между супругами. Во-первых, такой режим прежде долгое время существовал в нашем государстве и показал свою жизнеспособность, а во-вторых, раздельность имущества супругов уже присутствует в нашем семейном законодательстве (имущество каждого из супругов, ст. 36 СК РФ) и не является чем-то совершенно новым и революционным. В этом вопросе следует поддержать точку зрения, высказанную Г. М. Свердловым: «Хотя имущественные отношения супругов и являются существенным элементом брачных отношений, неправильно было бы отождествлять брак с одним этим элементом. Брак является более широкой общностью интересов, чем только общность имущественных интересов» [17, с. 176]. Введение режима раздельности имущества, нажитого супругами в браке, наоборот, будет способствовать укреплению брачных союзов и станет одним из оснований к возрождению в российском обществе былого значе-

ния института брака, заключаемого с единственной целью – целью создания семьи и продолжения рода. Следует при этом вспомнить и тот факт, что ещё в советский период в литературе высказывалось мнение учёных о том, что введение общности имущества супругов следует расценивать как меру временную и необходимую до тех пор, пока женщина не станет фактически равной с мужчиной в экономических отношениях [5, с. 11].

Кроме того, опыт зарубежных стран показывает, что возможности расширения диспозитивного регулирования имущественных отношений между супругами, российским законодателем также ещё не исчерпаны [19; 20]. Здесь можно утверждать о необходимости совершенствования уже имеющегося механизма правового регулирования договорного режима иму-

щества, а именно развития и укрепления института брачного договора.

Высказывая настоящие суждения, автор не претендует на уникальность и однозначность выбора варианта решения обозначенных проблем. Но очень хочется надеяться, что изложение подобных воззрений побудит законодателя рассмотреть все имеющиеся разнообразные по содержанию предложения по совершенствованию норм права в данной сфере, и лучшие из них воплотить в жизнь с учётом баланса частных и публичных интересов, с целью повышения эффективности правового регулирования данных отношений, которое на сегодняшний день однозначно нуждается в модернизации.

Статья поступила в редакцию 13.01.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаевский Б. А. Принципы семейного права и правовое обеспечение семейной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 9–17.
2. Елисеева А. А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 118–125.
3. Елисеева А. А. Распоряжение общим имуществом супругов (бывших супругов): проблемы правоприменительной практики и новеллы законодательства // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании / под ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2019. С. 382–393.
4. Ельников Е. В. Правовые аспекты раздела земельного участка между бывшими супругами // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 52–54.
5. Ершова Н. М. Имущественные правоотношения в семье. М.: Наука, 1979. 160 с.
6. Ивахненко С. Н. Актуальные проблемы определения состава общей совместной собственности супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 28–31.
7. Ильина О. Ю. Конституционно-правовые основы социального вектора современной государственной семейной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 33–42.
8. Косова О. Ю. Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 17–20.
9. Летова Н. В. Тенденции имущественных отношений супругов в современных условиях // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании / под ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкина. М.: Проспект, 2019. С. 409–423.
10. Максимович Л. Б. Семейно-правовые риски предпринимательских активов // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании / под ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкина. М.: Проспект, 2019. С. 424–431.
11. Михеева Л. Ю. Развитие российского семейного законодательства // Витрянский В. В., Головина С. Ю., Гонгало Б. М. и др. Кодификация российского частного права. М.: Статут, 2019. С. 196–233.
12. Моисеева Т. М. Совместная собственность супругов и (или) общее имущество супругов: анализ современного семейного и гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 131–136.

13. Мыскин А. В. Брачный договор в системе российского частного права. М.: Статут, 2012. 172 с.
14. Нарутто С. В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 21–30.
15. Рабинович Н. В. Личные и имущественные отношения в советской семье. Л., 1952. 160 с.
16. Рузанова В. Д. Влияние соглашений супругов на законный режим их имущества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 18–24.
17. Свердлов Г. М. Советское семейное право. М., 1958. 299 с.
18. Усачева Е. А. Организация имущественных отношений супругов в Германии // Современные проблемы права, экономики и управления. 2019. № 1 (8). С. 120–124.
19. Flos A. The Changing Function of Matrimonial Property Agreements in the Netherlands [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2929525> (дата обращения 30.12.2019).
20. Sanders A. Private autonomy and marital property agreements // International and Comparative Law Quarterly. 2010. № 59 (3). P. 571–603.

REFERENCES

1. Bulaevsky B. A. [Principles of family law and legal support for family policy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2019, no. 3, pp. 9–17.
2. Eliseeva A. A. [Equality of spouses in property relations: history and contemporary challenges]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Topical Problems of Russian Law], 2017, no. 5 (78), pp. 118–125.
3. Eliseeva A. A. [Disposal of community property of spouses (the former spouses): problems of law enforcement practice and legislation]. In: Ershova I. V., Levushkin A. N., ed. *Yuridicheskaya sudba biznesa pri rastorzhenii braka i nasledovanii* [Legal Fate of Business Upon Divorce and Inheritance]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. P. 382–393.
4. Elnikova E. V. [Legal aspects of land division between former spouses]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2018, no. 1, pp. 52–54.
5. Ershova N. M. *Imushchestvennye pravootnosheniya v semiye* [Property Relationships in the Family]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 160 p.
6. Ivakhnenko S. N. [Current problems of determining the composition of marital community property under the legislation of the Russian Federation]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2019, no. 1, pp. 28–31.
7. Ilyina O. Y. [Constitutional and legal bases of the social vector in modern family policy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2019, no. 2, pp. 33–42.
8. Kosova O. Y. [The overall debts of spouses: partition or distribution]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2019, no. 1, pp. 17–20.
9. Letova N. V. [Trends of marital property relations under modern conditions]. In: Ershova I. V., Levushkin A. N., ed. *Yuridicheskaya sudba biznesa pri rastorzhenii braka i nasledovanii* [Legal fate of business under divorce and inheritance]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. P. 409–423.
10. Maksimovich L. B. [Family law risks of business assets]. In: Ershova I. V., Levushkin A. N., ed. *Yuridicheskaya sudba biznesa pri rastorzhenii braka i nasledovanii* [Legal fate of business under divorce and inheritance]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. P. 424–431.
11. Mikheeva L. Y. [The development of Russian Family Law]. In: Vitryanskii V. V., Golovina S. Y., Gongalo B. M., et al. *Kodifikatsiya rossiiskogo chastnogo prava* [Codification of Russian Private Law]. Moscow, Statut Publ., 2019. P. 196–233.
12. Moiseeva T. M. [Matrimonial property and (or) community property of spouses: an analysis of contemporary family and civil law]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Topical Problems of Russian Law], 2017, no. 5, pp. 131–136.
13. Myskin A. V. *Brachnyi dogovor v sisteme rossiiskogo chastnogo prava* [Marital Contract in Russian Private Law]. Moscow, Statut Publ., 2012. 172 p.
14. Narutto S. V. [Family as a constitutional value]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Topical Problems of Russian Law], 2017, no. 5, pp. 21–30.
15. Rabinovich N. V. *Lichnye i imushchestvennye otnosheniya v sovetskoj semiye* [Personal and property relations in the Soviet family]. Leningrad, 1952. 160 p.
16. Ruzanova V. D. [The impact of matrimonial agreements on the legal regime of marital property]. In:

- Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2019, no. 1, pp. 18–24.
17. Sverdlov G. M. *Sovetskoe semeinoe pravo* [Soviet Family Law]. Moscow, 1958. 299 p.
18. Usacheva E. A. [The organization of marital property relations in Germany]. In: *Sovremennyye problemy prava, ekonomiki i upravleniya* [Contemporary Issues of Law, Economics and Governance], 2019, no. 1 (8), pp. 120–124.
19. Flos A. Changing Function of Matrimonial Property Agreements in the Netherlands. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2929525> (accessed: 30.12.2019).
20. Sanders A. Private autonomy and marital property agreements. In: *International and Comparative Law Quarterly*, 2010, no. 59 (3), pp. 571–603.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елисеева Анна Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры нотариата Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;
e-mail: advokatelseeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Eliseeva – PhD in Law, associate professor at the Department of Civil Law, associate professor at the Department of Notary, Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: advokatelseeva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Елисеева А. А. Собственность супругов: в поиске эффективного правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 29–40.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-29-40

FOR CITATION

Eliseeva A. A. Marital Property: In Search of Effective Legal Regulation. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, 2020, no. 1, pp. 29–40.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-29-40

УДК 347.642; 347.643

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-41-56

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сапожникова Т. Н.¹, Цымбал Е. И.²

¹Государственное бюджетное учреждение г. Москвы Центр содействия семейному воспитанию «Лесной» Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы 41293, Московская обл., Пушкинский р-н, пос. Зеленоградский, Железнодорожная ул., д. 2а, Российская федерация

²Городской научно-практический центр по защите прав детей «Детство» Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы 105118, г. Москва, ул. Кирпичная, д. 18, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Целью настоящего исследования является рассмотрение одного из аспектов реформирования семейного законодательства – повышения эффективности нормативно-правового регулирования передачи на воспитание в семьи граждан детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Процедура и методы исследования. Авторами проведён анализ ряда форм государственного статистического наблюдения, а также законодательства в сфере опеки и попечительства, изучены социально-демографические особенности и стили воспитания подопечных в семьях опекунов (попечителей) и приёмных родителей г. Москвы, переживающих кризис. Методологическую базу исследования составили общенаучные и специальные методы познания: наблюдение, описание, системно-структурный, конкретно-социологический, логический, сравнительно-правовой, формально-юридический и конкретно-исторический.

Результаты проведённого исследования. Изучение замещающих семей г. Москвы, переживающих кризис, эмпирически подтвердило, что к отказу от воспитания подопечного ведут недостатки при отборе, подготовке опекунов и попечителей, отсутствие сопровождения замещающих семей.

Теоретическая/практическая значимость. Данное исследование обосновывает положения о невозможности развития законодательства в сфере опеки и попечительства только на традиционных семейных ценностях, поскольку они типичны для патриархальной многопоколенной семьи и не отвечают социально-демографической ситуации современной России. Авторами сделан ряд предложений по развитию законодательства в сфере опеки и попечительства.

Ключевые слова: опека, попечительство, социальное сиротство, отказ от подопечных, подготовка опекунов и попечителей

TOPICAL ISSUES OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION OF GUARDIANSHIP AND CUSTODY OF MINORS

T. Sapozhnikova¹, E. Tsymbal²

¹ Moscow State Budgetary Institution Promotional Center of Family Education "Lesnoy" of the Department of Labor and Social Protection of Moscow 41293, 2a, Zheleznodorozhnaya st., Zelenogradskij, Pushkinskij distr., Moscow Region, Russian Federation

² City Research and Practice Center for the Protection of Children's Rights «Childhood» of the Department of Labor and Social Protection of Moscow 18, Kirpichnaya st., Moscow 105118, Russian Federation

© CC BY Сапожникова Т. Н., Цымбал Е. И., 2020.

Abstract.

Purpose: The purpose of this study is to consider one aspect of the reform of family legislation – to increase the effectiveness of legal regulation of family placement of orphans and children without parental care.

Procedure and Research Methods: The authors analyzed some forms of state statistical observation and guardianship legislation, socio-demographic features and methods of upbringing in crisis-stricken families of guardians (trustees) and foster parents of the city of Moscow. The methodological base of the study comprises such general and special research methods as observation, description, systemic and structural, sociological, logical, comparative legal, formal legal, and comparative legal techniques.

Results: The study of substitute families in Moscow, experiencing a crisis, empirically confirmed that child abandonment was caused by shortcomings in the selection, training of guardians and trustees, and the lack of support for substitute families.

Theoretical and Practical Value: The study argues that it is impossible to develop guardianship legislation solely on traditional family values, since they are typical of a patriarchal multi-generation family and do not meet the socio-demographic situation in modern Russia. The authors made a number of proposals for the development of guardianship legislation.

Key words: guardianship, custody of minors, social orphanhood, child abandonment, guardians and trustees training

ВВЕДЕНИЕ

Основу нормативно-правового регулирования профилактики социального сиротства и устройства детей, лишившихся попечения родителей, составляют Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об опеке и попечительстве». Первый из них был принят в 1995 г., а второй – в 2008 г. За прошедшее с этого момента время ситуация в сфере, регулируемой указанными законами, существенно изменилась. В России сложились иные социально-экономическая и социально-демографическая ситуации. Очевидно, что Семейный кодекс РФ, подготовленный четверть века назад, не в полной мере соответствует современным реалиям и требует пересмотра.

Попытки такого пересмотра предпринимались неоднократно. Наиболее масштабной из них была разработка предложений по совершенствованию семейного законодательства¹. Национальная стратегия

действий в интересах детей на 2012–2017 гг.² и Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 г.³ также предполагали реформирование семейного законодательства. Однако на практике законодатель ограничился внесением в семейное законодательство частных изменений, не имеющих системного характера.

Совершенствование мер по профилактике социального сиротства, устройству на воспитание в семьи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предусмотрено Планом основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства,⁴ предполагает развитие законодательства в данной сфере.

СПС Консультант плюс [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=129293#08116237016335233> (дата обращения: 10.01.2020).

² Указ Президента РФ от 01.06.2012. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СПС Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70183566>. (дата обращения: 10.01.2020).

³ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года» // Российская газета [сайт]. URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения: 10.01.2020).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 06.07.2018

¹ Экспертное заключение по проекту Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.07.2014 № 132-1/2014 //

АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНЁННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА И ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ В ОПЕКУНСКИХ (ПОПЕЧИТЕЛЬСКИХ) СЕМЬЯХ

Эмпирическую базу настоящего исследования составили семьи опекунов (попечителей), приёмных родителей г. Москвы, в которых в период 2017–2019 гг. возникли кризисные ситуации, приведшие к отказу законных представителей подопечных от дальнейшего исполнения своих обязанностей или инициированию органами опеки и попечительства отстранения опекунов (попечителей) от исполнения указанных обязанностей. Всего было изучено 557 замещающих семей, в которых воспитывалось 699 подопечных.

Анализ статистических данных¹ свидетельствует о том, что за последние 10 лет в сфере социального сиротства произошли существенные изменения. Так, с 2010 г. в России численность детей, оставшихся без попечения родителей, ежегодно снижалась на 2,6–21,3 %. Основным источником социального сиротства в нашей стране остаётся лишение родительских прав. Численность детей, родители которых были лишены родительских прав, в период 2008–2017 гг. сократилась практически в 2 раза (с 74 492 до 37 996). За рассматриваемый период число детей, родители которых были ограничены в родительских правах, увеличилось в 1,4 раза (с 6 865 до 9 616). Если предположить, что все дети, родители которых были ограничены в родительских правах, в конечном итоге утратили попечение родителей²,

то число детей, лишившихся попечения родителей, за 10 лет сократилось в 1,7 раза.

Для более точной оценки распространённости социального сиротства необходимо учитывать изменения численности детского населения. Это позволяет сделать сравнение данных Минпроса России (форма федерального статистического наблюдения № 103-рик «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей») и Росстата («Информация о численности детей в возрасте 0–17 лет на 1 января года, следующего за отчётным»). Численность детей, родители которых лишены родительских прав, в расчёте на 10 000 детей в возрасте 0–17 лет за период с 2008 по 2017 г. сократилась в 2,2 раза (с 28,1 до 12,7 человек).

Помимо сокращения числа детей, оставшихся без попечения родителей, за рассматриваемый период существенно изменились и формы их жизнеустройства. Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на воспитании в семьях, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в период 2008–2017 гг. увеличилась с 71 % до 88,6 %. Численность социальных сирот, воспитывающихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2010–2017 гг. ежегодно снижалась от 2,8 % до 22 %.

Число семей, желающих принять ребёнка на воспитание, в 2017 г. по сравнению с 2008 г. возросло на 370%. Так, в сравнении с предыдущим годом число семей, желающих принять ребёнка на воспитание, в 2008 г. увеличилось на 26,1%; в 2009 – на 68,9 %; в 2013 – на 40,8 %; в 2014 – на 31,6 %; в 2015 – на 27,4 %. Следует учитывать, что численность граждан, высказавших желание принять в свою семью на воспитание ребёнка, значительно превышает число граждан, осуществивших своё намерение и ставших усыновителями, опекунами или попечителями. Чтобы стать

когда отсутствуют основания для лишения родительских прав. В указанных случаях значительная часть родителей восстанавливается в родительских правах.

№ 1375-п «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства» (с изменениями на 14.12.2019) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения: 10.01.2020).

¹ Семья, материнство и детство // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13807> (дата обращения: 10.01.2020).

Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.01.2020).

² Такое предположение не соответствует действительности, поскольку часто ограничение в родительских правах используется судами в тех случаях,

кандидатом в усыновители или опекуны (попечители), необходимо собрать пакет документов, включая результаты медицинского обследования, пройти обучение в школе приёмных родителей (для лиц, не являющихся близкими родственниками ребёнка, которого планируется принять в семью). Поэтому рассматриваемый показатель активно отражает число граждан, имеющих серьёзное намерение принятия в свою семью ребёнка, оставшегося без попечения родителей. Иными словами, в последние годы существенно увеличилось число граждан, имеющих неудовлетворённую потребность в детях.

Приведённые выше статистические данные свидетельствуют о том, что в последние годы значительно сократилось число детей, утративших попечение родителей, и подлежащих устройству в семью. Этот результат можно рассматривать как веское доказательство эффективности проводящейся политики детствосбережения.

В настоящее время потребность в детях для приёма на воспитание в семью растёт, а число детей, подлежащих передаче на воспитание в семью, сокращается. Такая ситуация приводит к тому, что под опеку и попечительство всё чаще передаются дети, воспитание которых связано со значительными сложностями: старшие подростки, дети с психическими расстройствами, дети, возвращённые в организации для детей-сирот после отказа их опекунов (попечителей) от исполнения своих обязанностей, дети, имеющие братьев и сестёр, которые должны передаваться в семью на воспитание вместе. Раньше такие дети оставались в организациях для детей-сирот до достижения ими совершеннолетия.

Ожидаемым результатом усложнения контингента детей, передаваемых под опеку или попечительство, должен был стать рост вторичного сиротства¹. Имеющиеся

статистические данные не подтверждают этого предположения. Численность приёмных родителей, с которыми по инициативе органа опеки и попечительства были досрочно расторгнуты договоры о приёмной семье по причине возникновения в семье неблагоприятных условий для содержания, воспитания и образования ребёнка, составляла: в 2008 – 476 человек, в 2009 – 258 человек, в 2010 – 236 человек, в 2011 – 213 человек, в 2012 – 251 человек, в 2013 – 324 человека, в 2014 – 324 человека, в 2015 – 344 человека, в 2016 – 364 человека, в 2017 – 298 человек.

Как видим, в период с 2008 по 2017 г. число приёмных родителей, не справившихся с исполнением обязанностей по воспитанию подопечных, существенно колебалось. Отсутствие устойчивых тенденций свидетельствует о том, что рассматриваемый показатель подвержен воздействию случайных факторов, а проводимая социальная политика существенного влияния на него не оказывает. При этом необходимо учитывать, что приёмные родители – это наиболее мотивированная (помимо выплат на содержание подопечных они получают денежное вознаграждение за свой труд) и наиболее компетентная группа (органы опеки и попечительства вправе отказаться заключать с опекуном договор о приёмной семье) среди опекунов и попечителей.

Результаты освобождения опекунов и попечителей от исполнения своих обязанностей в период с 2015 по 2018 г., приведённые в таб. 1, также свидетельствуют об отсутствии в динамике этого показателя устойчивых тенденций. Основной причиной (около $\frac{2}{3}$) освобождения опекунов и попечителей от исполнения своих обязанностей является их личная инициатива. В большинстве случаев основанием для написания опекунами или попечителями заявлений с отказом от дальнейшего исполнения своих обязанностей оказывается неспособность законного представителя справиться с воспитанием ребёнка, т. е. его низкая родительская компетентность.

¹ Под вторичным сиротством понимается отмена органом опеки и попечительства решения о передаче ребёнка под опеку или попечительство без учёта случаев одновременного устройства ребёнка в новую семью. К вторичным сиротам также относятся дети, опекуны (попечители) которых умерли или были освобождены от исполнения своих обязанностей по состоянию здоровья.

Таблица 1 / Table 1

**Основные причины освобождения опекунов и попечителей
от исполнения своих обязанностей
Basic reasons for guardians and trustees
being discharged of their duties**

Показатели	годы			
	2015	2016	2017	2018
Отменено решений о передаче ребёнка в семью	5 648	5 495	4 788	5 288
По инициативе органа опеки и попечительства в связи с ненадлежащим исполнением опекунами (попечителями) своих обязанностей	747	788	655	744
По инициативе опекунов и попечителей	3 646	3 909	3 131	3 522
Помещено в организации для детей-сирот детей, ранее находившихся под опекой (попечительством)	3 528	3 551	3 529	3 918

Источник: сведения Росстата по форме ФСН № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»

Наиболее точно масштабы вторичного сиротства отражает содержащийся в форме № 103-рик показатель числа снятых с учёта детей, находившихся на воспитании в семьях опекунов (попечителей), которые были помещены под надзор в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или иные организации. Как видно из таб. 1, с 2015 по 2017 г. этот показатель практически не изменялся, но в 2018 г. вырос на 11 %.

Приказом № 1123 Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы от 7 октября 2016 г. был создан Консилиум г. Москвы по рассмотрению вопросов предотвращения возврата детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из семей опекунов (попечителей), приёмных родителей. На его заседаниях рассматривались кризисные ситуации в замещающих семьях, когда опекуны (попечители) не справлялись со своими обязанностями либо высказывали намерение отказаться от их дальнейшего исполнения. Работа по подготовке и проведению заседаний Консилиума была возложена на специалистов ГБУ Центра «Детство». Был получен большой объём информации о замещающих семьях, переживающих тяжёлый кризис, и фактически утративших способность решать задачи по воспитанию и развитию подопечных, ради которых они

создавались. На заседаниях Консилиума в 2017–2019 гг. была рассмотрена ситуация в 557 замещающих семьях, в которых воспитывалось 699 подопечных (таб. 2). Анализ данной информации даёт возможность выделить ряд недостатков существующей практики подготовки и назначения опекунов (попечителей).

Как следует из вышеприведённых данных, в Москве отмечается постоянный рост численности подопечных, воспитывающихся в замещающих семьях, оказавшихся в ситуации тяжёлого кризиса. Существующая статистика не даёт полной информации о численности подопечных, воспитывающихся близкими родственниками. По данным формы № 103-рик, в 2018 г. в Москве на безвозмездную опеку было предано 544 ребёнка, из них 30 % – в семьи посторонних граждан. Информации о доле родственной и неродственной опеки в отношении 241 ребёнка, переданного за тот же период на возмездную форму опеки, нет. Сравнение этих данных с таб. 2 позволяет сделать вывод, что при кровной опеке кризисные ситуации в семье возникают несколько реже, но в среднем 44 % подопечных, оказавшихся в кризисной ситуации, воспитывались в семьях родственников.

По отчётам органов опеки и попечительства г. Москвы, в последние годы

Таблица 2 / Table 2

Основные показатели деятельности Консилиума по рассмотрению вопросов предотвращения возвратов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, города Москвы из семей опекунов (попечителей), приёмных родителей
. Key indicators of the Board performance on the issues of preventing the return of orphans and children left without parental care from guardian, trustee and foster families in the city of Moscow

Показатели	годы		
	2017	2018	2019 (10 мес.)
Рассмотрено кризисных семей	167	203	187
Число подопечных, воспитывавшихся в этих семьях	215	237	247
Доля подопечных, воспитывавшихся родственниками (%)	38	52	42
Доля подопечных, воспитывавшихся посторонними (%)	62	48	58
Доля подопечных, находившихся в приёмной семье (%)	34	31	43
Доля подопечных, находившихся под безвозмездной опекой (%)	66	69	57

около 40 % подопечных воспитываются в семьях, куда они были переданы на возмездную форму опеки или попечительства. По материалам Консилиума, в среднем 36 % подопечных, оказавшихся в кризисной ситуации, воспитывались в приёмных семьях. Т. о., выплата опекунам или попечителям денежного вознаграждения не оказывает существенного влияния на частоту возникновения в их семьях кризисных ситуаций.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ПЕРЕДАЧИ ДЕТЕЙ, ЛИШИВШИХСЯ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ПОД ОПЕКУ БЛИЖАЙШИМ РОДСТВЕННИКАМ

ФЗ «Об опеке и попечительстве»¹ (п. 5 ст. 10) при назначении опеки или попечительства над несовершеннолетним отдаёт приоритет его ближайшим родственникам (бабушкам и дедушкам, совершеннолетним братьям и сестрам). Передаче детей под опеку (попечительство) близким родственникам способствует освобождение этих лиц от прохождения специальной подготовки

по программе, утверждённой органами исполнительной власти субъектов РФ для усыновителей (п. 1 ст. 146 СК РФ).

Существующий порядок передачи детей, лишившихся попечения родителей, на усыновление (удочерение), опеку или попечительство фактически создаёт приоритетные условия их родственникам. Если родственники поддерживают отношения с кровной семьёй ребёнка, то они могут узнать об утрате им попечения родителей раньше органа опеки и попечительства. Деятельность специалистов органов опеки и попечительства по устройству ребёнка, лишившегося попечения родителей, в семью традиционно начинается с выявления его родственников и обращения к ним с просьбой принять несовершеннолетнего в свою семью.

Семейный кодекс закрепляет права близких родственников ребёнка. Так, дедушки и бабушки, братья и сёстры имеют право на общение с ребёнком без учёта мнения его родителей (ст. 67 СК РФ). В случае смерти родителя близкие родственники ребёнка сохраняют право на общение с ним и после усыновления ребёнка (п. 4. ст. 137 СК РФ).

¹ Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 10.01.2020).

Начало 2000-х гг. характеризовалось ростом национального самосознания, отказом от либеральных идей в пользу консервативных, от размытых общечеловеческих ценностей в пользу более конкретных традиционных ценностей.

Что такое традиционные семейные ценности? Эта система отношений, сформировавшаяся в патриархальной крестьянской семье. Для этих семей были характерны многодетность, совместное проживание нескольких поколений и совместное ведение хозяйства. Многодетность и высокая трудовая занятость родителей обусловили значительное вовлечение в процесс ухода и воспитания детей их ближайших родственников по нисходящей и восходящей линиям (дедушки и бабушки, старшие братья и сестры). Н. Н. Тарусина [3] справедливо отмечает, что прародители в расширенной семье играли роль наиболее уважаемых её членов, которые принимали участие в воспитании внуков, оказывали посильную помощь младшим членам семьи. Естественно, при утрате попечения родителей именно дедушки и бабушки, старшие братья и сестры оказывались лучшими опекунами для детей.

Приоритет близких родственников в воспитании детей, утративших попечение родителей, по нашему мнению, отражает реалии, существовавшие в расширенной многопоколенной семье. Особая роль прародителей была закреплена в законодательстве Российской империи, а также в Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. Для современных условий совместное проживание и ведение общего хозяйства несколькими поколениями семьи не типично, поэтому трансформировался и характер участия прародителей в процессе воспитания внуков. В связи с этим в настоящее время вряд ли целесообразно сохранять в семейном законодательстве положения, основанные на укладе жизни патриархальной семьи.

Передача ребёнка, оставшегося без попечения родителей, под опеку или попечительство близким родственникам позволяет обеспечить преемственность в его

воспитании и образовании. Иные перечисленные в п. 1 ст. 123 СК РФ обстоятельства, учёт которых обязателен при передаче ребёнка в новую семью, (этническое происхождение, принадлежность к определённой религии и культуре, язык), могут быть соблюдены и при устройстве ребёнка в семью посторонних ему лиц.

Всегда ли целесообразно сохранение преемственности в воспитании? Следует учитывать, что в подавляющем большинстве случаев утрата попечения родителей связана с лишением или ограничением их в родительских правах, т. е. с уклонением от участия в воспитании ребёнка, жестоким обращением с ним или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию ребёнка. Сохранение преемственности в воспитании в подобных случаях противоречит интересам ребёнка.

Кроме того, практика работы Консилиума показывает, что после назначения опекунами (попечителями) близких родственников ребёнка 10–15 % родителей, лишённых родительских прав, продолжали проживать совместно со своими детьми. Ещё примерно в 5–10 % случаев опекуны-родственники позволяли лишённым или ограниченными в правах родителям постоянно контактировать со своими подопечными. С учётом того, что подавляющее большинство родителей после лишения их родительских прав не меняли своего поведения и образа жизни, такая практика вряд ли соответствует интересам ребёнка.

Опекуны (попечители) ребёнку в отличие от родителей выбираются, поэтому одного желания воспитывать ребёнка и наличия родства с ним не достаточно для назначения гражданина опекуном или попечителем. Семейный кодекс РФ (п. 2 ст. 146) определяет обстоятельства, которые должны учитываться при назначении опеки (попечительства)¹:

- нравственные и иные личные качества опекуна (попечителя);

¹ При назначении опекуна (попечителя) также учитываются требования, содержащиеся в п. 1 ст. 146 СК РФ.

- способность выполнять обязанности опекуна (попечителя);
- отношения между опекуном (попечителем) и ребёнком;
- отношение к ребёнку членов семьи опекуна (попечителя);
- желание самого ребёнка, если это возможно.

А. М. Нечаева [2] справедливо указывала, что закон требует от будущего опекуна соответствия ряду требований, от которых напрямую зависит успешность выполнения им своих обязанностей.

Центральным требованием к опекуну (попечителю), по нашему мнению, является способность выполнять указанные в п. 6 ст. 148.1 СК РФ обязанности в отношении подопечного (опекун или попечитель обязан воспитывать ребёнка, заботиться о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии).

Проанализируем способность близких родственников ребёнка выполнять эти обязанности.

Практика г. Москвы свидетельствует о том, что при назначении опеки или попечительства в качестве родственников ребёнка помимо дедушек и бабушек, братьев и сестер, органами опеки и попечительства рассматриваются его дяди и тётки, а также прабабушки.

Следует отметить, что доля прародителей при родственной опеке составляет 80–85 % (среди них около 85 % приходится на бабушек), доля дядь и тётъ составляет около 10–15 %, доля прабабушек не превышает 5 %. 90–95 % опекунов-прародителей являются пенсионерами по возрасту, а треть из них старше 75 лет. Около половины опекунов-прародителей старше 70 лет имеют хронические заболевания, ограничивающие их способность активно участвовать в воспитании детей. Наши данные о социально-демографических особенностях опекунов-прародителей совпадают с данными Т. А. Чадовой [4], полученными 10 лет назад. Необходимо отметить, что в случаях подопечных-подростков возраст попечителей существенно возрастает, а состояние здоровья ухудшается.

С учётом того, что ведущая роль в утрате попечения родителей принадлежит социальному сиротству, типичным опекуном родственником младшего школьника является одинокая или состоящая в повторном браке бабушка 65 лет, чья дочь злоупотребляла алкоголем или наркотиками, была лишена родительских прав и, возможно, привлекалась к уголовной ответственности. Лишению гражданина родительских прав, обычно, предшествует длительный (5–10 лет) период семейного неблагополучия, когда основные потребности ребёнка в полном объёме не удовлетворяются. Это приводит к тому, что к 10 годам у ребёнка из неблагополучной семьи возникает глубокая социально-педагогическая запущенность и формируется девиантное поведение.

Т. о., в случае родственной опеки бабушка, не справившаяся с воспитанием своей дочери (реже сына), что привело к лишению её родительских прав (совершению преступления и осуждению на длительный срок лишения свободы, смерти от цирроза печени, передозировки наркотиками или ВИЧ-инфекции), становится воспитателем внука или внучки, имеющих социально-педагогическую запущенность и, вероятно, девиантное поведение.

Анализ замещающих семей г. Москвы, оказавшихся в кризисной ситуации, позволяет выделить 2 наиболее распространённые модели воспитания бабушками-опекунами своих подопечных:

1. Опекун не допускает совершения ошибок при воспитании собственного ребёнка, считает лишение его родительских прав следствием внешних обстоятельств, жалеет подопечного, стремится оградить его от трудностей, т. е. в семье реализуется попустительская модель воспитания. Когда подопечный достигает подросткового возраста, опекун утрачивает авторитет в его глазах и способность контролировать поведение подопечного. Такой подросток перестаёт учиться, совершает правонарушения, употребляет психоактивные вещества, самовольно уходит из дома.

2. Опекун сознаёт, что при воспитании собственного ребёнка им были допущены

ошибки, но не понимает, какие именно. Стремление опекуна предупредить возникновение у подопечного девиантного поведения при низкой педагогической компетентности сводится к установлению тотального контроля над поведением ребёнка. В таких семьях реализуется авторитарная модель воспитания. Эта модель даёт внешне неплохие результаты в дошкольном и младшем школьном возрасте. Однако она не позволяет сформировать эмоциональную близость, привязанность между опекуном и подопечным. Как только подопечный перестаёт бояться наказания со стороны опекуна (в 12–14 лет), он полностью выходит из-под его контроля. Подопечный, как и в первой модели, перестаёт учиться, совершает правонарушения, употребляет психоактивные вещества, самовольно уходит из дома.

Следствием высокой доли прародителей при кровной опеке становится значительный разрыв в возрасте, который нередко достигает 50 и более лет. Этот разрыв, составляющий два поколения, неизбежно приводит к катастрофическому несовпадению интересов и системы ценностей попечителя и подопечного, когда последний достигает подросткового возраста. Различия в интересах и ценностях между попечителем и подопечным не позволяют попечителю эффективно воспитывать подростка даже в тех случаях, когда он имеет для этого физические возможности.

При передаче ребёнка под опеку (попечительство) старшим братьям или сёстрам, дядям или тётям проблемы с возрастом и состоянием здоровья отсутствуют. В этих случаях имеют место другие сложности.

При передаче ребёнка под опеку старшим сестре или брату основной проблемой является то, что эти лица воспитывались сами в условиях семейного неблагополучия, приведшего к лишению их родителей родительских прав. В связи с этим у них отсутствует эффективная модель семейных отношений. Высока также вероятность их вступления в брак и рождения собственного ребёнка. Это может приводить к утрате

значимости подопечного и отказу от его дальнейшего воспитания.

Среди дядь и тёть, ставших опекунами своих племянников, встречаются лица, добившиеся в жизни значительно большего успеха, чем их родственники. Такие лица отличаются крайней ригидностью воспитательной позиции. Они не признают иной модели поведения, кроме их собственной, не понимают индивидуальных психологических особенностей и потребностей подопечных. Занимаемая ими жесткая воспитательная позиция с высокой вероятностью приводит к возникновению конфликта с подопечным при достижении им подросткового возраста.

Практика деятельности органов опеки и попечительства убедительно свидетельствует, что близкое родство с ребёнком, который лишился попечения родителей, не является гарантией его успешного воспитания. Голос крови [1], о котором много говорят сторонники родственной опеки, не может компенсировать многочисленные факторы риска, присущие опекунам-родственникам. При передаче ребёнка, лишившегося попечения родителей, под опеку приоритетом должен пользоваться тот кандидат, который способен лучше удовлетворить потребность ребёнка в развитии. Кровное родство может быть преимуществом при равенстве прочих условий.

С учётом психологических проблем, присущих опекунам-родственникам, близкое родство с ребёнком не может быть основанием для освобождения от прохождения кандидата в опекуны (попечители) специальной подготовки. Предложение о необходимости подготовки всех кандидатов в опекуны (попечители), в т. ч. и близких родственников, содержится в Докладе Уполномоченного по правам человека в г. Москве¹.

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в г. Москве «О деятельности Уполномоченного по правам человека в городе Москве, о соблюдении и защите прав, свобод человека и гражданина в 2017 году» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=188020#07521818185445512> (дата обращения: 06.11.2019).

В научной литературе высказывается и иная точка зрения. А. М. Нечаева [2] предлагала расширить приоритетное право близких родственников при назначении опекунами (попечителями), смягчив требования к состоянию их здоровья. Это предложение противоречит общей позиции автора, что опека (попечительство) назначается исключительно в интересах несовершеннолетнего, и опекунами (попечителями) могут быть только лица, способные обеспечить его воспитание и всестороннее развитие.

Касаясь медицинских ограничений при назначении опекуном (попечителем), необходимо отметить, что в зависимости от возраста ребёнка, состояния его здоровья, индивидуально-психологических особенностей, характера взаимоотношений с опекуном (попечителем) его воспитание требует разных качеств. Законом же установлен закрытый перечень заболеваний, наличие которых не позволяет гражданину стать усыновителем, опекуном или попечителем. Врач устанавливает наличие или отсутствие заболевания, включённого в перечень, но не решает вопроса о возможности гражданина исполнять обязанности усыновителя, опекуна или попечителя. Врач и не может решить этот вопрос, поскольку речь идёт об оценке юридически значимой способности (способности осуществлять обязанности по воспитанию несовершеннолетнего), а не просто об установлении диагноза. Для оценки влияния имеющегося у гражданина заболевания на его юридически значимые способности должна назначаться судебная экспертиза. Все спорные вопросы о возможности исполнения обязанностей опекуна (попечителя), связанные с состоянием здоровья кандидата или его возрастом, должны решаться в судебном порядке путём назначения комплексной медико-психолого-психиатрической экспертизы.

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ ЛИЦ, ЖЕЛАЮЩИХ ПРИНЯТЬ НА ВОСПИТАНИЕ РЕБЁНКА, ОСТАВШЕГОСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Согласно п. 6 ст. 127 СК РФ, в целях содействия психолого-педагогической и правовой подготовке лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребёнка, оставшегося без попечения родителей, осуществляется их подготовка по программе, утверждённой органами исполнительной власти субъектов РФ.

Требования к содержанию программы подготовки замещающих родителей, порядок организации и осуществления деятельности по подготовке лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребёнка, оставшегося без попечения родителей, утверждены приказами Минобрнауки РФ № 623¹ и № 235².

В качестве значимой меры, направленной на предотвращение возвратов детей из замещающих семей в организации для детей-сирот, в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. названо улучшение качества подготовки кандидатов в усыновители, опекуны и попечители. До настоящего времени эту задачу нельзя считать решённой.

Существующую программу подготовки кандидатов в опекуны отличает крайняя универсальность. Лица, планирующие принять в семью на воспитание младенца, дошкольника, младшего школьника или подростка, здорового ребёнка или ребёнка

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 20 августа 2012 г. № 623 «Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребёнка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70220398/> (дата обращения: 10.01.2020).

² Приказ Министерства образования и науки РФ от 13 марта 2015 г. № 235 «Об утверждении Порядка организации и осуществления деятельности по подготовке лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребёнка, оставшегося без попечения родителей» [Электронный ресурс] // Гарант [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/71018086/> (дата обращения: 10.01.2020).

с ОВЗ, проходят подготовку по одной программе. Частично эту проблему можно решить с помощью включения в программу подготовки дополнительных модулей.

Практика Консилиума свидетельствует, что причинами кризиса в замещающих семьях являются конкретные проблемы подопечного, обусловленные особенностями его личности и историй жизни. На этапе подготовки кандидата в опекуны всё многообразие возможных проблем учесть невозможно из-за отсутствия информации о подопечном. В связи с этим предлагаем традиционную подготовку опекунов (попечителей) в школе приёмных родителей (ШПР) дополнить «стажировкой»: ежемесячным консультированием семьи в течение года после приёма ребёнка в семью специалистами ШПР, где обучался кандидат, или уполномоченной на сопровождение организации.

При кровной опеке чаще всего (примерно $\frac{3}{4}$ случаев) кризис возникает после достижения подопечным подросткового возраста. Дошкольники и младшие школьники зависимы от значимого взрослого. Опекуны таких детей не столько воспитывают, сколько осуществляют уход и контроль, что не требует особых знаний. Кризисные ситуации в замещающих семьях, воспитывающих маленьких детей, в подавляющем большинстве случаев возникают при наличии у подопечного психического расстройства или нарушений поведения.

Дефицит педагогических компетенций опекуна становится очевидным при достижении подопечным подросткового возраста и быстро приводит к развитию в семье кризиса. Чаще и тяжелее кризис протекает в тех случаях, когда возраст попечителя подростка превышает 60 лет, т. е. ребёнок был принят в семью опекуном старше 50 лет. Попечителей необходимо заранее готовить к новым требованиям, с которыми связано воспитание подростка.

В связи с этим подготовку в ШПР кандидатов старше 50 лет, принимающих в семью дошкольников или младших школьников, целесообразно сделать двухэтап-

ной. На первом этапе перед приёмом ребёнка они проходят подготовку по общей программе подготовки опекунов (попечителей), возможно, с последующей «стажировкой». При достижении подопечным возраста 10–11 лет этим опекунам необходимо пройти дополнительную подготовку (своего рода повышение квалификации). В программу дополнительной подготовки должны входить изучение психологических особенностей подросткового возраста, особенностей воспитания подростков, профилактики девиантного поведения.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА КАНДИДАТОВ В ОПЕКУНЫ

А. М. Нечаева [2] указывала на значимость психологического обследования кандидата в опекуны для профессиональной оценки индивидуально-психологических особенностей гражданина, его педагогической компетентности, способности удовлетворить психологические потребности ребёнка. При отсутствии указанных способностей передача ему под опеку (попечительство) ребёнка противоречит интересам несовершеннолетнего.

Отмечая значительное число отказов опекунов, попечителей и приёмных родителей г. Москвы от исполнения своих обязанностей, Т. А. Потьева предложила ввести обязательную психологическую диагностику всех кандидатов, желающих принять на воспитание в семью ребёнка, оставшегося без попечения родителей¹.

Практика работы Консилиума показала, что около 20 % опекунов (попечителей) психологически не готовы к тем сложностям, которые возникают в процессе адаптации приёмного ребёнка в семье. Это приводит к развитию кризиса на первом году пребывания ребёнка в семье. Ещё около 10 % опекунов принимают на

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в г. Москве «О деятельности Уполномоченного по правам человека в городе Москве, о соблюдении и защите прав, свобод человека и гражданина в 2017 году» // СПС Консультант плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 10.01.2020).

воспитание такого ребёнка, который не соответствует их ожиданиям. Например, одинокая женщина 35 лет берёт ребёнка для создания семьи, построения с ним длительных отношений, основанных на эмоциональной привязанности. Но принимает она в семью 15-летнего подростка, с которым построить такие отношения нельзя. Нереализованные ожидания опекунов (попечителей) приводят к развитию кризиса через 1–2 года пребывания подопечного в семье.

Чтобы уменьшить число подобных ошибок, необходимо добровольное психологическое обследование ресурсности кандидата в опекуны (попечители) в процессе обучения в ШПР сделать обязательным. Заключение такого обследования будет содержать указание, сколько и каких детей (возраст, состояние здоровья может принять кандидат). Действие этого психологического заключения должно быть ограничено периодом действия заключения о возможности быть опекуном (попечителем), т. е. 2-мя годами.

Основной задачей психологической диагностики кандидатов в опекуны является подбор гражданам такого ребёнка, с воспитанием которого они справятся, а не решение вопроса о возможности или невозможности граждан воспитывать детей. Только такой подход позволит преодолеть негативное отношение наших сограждан к психологической диагностике вообще и обязательной психологической диагностике кандидатов в опекуны в частности. Это отношение легко понять. Никто не предлагает проводить обязательную психологическую диагностику граждан, собирающихся вступить в брак, или супругов, решивших стать родителями.

Вопрос об использовании результатов психологической диагностики для обоснования отрицательного заключения о возможности гражданина быть опекуном (попечителем) возможен только после того, как на нормативно-правовом уровне будут закреплены психологические противопоказания для исполнения обязанностей опекуна (попечителя). Но и при наличии

таких противопоказаний кандидату в опекуны должна быть предоставлена возможность преодолеть указанные ограничения. Например, ему можно рекомендовать поработать волонтером в организации для детей-инвалидов, чтобы познакомиться с особенностями их поведения и воспитания, пройти курс психотерапии (при наличии непроработанной психологической травмы) и т. п.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 г.¹ и Планом мероприятий по реализации в 2011–2015 гг. Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.² предусмотрено развитие системы подготовки и комплексного сопровождения семей, принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей.

Указом Президента РФ № 1688³ «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» была поставлена задача создания механизмов правовой, организационной и психолого-педагогической поддержки семей, воспитывающих приёмных детей. На реализацию этой задачи направлено Положение о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без

¹ Указ Президента РФ от 09.10.2007. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изм. и доп.) // СПС Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/191961/> (дата обращения: 10.01.2020).

² Распоряжение Правительства РФ от 10 марта 2011 г. N 367-р «О плане мероприятий по реализации в 2011–2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6649130/> (дата обращения: 10.01.2020).

³ Указ Президента РФ от 28 декабря 2012 г. № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (с изм. и доп.) // СПС Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70291040> (дата обращения: 10.01.2020).

попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей¹.

Оказание консультативной, психологической, педагогической, юридической, социальной и иной помощи лицам, усыновившим (удочерившим) или принявшим под опеку (попечительство) ребёнка (т. е. сопровождение) указанным Положением отнесено к видам деятельности организаций для детей-сирот, организаций социального обслуживания и образовательных организаций.

Организация деятельности по сопровождению замещающих семей раскрывается в Методических рекомендациях органам исполнительной власти субъектов РФ, органам опеки и попечительства по реструктуризации и реформированию организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и совершенствованию сети служб сопровождения замещающих семей². В методических рекомендациях подчёркивается комплексный характер сопровождения, что обеспечивается привлечением к работе с семьей специалистов разных профилей (мультидисциплинарной команды).

Комплексный подход при работе с семьей не является общепризнанным. В Методических рекомендациях Министерства просвещения по организа-

ции процесса оказания психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям (законным представителям) детей, а также гражданам, желающим принять на воспитание в свои семьи детей, оставшихся без попечения родителей³ отмечено, что получателем консультативной помощи являются родители и законные представители. Ребёнок услуги не получает. Максимально возможное вовлечение ребёнка – это осуществление присмотра за ним во время оказания услуги его законным представителям. По нашему мнению, эффективное психолого-педагогическое консультирование родителей без предварительной психолого-педагогической диагностики ребёнка вряд ли возможно.

В настоящее время основную нагрузку по сопровождению замещающих семей несут организации образования и социальной защиты населения. При этом в законодательстве об образовании на федеральном уровне прямо не установлен порядок осуществления такой деятельности образовательными организациями. Содержание деятельности по комплексному сопровождению замещающей семьи не укладывается в рамки образовательной деятельности, описываемой образовательными программами дополнительного образования.

Федеральный закон № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»⁴ содержит по-

¹ Постановление Правительства РФ от 24.05.2014. N 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» // СПС Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70661542> (дата обращения: 10.01.2020).

² <Письмо> Минобрнауки России от 01.09.2014 № ВК-1850/07 «О реструктуризации и реформировании организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и совершенствованию сети служб сопровождения замещающих семей» (вместе с «Методическими рекомендациями органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органам опеки и попечительства по реструктуризации и реформированию организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и совершенствованию сети служб сопровождения замещающих семей») // СПС Консультант плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135781 (дата обращения: 10.01.2020).

³ Распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 01.03.2019 № Р-26 «Об утверждении методических рекомендаций по организации процесса оказания психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям (законным представителям) детей, а также гражданам, желающим принять на воспитание в свои семьи детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс] // Rulaws.ru. URL: <https://rulaws.ru/acts/Rasporyazhenie-Minprosvescheniya-Rossii-ot-01.03.2019-N-R-26/> (дата обращения: 10.01.2020).

⁴ Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 10.01.2020).

ложение, препятствующее эффективному сопровождению семей с детьми. Основы социального обслуживания не позволяют работать с семьёй в целом, поскольку получателем социальных услуг может быть только гражданин. Семейное неблагополучие – это нарушение функционирования всей семьи. С ним нельзя справиться, помогая по отдельности ребёнку и его родителям или иным законным представителям. Пробельность законодательства в сфере сопровождения и кровной, и замещающей семей ставит под сомнение возможность эффективной реализации государственной политики по предупреждению семейного неблагополучия.

Помимо системных проблем есть проблемы меньшего масштаба, которые могут быть устранены в короткие сроки. Например, признавая сопровождение семьи самостоятельной государственной услугой, необходимо определить основания для её предоставления. Положения, содержащиеся в ст. 15 Основ социального обслуживания, для этой цели не могут быть использованы. Следует также установить обязательный состав специалистов, оказывающих эту услугу, и норматив затрат их времени с обязательным учётом количества членов семьи.

ВЫВОДЫ

В настоящее время приёмная семья рассматривается как профессиональная замещающая семья. Практика работы Консилиума не подтверждает этого. Выплата вознаграждения опекуну или попечителю не повышает его педагогической компетентности, а служит формой дополнительной материальной поддержки. Ряд замещающих семей по объективным обстоятельствам нуждается в такой дополнительной социальной (материальной) поддержке. Например, опекун потерял работу или был вынужден для ухода за подопечными оставить работу, находится в отпуске по уходу за ребёнком и т. п. Таким семьям надо оказывать адресную социаль-

ную помощь, но не заключать с ними договор о приёмной семье.

Воспитание ребёнка всегда сопряжено с трудностями. Эти трудности многократно возрастают, когда речь идёт о воспитании приёмных детей, особенно подростков, детей, имеющих психические расстройства или нарушения поведения. Граждане, принявшие решение о приёме в свою семью таких детей, заслуживают материального стимулирования. В настоящее время денежное вознаграждение за воспитание подопечных выплачивается опекунам и попечителям, выполняющим свои обязанности на основании договора о приёмной семье. Действующее законодательство предъявляет к приёмной семье те же требования, что и к безвозмездной опеке. Именно поэтому приёмная семья стала всего лишь формой дополнительной материальной поддержки замещающей семьи.

По нашему мнению, договор о приёмной семье может заключаться, если воспитание подопечных связано с дополнительными сложностями. Например, воспитание ребёнка с тяжёлой инвалидностью, воспитание 3-х или более подопечных. Договор о приёмной семье может заключаться и при наличии иных сложностей. В этих случаях необходимо определить результаты, которых должен достигнуть приёмный родитель, а сам договор будет срочным (на 1–2 года). Приёмная семья должна быть более открытой для мониторинга, активнее использовать ресурсы профессиональной помощи, поскольку решает она более сложные задачи.

В таком случае приёмные родители станут действительно профессиональными воспитателями, осуществляющими свои обязанности в условиях семьи. Это даст основание включать время выполнения обязанностей приёмного родителя в трудовой стаж граждан, заключивших договор о приёмной семье.

Воспитание в семье является наиболее эффективной формой социализации. Однако время, необходимое на социализацию подопечного, обретение им способности проживать самостоятельно во многом

зависит от состояния здоровья ребёнка. У подопечных с психическими расстройствами процесс социализации не завершается до 18 лет. После выхода из замещающей семьи они из-за отсутствия способности к самостоятельному проживанию оказываются в психоневрологических интернатах, где их социализация резко замедляется. В связи с этим целесообразно внести изменения в Федеральный закон «Об опеке и попечительстве», которые дадут возможность подопечным с ограниченными воз-

можностями здоровья, воспитывавшимся в приёмной семье, проживать в этой семье после достижения совершеннолетия с выплатой приёмным родителям денежного вознаграждения за продолжение воспитания. Такая семья может рассматриваться как стационарозамещающая форма социального обслуживания.

Статья поступила в редакцию
11.12.2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колоколов Н. Голос крови суд не услышал... // ЭЖ-Юрист. 2014. № 50. С. 14.
2. Нечаева А. М. Семейно-правовой статус опекуна (попечителя) над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 25 – 31.
3. Тарусина Н. Н. Бабушки и дедушки как субъекты семейного права // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 19–21.
4. Чадова Т. А. Опекунские семьи в Москве: риски бедности и социальная защищенность // Социс. 2010. № 11. С. 76–77.

REFERENCES

1. Kolokolov N. [The court did not hear the voice of blood ...]. In: *EZH-Yurist Publ.*, 2014, no. 50, p. 14.
2. Nechaeva A. M. [Family-legal status of a guardian (trustee) over a minor]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2013, no. 4, pp. 25–31.
3. Tarusina N. N. [Grandparents as subjects of family law]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2017, no. 2, pp. 19–21.
4. Chadova T. A. [Foster families in Moscow: Risks of Poverty and Social Protection]. In: *Sotsis Publ*, 2010, no. 11, pp. 76–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сапожникова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, доцент, директор Государственного бюджетного учреждения г. Москвы Центра содействия семейному воспитанию «Лесной» Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы;
e-mail: sapozhnikova-tat@mail.ru

Цымбал Евгений Иосифович – кандидат медицинских наук, заместитель начальника отдела Городского научно-практического центра по защите прав детей «Детство» Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы;
e-mail: detstvo476@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana N. Sapozhnikova – Doctor of Pedagogy, associate professor, Head of the Moscow State Budgetary Institution Promotional Center of Family Education "Lesnoy" of the Department of Labor and Social Protection of Moscow;

e-mail: sapozhnikova-tat@mail.ru

Eugeny I. Tsybmal – PhD in Medicine, Deputy Head of the Department, City Research and Practice Center for the Protection of Children's Rights «Childhood» of the Department of Labor and Social Protection of Moscow;

e-mail: detstvo476@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Сапожникова Т. Н., Цымбал Е. И. Актуальные вопросы повышения эффективности правового регулирования опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 41–56.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-41-56

FOR CITATION

Sapozhnikova T. N., Tsymbal E. I. Topical Issues of Improving the Effectiveness of Legal Regulation of Guardianship and Custody of Minors. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 41–56.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-41-56

УДК 343.9.018.3

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-57-66

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ПРЕСТУПНИКОВ

Черехович М. М.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью работы является изучение процесса концентрации фокуса научных исследований на проблеме личности осуждённого преступника.

Процедура и методы исследования. В статье на основе изучения взглядов крупнейших философов и учёных от Античности до нашего времени предпринята попытка отразить историческое развитие представлений о природе преступности, её причинах, воздействии на преступников.

Результаты проведённого исследования. В результате исследования автор приходит к выводу, что в сознании общества всегда существовало актуальное для конкретного исторического периода представление о природе преступления, характерных чертах преступника. Однако вплоть до XIX в. преступность не рассматривалась как комплексное социально-правовое явление, личность преступника не выделялась в качестве объекта самостоятельного исследования, а проблемы исправительного воздействия на личность осуждённого заняли центральное место в науке криминологии лишь в первой четверти XX в.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в систематизации значительного объёма литературы по проблеме исследования, способствующей дальнейшему изучению личности осуждённого преступника.

Ключевые слова: преступность, личность преступника, причины преступления, перевоспитание и исправление преступника, исправительное воздействие

THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC IDEAS ABOUT THE CAUSES OF CRIME AND THE CORRECTION OF CRIMINALS

M. Cherekhovich*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to study the process of concentration of the focus of scientific research on the problem of the personality of a convicted criminal.

Procedure and research methods. The article is based on the study of the views of the largest philosophers and scientists from antiquity to our time, an attempt to reflect the historical development of ideas about the nature of crime, its causes, the impact on criminals.

Results of the study. As a result of the study, the author comes to the conclusion that in social consciousness there have always been relevant for a particular historical period ideas of the nature of crime and characteristics of the offender. However until the 19th century crime had not been considered as a complex social and legal phenomenon, the personality of the criminal was not singled out as a separate object of study, and the problems of its treatment came to the fore in criminology only in the first quarter of the 20th century.

Theoretical and practical significance of the article lies in systematization of a considerable amount of literature on the problem under study, which can contribute to further research.

Keywords: crime, criminal personality, causes of crime, correction of the criminal, corrective action

Преступность зародилась вместе с человечеством и неразрывно связана с существованием человеческого рода. Ведь даже библейские предания повествуют, что первое преступление, нарушение Адамом и Евой божественного запрета (Быт 2: 17), и наказание за него – изгнание человечества из рая (Быт 3: 14–19), были совершенны ещё до появления человека на Земле. Преступления совершались и в доисторическую эпоху. Археологические и палеоантропологические исследования предоставляют убедительные материальные свидетельства существования в первобытном обществе наказаний за определённые деяния [3, с. 44].

Возникновение письменности обусловило возможность изучения исторических представлений о преступлениях и наказаниях. Наиболее ранний из известных памятников относится к XVIII в. до н. э. – эпохе вавилонского царя Хаммурапи. Его свод законов («Законник») содержал отдельные положения, отграничивающие греховное поведение от преступного, что позволяет нам предположить наличие внимания вавилонян к проблеме причинного комплекса преступного поведения.

Одними из первых письменных памятников Древнего Китая считаются сборники уголовных законов «Обозрение законов» и «Книга законов царства Вэй» (VI–IV вв.), посвящённые проблемам уголовного права и процесса. Указанные источники не содержали иных норм о пенитенциарном воздействии на преступника, кроме наказаний и пыток. Лишь Конфуций и его последователи приблизились к пониманию необходимости выявления причин преступлений и предупреждения последних посредством правильного воспитания людей.

Наибольший вклад в изучение причин преступности, личности преступника внесли античные философы Греции и Рима. Уголовно-политические проблемы

первоначально исследовались как часть общефилософских систем, именно поэтому «философия явилась ранее правоведения» [22, с. 55].

Демокрит (V–IV вв. до н. э.) главными условиями совершения преступлений называл условия жизни общества, а также недостатки и умственные пороки преступников. Воспитание, полагал он, – главный способ предупреждения, т. к. причиной неправильного поведения является незнание более правильного [5; 11].

Правовые взгляды Платона (V–IV вв. до н. э.) на преступление и наказание даже сегодня являются настолько актуальными, что признаются подлежащими рецепции современной правоохранительной практикой [13, с. 8]. Философ утверждал, что общественные противоречия социально-экономического характера являются главной причиной, вызывающей преступления. Цель наказания Платон видел в исправлении преступника: сделать его «либо лучшим, либо менее испорченным»¹, что требует изучения причин каждого совершаемого преступления.

Его ученик Аристотель (IV в. до н. э.), наоборот, считал полезным назначение наказания более сурового, чем любая полученная от преступления выгода [11, с. 8], а эффективность предупреждения связывал с психическим принуждением под угрозой возмездия [22, с. 55]. Среди причин преступности Аристотель выделял внутренние, связанные с личностно-мотивационной сферой самого преступника, и внешние, лежащие в социальных условиях существования общества [11, с. 8]. При этом в каждом случае необходимо, считал он, отыскивать и объяснять весь комплекс причин, ранжируя их по степени значимости [20, с. 70].

¹ Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 598, 600–601.

Среди философов и ораторов Древнего Рима, оказавших наибольшее влияние на учение о преступлении и его причинах, следует назвать Цицерона. Главными причинами, лежащими в основе любого преступления, он считал стремление к наслаждениям, удовольствиям, алчность, похоть, жестокость¹. «Среди столь гнусных поступков скрывается и преступление»². Помимо непосредственных причин преступлений Цицерон выделял и условия, способствующие их совершению: негативное влияние элиты, недостатки законодательства. Целью наказания он считал обеспечение безопасности общества, достигаемое исправлением преступника, чтобы он «раскаялся в своем противозаконии».

Следует отметить, что в большинстве своём античные философы в рассуждениях о причинах преступлений не были оригинальны, признавая ценностно-мотивационные установки личности главной из них. Ещё М. Н. Чубинский отмечал, что римские философы в вопросах причин преступлений «главным образом указывали на общую порчу нравов» [22, с. 65]. Лишь некоторые мыслители приходили к выводу о комплексном характере причин преступлений. Так, если Вергилий³ (I в. до н. э.), как и Сенека⁴ (I в. н. э.), истоки преступлений видели в личности (гнев, страсть, праздность, безнравственность, честолюбие, скупость, стремление к роскоши и т. п.) [21, с. 7, 12, 242], то Лукреций добавлял к ним ещё и социально-экономические условия (бедность народа).

В рассуждениях о целях наказания большинство римских мыслителей также стояли на схожих позициях: неотвратимость наказания, его справедливость⁵, превентивное воздействие. Но некото-

рые (Публий Сир, Сенека и др.) вслед за Цицероном указывали на необходимость исправления преступников.

С падением Рима остановилось развитие уголовно-правовых и криминологических идей. Северные завоеватели не в состоянии были подняться на уровень греко-римской общественно-политической мысли. Научная работа не могла нормально продолжаться, и властительницей мысли во всех областях знания постепенно становится церковь, что позволило ей приобрести невиданное могущество и монополию на мировоззрение. В праве господствующее положение заняли канонисты. В криминологической сфере представление о причинах преступного поведения на многие века было отведено влиянию злых сил, дьявольскому искушению и т. п., произошло смешение понятий греховного и преступного, в связи с чем наряду с общеуголовными преступлениями широкое распространение получили т. н. преступления против веры – кощунство, богохульство, ересь, колдовство [15, с. 57].

Аналогичным образом ситуация обострялась и в Древней Руси. Специфическая форма лишения свободы – монастырское заключение – использовалась первоначально исключительно в качестве церковного наказания, целью которого было покаяние (раскаяние) преступника в соответствии с доктриной о пути очищения от «греховной скверны» посредством молитвы, духовного созерцания и самосовершенствования. Данное обстоятельство должно рассматриваться с т. зр. канонического права [19, с. 22]. Сама система наказаний по древнерусскому законодательству имела целью немедленное восстановление социальной справедливости и компенсацию материального ущерба, а не исправление преступников и предупреждение преступлений. Отсюда действие принципа талиона, как пережитка племенного обычая кровной мести (выражался в дозволении убить вора на месте или отомстить смертью за смерть)⁶; существование такого специфического

¹ Цицерон Марк Туллий. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М., 1999. С. 160, 168, 223, 319, 519.

² Цицерон Марк Туллий. Речи. Т. 1. М., 1993. С. 33.

³ Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 2007. 540 с.

⁴ Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 243.

⁵ Гораций Квинт. Сатиры. Книга первая. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=56221&p=4> (дата обращения: 03.07.2019).

⁶ Текст: Русская Правда // Википедия [сайт]. URL: [https://traditio.wiki/Русская_Правда_\(текст\)](https://traditio.wiki/Русская_Правда_(текст))

ческого вида наказания, как «поток и разграбление», представляющее собой вид средневекового социального остракизма – пережитка племенных обычаев, когда изгнание за пределы племени фактически означало смерть виновного.

Эпоха Возрождения (XIV в.) с её антропоцентрическим характером воскресила интерес исследователей к человеку, реанимировала достижения античной научно-философской мысли, а начиная с эпохи Просвещения (XVII–XVIII вв.), наблюдаются переход к научному способу познания мира, отказ от теологической концепции мироустройства, переставшей удовлетворять общество. Изменение парадигмы мировосприятия и миропонимания усилило попытки рационального объяснения социальных явлений, в т. ч. изучения проблем преступности, природы преступлений, личности преступника.

Многие европейские мыслители обращаются в своих исследованиях к поиску причин, вызывающих преступления, поскольку, как писал Т. Мор, «если остаются неизменными причины преступлений, преступления будут совершаться постоянно» [6, с. 73]. Развивается мысль о социальной природе преступности, обосновывается необходимость экономического переустройства общества (Т. Мор), совершенствования законодательства (Ф. Бэкон). Г. Гроций отстаивает значение наказания как средства общей превенции [1, с. 151, 155], достигаемого «уничтожением или искалечением преступника, или же приведением его в состояние неспособности причинять вред, или, наконец, его исправлением»¹.

К XVIII в. сформировалась классическая школа уголовного права, в рамках которой начала развиваться область научных поисков, позже выделившаяся в отдельную науку криминологию [18, с. 21].

Наибольший вклад в развитие учения о преступлении в классический период принадлежит Ч. Беккария. В своём главном труде «О преступлениях и наказаниях»², критикуя смертную казнь, он отмечал, что предупреждение преступлений должно обеспечиваться не жестокостью наказаний, а их неотвратимостью. Сама цель наказания – не в причинении страдания, а в предупреждении новых деяний преступника и удержании других от подобных действий³. Беккария считал смертную казнь несостоятельной ввиду сомнительности ее превентивной функции, и потому подлежащей замене на пожизненное заключение, поскольку «никакое преступление не может принести выгоду, если влечет пожизненное заключение».

Ж.-П. Марат в труде «План уголовного законодательства» утверждает, что «гораздо разумнее предупреждать преступление, чем его наказывать»⁴. Марат предложил принятую позднее на вооружение многими странами систему общесоциальных мер по нейтрализации вызванных экономическими проблемами причин преступлений: развитие системы общеобразовательных школ, ремесленное обучение и последующее трудоустройство малоимущих.

Значительное влияние на учение о преступлениях оказал Ш. Фурье, признававший преступность неизбежным продуктом социальной жизни, а её основными причинами – упадок нравственности и экономические проблемы.

К. Маркс и Ф. Энгельс развили учение, согласно которому преступность может быть искоренена в результате коренного переустройства общества, направленного на ликвидацию социального и экономического неравенства, что достижимо посредством ликвидации частной собственности.

(дата обращения: 18.07.2019).

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. Книга вторая // Научная электронная библиотека Гражданское общество в России. URL: <https://www.civisbook.ru/publ.html?id=531> (дата обращения: 02.09.2019).

² Beccaria C. Contro la pena di morte // De Farinetti L. Lezioni di storia della filosofia. 2010. URL: http://online.scuola.zanichelli.it/lezionidifilosofia/files/2010/01/U9-L07_zanichelli_Beccaria.pdf (дата обращения: 04.07.2019).

³ Beccaria C. Dei delitti e delle pene. Milano, 1973. 121 p.

⁴ Марат Ж.-П. План уголовного законодательства. М., 1951. 152 с.

Важно понимать, что вплоть до XIX в. утверждение о связи преступлений и социально-экономических факторов было в основном умозрительным. Наличие такой связи не подтверждалось результатами исследований, статистических наблюдений. Первыми, кто сумел выявить определённые закономерности воспроизводства преступлений, были Л. Кетле и А.-М. Герри [6, с. 75].

Другими известными представителями классической школы являются Бентам, Блэкстоун, Ромилли, Макинтош, Бакстон, Пил, Фейербах и др. [18, с. 21]. О причинах преступности и мерах борьбы с ней писали также Локк, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Вольтер и другие философы, отмечая социальную неустроенность общества и необходимость предупреждения преступлений.

Вместе с тем практика борьбы с преступностью, в соответствии с представлениями классической школы уголовного права, фактически исходила из понимания преступления как проявления свободной воли преступника и ограничивалась только применением уголовных наказаний [11, с. 13, 14]. Тем самым классики юриспруденции существенно ограничивали криминологические возможности предупреждения преступности, отказываясь от исследования личности преступника, биологических, психологических, социальных причин преступлений [10, с. 109].

Эти проблемы обусловили развитие позитивистского направления в уголовном праве и криминологии – антропологической и социологической школ. В противовес классической школе антропологическое направление к центральной проблеме криминологии относил именно личность преступника как особого человеческого типа. Основоположителем антропологического направления считается Ч. Ломброзо, изложивший в своем знаменитом труде «Преступный человек» теорию монофакторного детерминизма, согласно которой существует связь между анатомическими и физиологическими особенностями человека и его склонностью к совершению преступлений.

Антропологическое направление было чрезвычайно популярно в США вплоть до середины XX в. На основе разработанной Р. Дагдейлом, Х. Веем и др. теории умственной неполноценности преступников, а также опубликованной в 1893 г. «Криминологии» Мак-Доналда, где психические аномалии названы главным источником преступности [18, с. 24–25], к 30-м гг. XX в. почти в половине американских штатов были приняты законы о принудительной кастрации и стерилизации душевнобольных и преступников-рецидивистов [18, с. 25], широко применялась лоботомия. Основными методами исправления преступников американские антропологи считали военную муштру, физические мучения и издевательства [18, с. 25].

Ученики Ломброзо – Р. Гарофало и Э. Ферри – дополнили и уточнили многие положения антропологической школы, в частности, признавая наряду с биологической обусловленностью преступления не менее фундаментальное значение роли социальных, экономических, политических, психологических, а также физических (климат, погода и т. п.) факторов. Ферри считал, что наказание не оказывает влияния на динамику преступности, находящуюся в зависимости от других факторов, поэтому предупреждение преступности не обеспечивается правосудием. В этой связи он предлагал неисправимым (прирождённым) преступникам назначать неограниченный срок наказания, умалишённых направлять в специальные лечебницы, а к остальным применять дифференцированные меры: временное удаление из общества, физический труд, финансовые наказания и т. д.

Гарофало помимо вопросов уголовной антропологии уделял повышенное внимание психическим чертам личности преступника. Он пришёл к выводу, что одних наказание может удерживать от преступления, а других – нет. Исходя из этого, Гарофало разработал целую карательную систему: для неисправимых – сохранение смертной казни, отказ от срочных и назначение неопределённых приговоров; для

второй категории – обязанность возмещения вреда, причинённого преступлением, как наиболее эффективную меру воздействия на преступников [7, с. 77, 80, 81].

Позитивистское направление оказало влияние и на российскую школу уголовного права. Уже А. Н. Радищев в труде «О законоположении» (1801–1802 гг.) указывал на необходимость сбора статистической информации о правонарушениях, их побуждениях и причинах [23, с. 45]. А в 1823 г., т. е. на несколько лет раньше общепризнанного бельгийского статистика А. Кетле, идея о закономерности развития преступности была высказана К. Германом [14, с. 51].

Середина и вторая половина XIX в. ознаменовались появлением целой плеяды отечественных правоведов, в той или иной степени занимавшихся проблемой преступлений, их причин, воздействия на преступника. Б. Н. Чичерин, Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев говорили о необходимости гармонического устройства общества, соблюдении норм права, развитии правосознания, обеспечении законности, как общепреventивных средствах в борьбе с преступностью [8, с. 36, 109, 119–120, 143, 145, 203].

Огромное влияние на развитие криминологических идей оказал Л. И. Петражицкий, создавший учение об эмоциях как регуляторе человеческого поведения. Он выдвинул принцип целостного воспитания личности, указал на важную роль семьи в предупреждении преступных наклонностей личности [8, с. 224, 234, 240, 241].

Д. А. Дриль развивал идею о соотношении биологического и социального в личности преступника, о влиянии социальных проблем на формирование причинного комплекса преступлений [2, с. 23]. Он ставил уголовное наказание (объём и суровость репрессии) в зависимость от личностных качеств преступника, побудивших последнего на совершение преступления [4, с. 21].

Н. С. Таганцев указывал на необходимость изучения не только внешней сторо-

ны деяния, но и внутренней: рассмотреть деяние как «момент проявления личности», «от изучения события перейти к изучению деятеля, показать, как развивались в нём условия преступности», изменения в его личности; психологические, анатомические, физиологические, а может быть, даже и органические особенности преступника [21, с. 11, 13, 14]. «Юридическое изучение преступного деяния не может ограничиваться изучением только самого деяния, забывая его личность ... свойства и качества преступника» [21, с. 21].

Выдающийся криминалист И. Я. Фойницкий плодотворно сочетал принципы классической школы с элементами школ антропологической и социологической [8, с. 517–518], занимался этиологией преступлений, провёл анализ психологии преступников, их социального положения, указал на роль в преступлении бытовых условий, профессии, образования.

Русский психиатр В. М. Бехтерев занимался экспериментальным исследованием преступников, их классификацией по психологическим признакам [16, с. 416].

С. В. Познышев, один из основоположников юридической психологии, изучал причины совершения различных преступлений. Он выделил их внешние и внутренние факторы. Среди последних важную роль играют личностные особенности, в т. ч. наследственность преступника¹. Познышев первым предложил научное исследование не только преступников, но и осуждённых, прежде всего на основе психиатрии и криминальной психологии [17, с. 85], выделил социально-психологические и психотерапевтические способы исправительного воздействия на осуждённых [17, с. 55, 56, 59, 73, 74, 104, 109, 112, 120, 145].

В советский период, по крайней мере начиная с конца 20-х гг. XX в., кримино-

¹ Познышев Сергей Викторович [Электронный ресурс] // Научное наследие России: Электронная библиотека. URL: <http://e-heritage.ru/ras/view/person/history.html?id=47073791> (дата обращения: 07.07.2019).

логия лишилась возможности развития продуктивного, научно обоснованного комплекса криминологических методов познания феномена преступности и сопряжённых с ним явлений. Догматизм советской науки тесно соседствовал с аксиоматизмом, о котором можно сказать, привлекая мысль замечательного русского философа И. А. Ильина, что его характерной чертой является двойное стремление: избегать проблематизации общих истин и искать ответы на частные вопросы.

Лишь с 60-х гг. в рамках уголовного и исполнительно-трудового права началось возрождение криминологии. Первая крупная работа, посвящённая изучению личности преступника, механизмов её формирования и поведенческих мотивов, принадлежит А. Б. Сахарову. В дальнейшем исследование проблемы личности преступника было углублено В. Н. Кудрявцевым и Г. М. Миньковским, которые совместно с А. Б. Сахаровым разработали единую классификацию типов преступника [12, с. 52].

Значительный вклад в развитие криминологии внёс Ю. М. Антонян, основоположник психологической школы в криминологии, посвятивший большую часть своих работ изучению личности преступника, в частности, личности осуждённого – основного объекта воспитательно-исправительного воздействия.

В настоящее время проблема личности преступника имеет комплексный характер и изучается с позиции ряда наук: криминологии, уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминалистики, судебной и пенитенциарной психологии. Наряду с созданием классификаций и типологий преступников изучаются вопросы мотивации совершения преступлений, индивидуально-психологических особенностей (Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, Н. С. Лейкина, В. Г. Танасевич и др.), особенностей поведения осуждённых в местах лишения свободы и специфики работы с ними (М. Г. Дебольский, Н. В. Кастерина, И. А. Матвеева, А. И. Мокрецова, В. В. Новиков и др.) [16, с. 418].

Таким образом, на протяжении тысячелетней истории человечества в сознании общества всегда существовало актуальное для конкретного исторического периода устойчивое представление о наиболее типичных чертах преступника. В эпоху Античности сформировались важные представления о природе преступления, отдельных чертах личности преступника, возникали попытки выделения причин и условий, способствующих совершению преступления. Однако сама преступность ещё не рассматривалась как сложное комплексное, социально-правовое явление. Причины преступлений виделись в несправедливом распределении благ и отдельных недостатках (пороках) личности. И хотя мыслители приходили к выводу о необходимости не только частной, но и общей превенции, перевоспитания преступников (Протагор, Платон, Цицерон и др.), правовая мысль этого периода ещё не коснулась ни самой сущности исправительного воздействия, ни изучения личности преступников. После падения Рима наступило господство церкви. Долгие века, начиная с раннего Средневековья вплоть до начала европейской индустриальной эпохи, религиозное мировоззрение объясняло наличие преступных черт влиянием на человека злых сил, противостоящих Богу, и толкающих человека к духовной гибели.

В эпохи Возрождения, а позже Просвещения, вызваны интерес к природе человека, развитие уголовно-правовых идей, формирование классического направления уголовного права, отход от теологической концепции понимания мира. Постепенно выкристаллизовываются мысли о социальной природе преступности (Мор), необходимости изучения личности преступника (Гроций), гуманизации уголовного процесса и процедуры наказаний (Беккария).

С XIX в. личность преступника стала объектом пристального внимания многих отечественных юристов (Муромцев, Петражицкий, Кистяковский, Дриль, Таганцев, Фойницкий и др.). Однако

вплоть до XX в. проблемы исправительного воздействия на личность осуждённого преступника практически не были исследованы. Лишь начиная с Познышева (20-е гг.) и позже с Сахарова (60-е гг.), эта проблема заняла одно из центральных мест во всей криминологии. В отечественной науке наиболее заметная роль в изучении личности осуждённого принадлежит Ю. М. Антоняну, В. М. Кудрявцеву, Г. М. Миньковскому, В. Е. Эминову и др.

Представленный в статье историко-правовой обзор формирования научных представлений о причинах преступлений и об исправлении преступников позволяет сделать вывод о комплексном характере причинного комплекса преступности, важнейшей частью которого остаётся личность преступника в сочетании её социального и биологического начал. Исправление преступника должно основываться не только на сугубо правовых мерах, но и на система-

тическом, научно обоснованном использовании психолого-педагогических, психотерапевтических инструментов, достижений психиатрии. Пренебрежение ими делает исправительную работу неэффективной (так, по данным Росстата за 2018–2019 гг. среди находящихся в местах лишения свободы осуждённых доля ранее отбывавших наказание лиц составляет более 50%), ограничивая субъектов исправительно-воспитательной работы в понимании механизмов формирования черт личности преступника, его привычек, склонностей, привязанностей, индивидуально-психологических особенностей, различных дефектов, детерминирующих преступное поведение. Уголовное наказание без исправления является карой.

Статья поступила в редакцию 02.09.2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Р. Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. 2002. № 3. С. 139–165.
2. Бахарев Д. В. Д. А. Дриль как представитель уголовно-антропологического направления в криминологии // Вестник Югорского государственного университета. 2007. Вып. 7. С. 23–24.
3. Георгиевский Э. В. Лишение жизни в архаических обществах: обрядовость и быт // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 44–48.
4. Голосенко И. А. «Социально-органическая» теория Д. А. Дриля и её место в истории российской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. С. 15–31.
5. Гойман В. И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 3–5.
6. Елисеев С. А. Зарубежная криминологическая мысль о причинах имущественной преступности: очерк истории // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1 (56). С. 73–79.
7. Иншаков С. М. Зарубежная криминология: учеб. пособие. М., 2003. 383 с.
8. История русской правовой мысли: Биографии, документы, публикации / отв. ред. С. А. Пяткина. М., 1998. 601 с.
9. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие. Т. 2. Ярославль, 2006. 491 с.
10. Комлев Ю. Ю., Сафиуллин Н. Х. Социология девиантного поведения: учеб. пособие. Казань, 2006. 222 с.
11. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2002. 848 с.
12. Кудрявцев В. Н., Миньковский Г. М., Сахаров А. Б. Личность преступника. М., 1975. 272 с.
13. Лезьер В., Сумачев А. В. Идеи Платона и их рецепция правоохранительной практикой // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 8–15.
14. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. М., 1997. 497 с.
15. Мосолкина Т. В. Преступность в английском средневековом городе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 57–60.
16. Никулина Н. С. Исторические аспекты исследования особенностей личности, отбывающей наказание в местах лишения свободы // Молодой ученый. 2016. № 15 (119). С. 415–419.
17. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 343 с.

18. Прокументов Л. М. О происхождении антропологического направления в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 20–27.
19. Сидоркин А. И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2005. 51 с.
20. Соктоев З. Б. Философия Аристотеля и уголовно-правовая причинность // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 1. С. 69–71.
21. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Ч. 1. М., 1919. 414 с.
22. Чубинский М. Н. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. 444 с.
23. Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПб., 2001. 264 с.

REFERENCES

1. Apresyan R. G. [Jus Talionis in the treatise of Hugo Grotius «On the Law of War and Peace»]. In: *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought], 2002, no. 3, pp. 139–165.
2. Bakharev D. V. [D. A. Drill as a representative of the criminal-anthropological direction in criminology]. In: *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Yugor State University], 2007, iss. 7, pp. 23–24.
3. Georgievsky E. V. [Deprivation of life in archaic societies, ritual and everyday life]. In: *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2005, no. 4, pp. 44–48.
4. Golosenko I. A. [D. A. Dryl's "Socio-organic" theory and its place in the history of Russian sociology]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, no. 4, pp. 15–31.
5. Goiman V. I. [Legal nihilism: overcoming]. In: *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet Justice], 1990, no. 9, pp. 3–5.
6. Eliseev S. A. [Foreign criminological thinking about the causes of property crime: historical outline]. In: *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2012, no. 1 (56), pp. 73–79.
7. Inshakov S. M. *Zarubezhnaya kriminologiya* [Foreign Criminology]. Moscow, 2003. 383 p.
8. Pyatkina S. A. *Istoriya russkoi pravovoi mysli: Biografii, dokumenty, publikatsii* [The History of Russian Legal Thought: Biographies, Documents, Publications]. Moscow, 1998. 601 p.
9. Kartashov V. N. *Teoriya pravovoi sistemy obshchestva. T. 2* [The Theory of Legal System. Vol. 2]. Yaroslavl, 2006. 491 p.
10. Komlev Y. Y., Safiullin N. K. *Sotsiologiya deviantnogo povedeniya* [Sociology of Deviant Behavior]. Kazan, 2006. 222 p.
11. Dolgova A. I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2002. 848 p.
12. Kudryavtsev V. N., Minkovsky G. M., Sakharov A. B. *Lichnost prestupnika* [The Identity of the Offender]. Moscow, 1975. 272 p.
13. Lezer V., Sumachev A. V. [Plato's Ideas and their use in law enforcement practice]. In: *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2015, no. 1 (31), pp. 8–15.
14. Lunev V. V. *Prestupnost XX veka: Mirovye, regionalnye i rossiiskie tendentsii: Mirovoi kriminologicheskii analiz* [Crime of the 20th century: Global, Regional and Russian Trends: World Criminological Analysis]. Moscow, 1997. 497 p.
15. Mosolkina T. V. [Crime in the English medieval city]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [News of the University of Saratov. New series. Series: History. International relations], 2015, iss. 15, no. 3, pp. 57–60.
16. Nikulina N. S. [Historical aspects of research of the characteristics of a convicted person]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2016, no. 15 (119), pp. 415–419.
17. Poznyshev S. V. *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of Penitentiary Science]. Moscow, 1923. 343 p.
18. Prozumentov L. M. [On the origin of anthropological trends in criminal law and criminology]. In: *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Journal of Criminology by Baku State University of Economics and Law], 2016, vol. 10, no. 1, pp. 20–27.
19. Sidorkin A. I. *Nakazaniya, svyazannye s lisheniem i ogranicheniem svobody v russkom ugovnom zakonodatel'stve IX–XVII vv.: problemy pravovogo regulirovaniya, sistematizatsii i primeneniya: autoref. dis. ... dokt. yur. nauk* [Penalties involving deprivation and restriction of freedom in Russian criminal

- legislation in the 9th – 17th centuries: problems of legal regulation of systematization and application: abstract of D. thesis in Law]. Kazan, 2005. 51 p.
20. Soktoev Z. B. [Aristotle's philosophy and criminal causation]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Journal of Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2014, no. 1, pp. 69–71.
21. Tagantsev N. S. *Russkoe uголовное право. Ch. 1* [Russian Criminal Law. Vol. 1]. Moscow, 2019. 414 p.
22. Chubinsky M. N. *Kurs uголовной политики* [The Course of Criminal Policy]. Yaroslavl, 1909. 444 p.
23. Shestakov D. A. *Kriminologiya. Prestupnost kak svoystvo obshchestva* [Criminology. Crime as a Social Feature]. St. Petersburg, 2001. 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черехович Максим Михайлович – аспирант кафедры уголовного права Московского государственного областного университета;
e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim M. Cherekhovich – postgraduate student at the Department of Criminal Law, Moscow Region State University;
e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Черехович М. М. Развитие научных представлений о причинах преступлений и об исправлении преступников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 57–66.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-57-66

FOR CITATION

Cherekhovich M. M. The Development of Scientific Ideas About the Causes of Crime and Correction of Criminals. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 4, pp. 57–66.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-57-66

РАЗДЕЛ II.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 34(091) (470)

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА МОСКОВСКОГО СОВЕСТНОГО СУДА (1782–1861 ГГ.)

Баранов Ю. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Основная цель работы – показать на примерах судебной практики Московского совестного суда решения по гражданским и уголовным делам, охране личной свободы. И, таким образом, определить место и значение совестного суда в российской системе правосудия.

Процедура и методы исследования. Впервые вводятся в научный оборот архивные документы Московского совестного суда, а сравнительный историко-правовой анализ на их основе позволяет увидеть процесс принятия решений судьей.

Результаты проведённого исследования. Создание совестных судов «разгружало» другие суды от малозначительных дел и позволяло разбирать более широкий спектр дел, чем требовал закон. Применение в судебной практике принципа *ius naturale* способствовало проведению в жизнь идей гуманизма. Примеры судебной практики Московского совестного суда показали, как происходили примирение сторон по гражданским искам, проявление милосердия по уголовным делам и создание прецедентов по ограничению произвола властей к человеческой личности. Обобщение архивных и опубликованных документов позволило определить место и значение совестного суда в судебной системе империи.

Теоретическая/практическая значимость. Данное исследование на основе анализа архивных документов опровергает устоявшееся мнение о «никчёмности» совестного суда и определяет слабоизученные вопросы, связанные с его деятельностью. Судебная практика Московского совестного суда показала применение гуманистических начал в его деятельности и способствовала их проникновению в общество. Результаты исследования могут быть использованы в процессе дальнейшего научного исследования по истории совестного суда.

Ключевые слова: Московская губерния, просвещённый абсолютизм, совестный суд, судебная практика, закон, естественная справедливость, примирение сторон, милосердие, охрана личной свободы

JUDICIAL PRACTICE OF THE MOSCOW COURT OF CONSCIENCE (1782–1861)

Y. Baranov

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoi st., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Purpose. By examples of the judicial practice of the Moscow Court of Conscience to show judgments on civil and criminal cases, protection of personal freedom and determine the place and role of the court of conscience in the Russian system of justice.

Methodology and Approach. The study presents some new archival documents of the Moscow Court of Conscience and carries out their historical and legal research, which allows the author to observe court resolutions making.

Results. The creation of courts of conscience «unloaded» other courts from minor cases and allowed to consider a wider range of cases than required by the law. The application of the principle of *ius naturale* in judicial practice contributed to the implementation of the ideas of humanism. The examples of the Moscow Council Court practice showed how the parties were reconciled in civil cases, appealed to mercy in criminal cases and how precedents were set to reduce officials' highhanded attitude towards personality. The comprehensive analysis of archival and published documents made it possible to determine the place and role of the court of conscience in the judicial system of the Russian Empire.

Theoretical and Practical Value. This study, based on the analysis of archival documents, refutes the established opinion about the «worthlessness» of the court of conscience and reveals poorly studied issues related to its activities. The judicial practice of the Moscow Court of Conscience testified to the use of humanistic principles in its activities and contributed to their penetration into society. The results of the study can be used in further scientific research on the history of the court of conscience.

Keywords: Moscow province, enlightened absolutism, court of conscience, judicial practice, law, natural justice, reconciliation of the parties, mercy, protection of personal freedom

В постсоветское время возрос интерес к прошлому, в т. ч. и к совестному суду. В различных областях России появились работы, раскрывающие его деятельность [2; 4; 5; 6; 7], за исключением столичного региона: исследований о Московском совестном суде автором не обнаружено. Предлагаемая статья частично ликвидирует данный пробел.

Как известно, в ходе проведения административно-судебной реформы Екатерина II повелевала учредить в каждой губернии по одному совестному суду. В состав суда входили председатель и 6 заседателей, выбранных от сословий дворян, горожан, крестьян. Срок полномочий каждого состава суда составлял 3 года. В своих суждениях члены суда руководствовались законами и принципами естественной справедливости, т. к. «совестный суд никогда судьбы ни чьей да не отяготит». Под его юрисдикцию попадали гражданские и уголовные дела и охрана личной свободы¹, а правовую осно-

ву составляли законодательные акты, начиная от Соборного Уложения 1649 г.

В Московской губернии совестный суд сформировали в октябре 1782 г., и первым судьёй стал тайный советник, сенатор и кавалер М. М. Салтыков². Годовое содержание суда было определено в 390 руб.³.

В архиве сохранилось значительное количество дел, затрагивающих имущественные отношения. Примирить тяжущихся путём компромисса являлось целью совестного суда. В ходе судебного процесса сторонам предлагали самостоятельно решить спор, затем при помощи посредников, и, наконец, суд озвучивал своё решение спора. Если получить согласия сторон не удавалось, иск передавался в суд общей юрисдикции.

Так, в начале 80-х гг. XVIII в. суд рассматривал прошение детей князя Мещерского, в котором они сообщали, что отец их, князь Мещерский, на свои деньги покупал у раз-

¹ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. 7 ноября 1775 г. Гл. XXVI «О совестном суде и его должности». Ст. 395–403 // Законодательство Екатерины II. 2 т. Т. 1. М.:

Юридическая литература, 2000. С. 455–457.

² Центральный государственный архив Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Л. 15.

³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 279, 311, 311 об., 312.

ных помещиков дворовых людей и крестьян на имя господина М. Неронова. Последний обещал дать князю на тех людей купчую крепость. При жизни обоих сделку совершить не удалось, и дети князя Мещерского требовали их возврата. На суде одна из дочерей М. Неронова Елизавета подтвердила, что отец приказал вернуть их законному владельцу князю Мещерскому. Из своей части наследства она согласна «дать ему (князю Василию, сыну Мещерского) от крепостных дел записку или купчую крепость... и сие положенное мое согласие да благоволит совестный суд по силе вышеизложенной 400 ст. укрепить печатью. 1785 г. 29 января». Т. е. было заключено мировое соглашение с одной из наследниц¹.

При Александре I процессуальная практика претерпела некоторые новации. В частности, по его указу (1816 г.) спорные дела между родителями и детьми о движимом и недвижимом имуществе рассматривались только в совестном суде², как это было между поручиком Владимиром Мельгуновым и его матерью. В иске, предъявленном им своей матери, бывшей опекунше, он указал, что в отчётах, подаваемых ею в Московскую дворянскую опеку, денежные суммы не соответствуют действительности. В частности, она уменьшала доходы с «детского» имения; не указала своей доли прибыли с новых имений, купленных на «детские» деньги; утаила перед дворянской опекой выручку, полученную от продажи леса, хлеба; выдала бабушке малолетних Е. Мельгуновой денег больше, чем следовало по условию, и т. д. По мнению Мельгунова, мать должна ему, его братьям и сестрам 265 346 руб. 48 коп. серебром, но он просил взыскать с матери только свою долю в размере 41 460 руб. 38 $\frac{3}{4}$ коп. серебром.

Родительница не опровергла представленных доказательств, и суд решил: иск поручика В. С. Мельгунова к матери его, Н. А. Мельгуновой, на сумму 44 770 руб. 31 $\frac{3}{4}$ коп. серебром признать правильным и взыскать их с Н. Мельгуновой. В случае не-

согласия их к примирению «на поставленных сим мнением условиях, потребовать от них отзвывы, которые вместе с делом представить на окончательное разрешение в Правительствующий Сенат»³.

Как было отмечено выше, при принятии решений суд руководствовался принципом естественной справедливости. В архивах суда сохранилось дело коллежского регистратора П. С. Умнева, подавшего в 1849 г. прошение, суть которого состояла в следующем: в 1839 г. он завещал детям 6 000 руб. для покупки дома на имя его жены Марфы и жить на средства, получаемые от сдачи части дома. Купив дом, его жена написала завещание в пользу детей, а до их совершеннолетия владеть ему, Умневу, без всякого участия в том опеки и опекунов. Со временем, по его мнению, жена стала вести себя плохо, несмотря на приносимый доход, она не следила за состоянием дома и не занималась детьми – «дети не образуются». Поэтому он просил совестный суд признать недействительными купчую крепость, завещание его и жены и копии с них, составить другой акт на имя детей, а жену Марфу навсегда лишить прав на дом и детей. Суд установил, что Умнев имеет «характер сварливый и придиричивый в особенности к своему семейству», а «жена его ведёт себя прилично своему званию, характер имеет скромный...» и отказал ему в прошении как бездоказательном. Т. о., суд защитил интересы жены и детей⁴.

Большой пласт документов относится к внутрисемейным делам, касавшимся помощи родителям, взаимного уважения и т. д. Серпуховской мещанин И. П. Гульшин потребовал от своего сына Павла ежегодной выплаты по 50 руб. серебром на содержание в старости. Сын отказался, и дело рассматривалось в суде, который вынес решение: раз отец содержал сына, то на основании ст. 188 X т. Свода законов сын теперь должен содержать отца, платя ему ежегодно по 25 руб. серебром⁵. Московский купец Леон Карелов жаловался на своего

¹ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 153. Л. 1, 1 об.

² ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 37. Л. 101, 101 об.

³ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 149. Л. 499–550 вкл. об.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 82. Л. 737–743 вкл. об.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 83. Л. 653, 655.

сына, Михаила Карелова, за «оскорбление родительских прав». Вызванный в суд сын повинился, и отец его простил, о чём была взята с отца расписка¹. Помимо перечисленных дел в суде разбирались дела о нападении, вводе во владение, возврате крепостных, долгах и т. д.

Кроме того, совестный суд рассматривал уголовные дела, где источником преступления являлась не сознательная воля преступника, а физический или нравственный недостаток. И первая группа таких дел очерчена очень туманно: «Дела, касающиеся до таковых преступников, кои иногда более по несчастливому какому нинаест приключению, либо по стечению различных обстоятельств впади в прегрешения, судьбу их отягощающая выше мер ими содеянного». Вторая категория более понятна, она относится к лицам, которые не могут быть субъектами преступлений, – умалишённым и детям. Однако закон вслед за Артикулом воинским расценивает и их деяния как преступные. Третья категория особенно оригинальна – дела колдунов или о колдовстве. С одной стороны, законодатель считает колдовство глупостью, обманом и невежеством, но с другой – всё же относит его к деяниям, заслуживающим судебного преследования². Словом, суду вверялся «совестный разбор и осторожное и милосердное окончание дел ему порученных».

К первой категории можно отнести *тяжкие уголовные преступления*. За убийство детей, рождённых в блуде, на основании ст. 26 гл. XXII Соборного Уложения и арт. 163 гл. XIX Воинского артикула роженицам грозила смертная казнь. Принимая решения по данным делам, совестный суд учитывал человеколюбие императрицы, основывался на святынях её предписаниях и, «предоставляя все сие бедственное происшествие суду божьему», даровал им жизнь. Преступницы отсылались в Духовную

консисторию для определения наказания в виде церковного покаяния, монастырских работ, соблюдения епитимьи. Данные решения суда одобрялись военным генерал-губернатором³.

Убивший свою жену крестьянин Еремей Игнатов показал в уголовной палате, что, уехав пахать пустошь, лежащую в 10 верстах от деревни, велел своей жене на другой день принести к нему обед. Не дождавшись еды, пошёл домой. В трёх верстах от деревни, встретив жену, подрался и нанёс ей два удара кулаком по голове, после чего она умерла. Уголовная палата отослала дело в совестный суд, т. к. Игнатов «впал в прегрешение». Согласно арт. 163 гл. XIX Воинского артикула за неумышленное убийство «наказание легче бывает», и члены суда приказали вышеозначенного крестьянина Игнатова послать на три месяца в городскую работу, а затем отослать к епархиальному архиерею для определения на трёх недельное покаяние и освободить⁴.

Вторая категория дел касалась *безумцев и детей*. Согласно закону от 25 июня 1765 г., по криминальным делам, кроме продажи, закладов и т. п., лиц в возрасте от 10 до 15 лет секли розгами, от 15 до 17 годов – плетью⁵. После расправы их отдавали родителям с обязательным увещеванием, что «одно только малолетство избавляет их от действительного наказания, а в будущем за аналогичное преступление избежать наказания они не смогут и судить их будут по всей строгости закона», как это произошло с малолетней девкой Василисой Трифоновой, высеченной розгами за кражу платья у своей матери Марфы Ефимовой⁶.

Несовершеннолетнюю Авдотью Ермакову обвинили в попытке поджога помещичьего скотного двора. На следствии она показала, что «возымела намерение поджечь господский скотный двор без всякой причины, по глупости, и потому, что у неё болит голова и приходит

¹ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 90. Л. 131, 131 об.

² Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. 7 ноября 1775 г. Гл. XXVI «О совестном суде и его должности». Ст. 395–403 // Законодательство Екатерины II. 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 2001. С. 876.

³ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1. Л. 426, 426 об. 427. Там же. Д. 454. Л. 31, 31 об.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1. Л. 158, 158 об., 159.

⁵ ПСЗ. РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12424.

⁶ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1. Л. 513, 513 об.

дурнота в нарождении месяца», сообщников и подстрекателей не имела. Во время совершения преступления, по мнению врачей, у Авдотьи «умственные способности находились в расстроенном состоянии». Поэтому суд решил не ставить в вину Ермолаевой означенного ей поступка, освободить из тюремного замка и отослать в вотчину на попечение её родителям или посторонним лицам. Генерал-губернатор граф А. А. Закревский приговор одобрил¹.

Крепостная девка Евгения Васильева из Переяславского уезда была судима за самовольную отлучку с места своего жительства. Как несовершеннолетней суд определил ей наказание: нанести 20 ударов плетью, а затем вернуть помещице².

Изменилось отношение властей и к третьей категории дел – *колдовству*. В екатерининскую эпоху суеверие перестало считаться тяжким преступлением, это «лишь глупость, обман и невежество», и всё же, как отмечалось выше, относили его к деяниям, подлежащим судебному преследованию. Суеверие в крестьянской среде имело формы ворожбы, колдовства, наговоров.

Мещанин Иван Воронин, выгнанный со свадьбы своего брата за сквернословие, решил отомстить. Завернув в бумагу золу и сажу, положил свёрток под порог дома брата, чтобы зажечь его по волшебству. Их мать, чуть отодвинув порог, «получила великую болезнь». Суд установил, что поступок Ивана Воронина заключал в себе глупость и обман и не мог причинить матери мнительный припадок. Поступил он только из-за «желания отомстить своему брату и поссорить его с женой». Суд признал возможность отправить Воронина для исправления его распущенности «на монастырскую работу на срок потребного на устранение и исправление, а затем его для отдачи родственникам под строгое за ним наблюдение». Духовная консистория определила Ивану Воронину двухмесячный срок³.

Совестный суд контролировал законность содержания под стражей. Ст. 401 Учреждений позволяла принимать прошения от лиц, содержащихся без основания в тюремном замке более 3-х суток. По решению суда их освобождали с отдачей на поруки. Зимой 1849 г. по истечении трёхдневного срока в совестный суд обратился П. Ф. Эккарт, подавший прошение о своём освобождении и о взыскании с виновного денег за убытки и обиду. В ходе судебного разбирательства было установлено: во-первых, необоснованность ареста, а во-вторых, что арест осуществился по частной просьбе графа В. П. Голинищева-Кутузова к московскому обер-полицеймейстеру. Поэтому, «не находя законного основания содержать Эккарта под арестом», суд, руководствуясь ст. 1064 XV т. Свода законов, отдал его под поручительство провизора А. К. Фейерейзена⁴. Решение суда по данному делу невозможно переоценить. Впервые в судебной практике применялась ст. 401 Учреждений, ограничивающая произвол местных властей.

Ввод в научный оборот архивных документов позволяет по-новому взглянуть на проблему. В частности, мнение В. О. Ключевского, что «...за все царствование Екатерины не насчитать и десятка дел, решённых во всех совестных судах надлежащим образом»⁵, не подтверждается судебной практикой. Василий Осипович не обозначил своего понимания дефиниции «надлежащим образом», т. е. на что он ориентировался – на закон или справедливость. Но неслестная оценка, данная им совестному суду, надолго утвердилась в науке.

Утверждение, что каждая пара судей занимается делами своего сословия⁶, не просматривается в письменных источниках. Нами было обнаружено значительное ко-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 629. Л. 28, 28 об., 49–50 вкл. об., 52, 56.

² ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 82. Л. 848–888 вкл. об.

³ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 433. Л. 2, 62 об., 63, 64, 66.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 82. Л. 396–405 вкл. об.

⁵ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1993. С. 305.

⁶ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. 7 ноября 1775 г. Гл. XXVI «О совестном суде и его должности». Ст. 395–403 // Законодательство Екатерины II. 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 2001. С. 876.

личество решённых дел в суде без участия заседателей от поселян¹. Предполагаем, что прав был Кнорринг, считавший выборных от сословий – заседателями дворянскими, гражданскими, сельскими, а не заседателями по дворянским, гражданским и другим делам².

Суждение о недостаточной подготовке судей как одной из причин «низкой эффективности совестных судов» [3] не выделяет никакой критики, хотя бы в отношении судей Московского совестного суда. Из сохранившихся формулярных списков и опубликованных документов можно установить, что они имели чины, соответствующие V–III классу Табеля о рангах, титулы (граф, князь), придворные звания (флигель-адъютант, камергер). Многие за участие в военных кампаниях были награждены орденами и имели опыт работы в различных министерствах. Судьи Лопухин, Нелидов, Толстой были лично знакомы с императорами и выполняли их поручения, т. е. входили в элиту российской бюро-

кратии. Автор оставляет в стороне вопрос о знании ими юриспруденции. Укажем только, что к середине XIX в. 75% членов Сената не изучали юридических наук [1].

Таким образом, необходимо дальнейшее тщательное исследование по составу суда и судебного процесса. Более пристальное внимание заслуживает изучение финансового обеспечения суда и института поручительства, существовавшего с середины XVI в.

Подводя итоги, отметим, что всесловность суда носила декларативный характер и была относительной. Суд, в первую очередь, ориентировался в своей деятельности на дворян и купечество. И, сам не ведая, в условиях феодально-крепостнической системы вносил в общество элементы гуманизма, а участие заседателей от различных сословий в деятельности суда способствовало развитию юридической системы и формированию гражданского общества.

Статья поступила в редакцию 27.12.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978. 288 с.
2. Пирожкова И. Г., Терехов В. В. Судебные реформы периода дворянской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (86). С. 153–155.
3. Разумов Е. В. Создание и деятельность совестных судов в Казанской губернии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 159–160.
4. Совестный суд Екатерины Великой – история и современный проект: материалы конференции. Оренбург: Южный Урал, 2016. 48 с.
5. Страхов С. Е. Институционализация губернских судебных учреждений в губерниях Российской империи при Екатерине II // Актуальные проблемы Российского права. 2019. № 2 (99). С. 11–22.
6. Старикова Н. В. Совестный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) // Вестник Мининского университета. 2013. № 4 (4). С. 6.
7. Харсеева О. В. Совестный суд в истории ювенального правосудия императорской России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 2. Т. 4 (20). С. 330–342.

REFERENCES

1. Zaionchkovsky P. A. *Pravitelstvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX veke* [The Government of Autocratic Russia in the 19th Century]. Moscow, Mysl Publ., 1978. 288 p.
2. Pirozhkova I. G., Terekhov V. V. [Judicial reforms of the noble Empire]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical,

¹ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 2. Л. 69.

Там же. Д. 118. Л. 1 и др.

² Кнорринг Н. Н. Очерки по истории Тульского совестного суда в Екатерининское время. Харьков, 1917. Л. 25.

- Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 12-2 (86), pp. 153–155.
3. Razumov E. V. [The establishment and activities of arbitration courts in the Kazan province]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2014, no. 16, pp. 159–160.
 4. *Sovestnyi sud Ekateriny Velikoi* [The Court of Conscience by Catherine the Great – History and Modern Design]. Orenburg, Yuzhnyi Ural Publ., 2016, 48 p.
 5. Strakhov S. E. [Institutionalization of provincial judicial institutions in the provinces of the Russian Empire under Catherine II]. In: *Aktualnye problemy Rossiiskogo prava* [Topical Issues of Russian Law], 2019, no. 2 (99), pp. 11–22.
 6. Starikova N. V. [The provincial court in the judicial system of Catherine II (materials of the Nizhny Novgorod region)]. In: *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of University of Minin], 2013, no. 4 (4), p. 6.
 7. Kharseeva O. V. [The Court of Conscience in the history of juvenile justice in Imperial Russia]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Academic Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Jurisprudence], 2018, no. 2, vol. 4 (20), pp. 330–342.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранов Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-kmp@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Baranov – PhD in History, associate professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-kmp@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Баранов Ю. В. Судебная практика московского совестного суда (1782–1861 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 67–73.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73

FOR CITATION

Baranov Y. V. Judicial Practice of the Moscow Court of Conscience (1782–1861). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 67–73.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73

УДК 34.011(597)

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-74-78

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЬЕТНАМА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Дмитренко А. П.¹, Чинь С. Ч.²

¹Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя

117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

²Академия народной безопасности

г. Ханой, ул. Чанфу, д. 125, Социалистическая Республика Вьетнам

Аннотация.

Цель. В статье рассматривается эволюция вьетнамских источников уголовного права, предусматривавших обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Процедура и методы исследования. При проведении исследования применены методы: анализа, синтеза, логический системный, сравнительный, обобщения и историко-правовой.

Результаты проведённого исследования. В ходе работы были выделены новые доктринальные положения в эволюции законодательства Вьетнама.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования углубляют существующие научные взгляды и обоснования новых доктринальных положений, касающихся развития вьетнамского законодательства, предусматривающего обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Ключевые слова: уголовное законодательство Вьетнама, обстоятельства, исключающие преступность деяния, внезапные события, невменяемость, необходимая оборона, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, обоснованный риск при исследовании, испытании и применении научно-технических достижений, исполнение приказа командира или начальника

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF VIETNAMESE LAW GOVERNING THE CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINAL ACTS

A. Dmitrenko¹, X. Trinh²,

¹Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot

12, Academic Volgin ul., Moscow, 117437, Russian Federation

²People's Security Academy

125, Tran Phu St., Ha Noi, Viet Nam

Abstract.

Purpose. The article considers the evolution of sources of criminal law in Viet Nam, providing for circumstances excluding criminal acts.

Methodology and Approach. When conducting the research, the following methods were applied: analysis, synthesis, logical systemic, comparative, generalization, and historical and legal.

Results. In the course of the study, new doctrinal provisions in the evolution of Vietnamese law were highlighted.

Theoretical and Practical Value. The results of the study deepen the existing views and justifications of new doctrinal provisions related to the development of Vietnamese legislation providing for circumstances that exclude criminal acts.

Keywords: Criminal Law of Viet Nam, circumstances excluding criminal acts, unexpected events, lack of criminal capacity, necessary defense, urgent circumstances, infliction of bodily harm while capturing criminals, substantiated research risks, experiments, application of technological advances, execution of orders of commanders or superiors

Первые упоминания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в законодательстве Вьетнама встречаются в Хонг Дык кодексе (Куок Чиеу Хинь Луат, 1470 г. – официальном своде законов династии Ле XV в.), где содержатся следующие частные ситуации необходимой обороны и крайней необходимости: «Тот, кто ночью беспричинно проник в чужой дом, определяется грешником; если хозяин в тот момент избил грешника до смерти, то считается невиновным» (ст. 450); «если лицо причинит вред другим людям во время поиска врача для родителей, умирающих в больничной койке, то считается невиновным» (ст. 553)¹.

Дальнейшее развитие этот институт получает в XIX в. в Жа Лонг кодексе (Hoang Viet luat le, 1812 г.)², где к сохранившимся со времён Хонг Дык кодекса положениям о необходимой обороне, позволявшим причинить вред лицу, беспричинно проникающему в чужой дом (ст. 246), добавляется ещё один частный случай крайней необходимости: в ст. 265 этого законодательного акта указывалось, что «без уважительных причин нельзя быстро водить лошадей, повозку на рынке, на улице... Но в случае исполнения срочной служебной обязанности, лицо, быстро вводящее лошадей, считается невиновным»³.

Поскольку в период с 1858 по 1945 г. Вьетнам был колонией Франции, в отношении граждан французской метрополии, проживавших в то время во Вьетнаме, при-

менялся Уголовный кодекс Франции. Сам Вьетнам был разделён на 3 части – южную, северную и центральную [2, с. 43].

В южной части Вьетнама использовался уголовный кодекс 1902 г. (Бо луат ту чинь – Bộ Hình luật tu chính), который повторял редакцию Уголовного кодекса Франции⁴. В северной части действовал уголовный кодекс 1922 г., а в центральной части – уголовный кодекс 1933 г.⁵. В силу ряда исторических событий тексты этих законодательных актов в настоящее время утрачены [3, с. 193].

После Августовской революции 1945 г. была образована Демократическая Республика Вьетнам. Единый кодифицированный акт, включающий в себя все обстоятельства, исключающие преступность деяния, отсутствовал до принятия Уголовного кодекса СРВ 1985 г. Этот период времени характеризуется, во-первых, рассредоточением норм, предусматривающих обстоятельства, исключающие преступность деяния, в различных нормативно-правовых актах, и, во-вторых, тем, деяния, преступность которых не исключалась нормативно, могли признаваться таковыми на судебном уровне как в разъяснениях Верховного Народного Суда СРВ, так и в процессе рассмотрения конкретных уголовных дел.

Так, например, обстоятельства, исключающие преступность деяния, регламентировались:

- 1) в постановлении Премьер-министра «О праве на свободу человека и не-

¹ Куок Чиеу Хинь Луат / пер. Ч. С. Чьонг Ханой: Юриспруденция, 1991. С. 121.

² В литературе Вьетнама он также называется «Хоанг Вьет законы и обычаи».

³ Нгуен Куэт Тханг. Общие положения Куок Чиеу Хинь Луат / пер. Ч. С. Чьонг Ханой: Культура и информация, 2002. С. 43.

⁴ Ву Куок Тхонг. История законодательства Вьетнама / пер. Ч. С. Чьонг. 1973. С. 463.

⁵ Нгуен Ань Туан. Источники уголовного права Вьетнама / пер. Ч. С. Чьонг // Научный журнал Государственного университета. Юриспруденция. 2012. № 28. С. 95–100.

прикосновенность жилища, вещи и переписки» (№ 301-ТТг от 7 октября 1957 г.)¹;

- 2) в итоговом отчёте Верховного Народного Суда СРВ «О практической деятельности судебного органа в отношении лица, совершившего убийство» (№ 452-HS2 от 6 октября 1970 г.);
- 3) в инструкции Верховного Народного Суда СРВ «О судебном разбирательстве в отношении действий, посягающих на жизнь или здоровье другого лица при превышении пределов необходимой обороны или исполнении служебных обязанностей» (№ 07-TANDTC/CT от 22 декабря 1983 г.);

Нормы, не предусматривающие частные случаи конкретных видов обстоятельств, исключающих преступность деяния, а в целом определяющие условия и пределы правомерности таких явлений, как необходимая оборона и крайняя необходимость, появились только в Уголовном кодексе СРВ от 27 июня 1985 г. (ст.ст. 13, 14) [4, с. 146].

Законодательный подход к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, существенно изменился с принятием Уголовного кодекса СРВ 2015 г. В гл. 4 этого нормативно-правового акта, получившей название «Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность», содержатся 7 статей. Явления, предусмотренные статьями этой главы, в зависимости от их правовой природы можно разделить на 2 группы: *уголовно-юридически значимые деяния и обстоятельства, исключающие преступность деяния*.

Уголовно-юридически значимыми деяниями, т. е. предусмотренными в уголовном законе, причинившими вред

уголовно-охраняемому объекту, но совершёнными при отсутствии необходимого актуального или потенциального контроля со стороны сознания или воли, являются следующие: *внезапные события* (ст. 20); *состояние невменяемости лица, совершившего деяние* (ст. 21) [1, с. 18].

Предусмотрены также 5 обстоятельств, исключающих преступность деяния:

- 1) необходимая оборона (ст. 22);
- 2) крайняя необходимость (ст. 23);
- 3) причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 24);
- 4) обоснованный риск при осуществлении изучения, испытания и использования научно-технических достижений (ст. 25);
- 5) исполнение приказа или распоряжения (ст. 26).

В этих статьях достаточно детальное описание получили условия и пределы правомерности конкретных обстоятельств. Так, ст. 22 признаёт необходимой обороной деяние обороняющегося, выраженное в оказании необходимого сопротивления посягающему лицу для защиты интересов государства, общества, своих прав и законных интересов, а также прав и законных интересов других лиц. В статье имеется указание на *непреступность* причинения вреда в состоянии необходимой обороны.

Превышением пределов правомерности необходимой обороны признаётся деяние обороняющегося, явно несоответствующее характеру и степени общественно опасного посягательства. Ответственность за превышение пределов необходимой обороны может наступать только в случаях, предусмотренных уголовным законодательством Вьетнама.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 24 УК СРВ, *не признаётся преступлением*, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным.

Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего престу-

¹ Постановление Премьер-министра от 07.10.1957 № 301-ТТг «О праве на свободу человека и неприкосновенность жилища, вещи и переписки» [Электронный ресурс]. URL: <https://thukyluat.vn/vb/nghi-dinh-301-ttg-nam-1957-thi-hanh-luat-bao-dam-quyen-tu-do-than-the-va-quyen-bat-kha-xam-pham-doi-voi-nha-o-do-vat-thu-tin-cua-nhan-dan-do-thu-tuong...-aaee.html> (дата обращения: 12.12.2019).

пление, признаётся их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершённого задерживаемым лицом преступления. Такое превышение влечёт за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

В соответствии со ст. 23 УК СРВ крайней необходимостью является причинение лицом меньшего вреда, чем предотвращаемое, совершённое с целью предотвращения неотвратимого вреда своим законным правам, интересам других лиц, интересам государства, учреждений, организаций, при отсутствии возможности устранения опасности иными средствами.

Ответственность может наступать только в случае, если причинённый вред явно превышает требования крайней необходимости.

Ст. 25 УК СРВ предусматривает причинение вреда при обоснованном риске при выполнении исследования, испытания, применения научных, технических и технологических достижений. Причинение вреда при названных видах рискованной деятельности вьетнамским законодателем признаётся непроступным только при условии соблюдения процедур, правил и принятия возможных мер для предотвращения вреда. В случае несоблюдения этих требований лицо подлежит уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 26 УК СРВ (Исполнение приказа или распоряжения)

не подлежит уголовной ответственности лицо, причинившее вред охраняемым уголовным законом интересам при исполнении незаконного приказа руководителя или начальника в народных вооружённых силах. Условием признания этого деяния непроступным являются уведомление исполнителем лица, отдавшего приказ о незаконности отданного приказа и получение подтверждения о необходимости его исполнения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несёт лицо, отдавшее приказ.

Уголовная ответственность не исключается при исполнении заведомо преступного приказа, предполагающего совершение ряда преступлений против мира и безопасности человечества.

Таким образом, в Уголовном кодексе СРВ 2015 г. сформировался самостоятельный институт обстоятельств, исключающих преступность деяния. Однако законодателем он поставлен в один ряд с обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность. Такой подход выглядит спорным в силу того, что в нормах, регламентирующих конкретные обстоятельства, исключающие преступность деяния, правовая природа определена с учётом непроступности совершённого деяния, а не признания их преступными и исключения ответственности.

Статья поступила в редакцию 21.02.20.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадников Н. Г., Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния (Гл. 14) // Уголовное право России. Общая и особенная части: учеб. / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М., 2015. С. 225–250.
2. Чинь С. Ч. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 202 с.
3. Чинь С. Ч. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве Социалистической Республики Вьетнам // Государственная служба и кадры. 2018. № 1. С. 192–195.
4. Чинь С. Ч. Формирование и развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве Социалистической Республики Вьетнам // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 145–149.

REFERENCES

1. Kadnikov N. G., Dmitrenko A. P., Russkevich E. A. [The circumstances excluding criminality of act (Part 14)] // Matskevich I. M., Kadnikov N. G., ed. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i osobennaya chasti* [Criminal Law of Russia. General and Special Parts]. Moscow, 2015. P. 225–250.
2. Trinh X. T. *Obstoyatelstva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya, v уголовном праве Rossiiskoi Federatsii i Sotsialisticheskoi Respubliki Vietnam: dis. ... kand. yur. nauk* [Circumstances excluding criminality of act in Criminal Law of the Russian Federation and Socialist Republic Vietnam: PhD thesis in Law]. Moscow, 2019. 202 p.
3. Trinh X. T. [The concept of circumstances excluding criminality of act, in the Criminal Law of the Socialist Republic of Vietnam]. In: *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Public Service and Personnel], 2018, no. 1, pp. 192–195.
4. Trinh X. T. [The formation and development of the Institute of the circumstances excluding criminality of act, in the criminal law of the Socialist Republic of Vietnam]. In: *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2018, no. 2, pp. 145–149.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитренко Андрей Петрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя;

e-mail: stvkup@yandex.ru

Чинь Суан Чыонг – кандидат юридических наук, старший преподаватель юридического факультета Академии народной безопасности, Вьетнам;

e-mail: xuantruongtrinh.91@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey P. Dmitrenko – Doctor of Law, professor at the Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot;

e-mail: stvkup@yandex.ru

Trinh Xuan Truong – PhD in Law, senior lecturer at the Faculty of Law, People's Security Academy, Viet Nam,

e-mail: xuantruongtrinh.91@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дмитриенко А. П., Чинь С. Ч. История развития законодательства Вьетнама, регламентирующего обстоятельства, исключающие преступность деяния // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 74–78.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-74-78

FOR CITATION

Dmitrenko A. P., Trinh X. T. The History of the Development of Vietnamese Law Providing for Circumstances Excluding Criminal Acts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 74–78.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-74-78

УДК 353(470) "1870"

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-79-87

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО РЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ (ПО ГОРОДОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ 1870 ГОДА)

Щербаков С. В.¹, Усатов С. А.²

¹Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, Российская Федерация
Российская таможенная академия
140009, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр., д. 4,
Российская Федерация

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет 64
308027, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Целью исследования выступает выявление проблем решения вопросов местного значения городским самоуправлением во второй половине XIX в.

Процедура и методы исследования. В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и исторический методы исследования.

Результаты проведённого исследования. Авторами выявлены причины и объективные факторы, вследствие которых царское правительство положило начало формированию одного из основных элементов гражданского общества того времени – всеобщего самоуправления. И хотя власть возложила на органы общественного управления многочисленные обязательные повинности по содержанию полиции, расквартированию войск, созданию продовольственных капиталов, всё-таки в рамках необязательных расходов населению было предоставлено право участия в реализации большинства вопросов местного значения, в т. ч. вопросов образования, здравоохранения, пожарной безопасности, охраны общественного порядка, благоустройства и др.

Теоретическая/практическая значимость. В статье обобщён значительный массив архивных данных и статистики деятельности местного самоуправления в условиях самодержавия.

Ключевые слова: царское правительство, городская реформа, городское хозяйство, губернатор, местное самоуправление

LOCAL SELF-GOVERNMENT PERFORMANCE IN MANAGING LOCAL ISSUES (IN ACCORDANCE WITH THE MUNICIPAL PROVISION OF 1870)

S. Shcherbakov¹, S. Usatov²

¹Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2, Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russian Federation
Russian Customs Academy

4, Komsomolsky prosp., Lyubertsy, 140009, Moscow Region, Russian Federation

²Belgorod State National Research University
85, Pobedy st., Belgorod, 308027, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The purpose of this article was to identify the problems connected with city government performance in the second half of the 19th century.

Methodology and Approach. The methodology includes formal legal, comparative legal and historical research methods.

Results. The authors identified the reasons and objective factors that prompted the tsarist government to bring to life one of the main elements of the civil society at that time – all-strata self-governance. Although the authorities imposed numerous mandatory duties on public administration bodies: maintenance of the police, troops housing, and creation of food storage, the population was granted the right to regulate the majority of local issues, including education, health, fire safety, public order, beautification, and etc..

Theoretical and Practical Value. The study summarizes a significant array of archival data and statistics on local self-government performance in the Russian Empire.

Keywords: the tsarist government, municipal reform, municipal economy, governor, local self-government

Городовое Положение 1870 г. открыло городскому самоуправлению России больше возможностей для решения вопросов городского хозяйства и благоустройства. Эти задачи отчасти возлагались и на дореформенное самоуправление, однако на реформированное городское управление они были возложены в значительно более широком и самостоятельном объёме.

В пределах предоставленных прав городское самоуправление обсуждало вопросы, входившие в его компетенцию, принимало по ним решения и исполняло их.

Направления деятельности городского самоуправления по удовлетворению собственных потребностей и нужд определялись самим Городовым Положением 1870 г. Основными направлениями этой деятельности являлись благоустройство городов, народное образование, здравоохранение, благотворительность и т. п.

Городское самоуправление многое делало для благоустройства городов. Городским думам было предоставлено право «издавать по этим вопросам обязательные для городских жителей постановления, в том числе о порядке содержания в исправности и чистоте улиц, площадей, мостовых, о противопожарных мерах и т. п.»¹. Думы также могли издавать обязательные постановления об устройстве домовладельцами за свой счёт тротуаров, возлагать на них обязанность содержания в исправности участков улиц, находившихся напротив их домов².

На цели благоустройства городов расходовались значительные средства, которые по своим размерам стояли на втором месте среди всех городских расходов. Например, в 1880–1884 гг. они составили примерно 13% всех расходов городских бюджетов. В городах велось строительство общественных зданий, бульваров, набережных, памятников, устраивалось освещение, города озеленялись, производилось замощение улиц, в т. ч. гранитом.

К числу наиболее благоустроенных городов империи принадлежала Одесса, которая в 1890 г. располагала годовым бюджетом свыше 3,5 млн руб³. Увеличение городских средств давало возможность делать довольно значительные затраты на благоустройство города. Например, в 1886 г. на городские средства окончено строительство театра, который обошёлся городу в 1 млн 116 тыс. руб., сооружена электрическая станция, окончено строительство церкви и т. п.⁴. Значительные средства на благоустройство расходовались и в других крупных городах Российской империи. Показательным в этом отношении является пример Севастополя, где после Крымской войны осталось только 14 мало-повреждённых зданий. Меры же, принятые городским самоуправлением, значительно улучшили благоустройство города: в 1884 г. окончено строительство гранитных мостовых по главным улицам, площадям и набережным, увеличено водоснабжение, устроены два сквера и новый городской бульвар.

¹ Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1890. С. 3–4.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2497. Л. 39-об.

³ Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1890 год. СПб., 1892. С. 61.

⁴ РГИА. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 60. Л. 67-67 об.; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4669. Л. 808 об., 809.

В начале 80-х гг. построены конно-железные дороги в Киеве, Одессе, Харькове, а в 1892 г. в Киеве заработала первая в России трамвайная линия, в это же время первый трамвай был запущен и в г. Воронеже. В городах стала появляться телефонная связь.

Однако, несмотря на предпринимаемые меры по благоустройству, многие проблемы оставались нерешёнными, особенно в небольших городах [1, с. 108].

Многие города быстро росли, и общественное управление не успевало удовлетворять всё возрастающие новые городские потребности. Одной из главных причин такого положения являлось отсутствие необходимых средств для решения этих проблем. В таких условиях городское управление хотя и прилагало старания к благоустройству, но не успевало за чрезвычайно быстрым ростом города. Из-за недостатка средств большая часть улиц была небогатая, сеть водопровода ограничена и т. п.¹. Воронежский губернатор в начале 80-х гг. отмечал, что города в губернии «далеко не могут быть названы благоустроенными», и в качестве причины отмечал крайне ограниченные средства городов².

Недостаток средств для улучшения благоустройства городов ощущался и в других губерниях³. Например, в 1880–1884 гг. средства вообще не расходовались в 15 городах, а в 11 городах затрачено было не более 1 % необходимого бюджета⁴. В 1890 г. благоустройство вообще не производилось в 11 городах, на содержание городских общественных зданий и памятников не выделялись средства в 52 городах, на содержание и устройство мостовых – в 42 городах, на освещение города – в 30⁵.

В вопросах благоустройства городов отражалась социальная география, бла-

гоустроивались в основном центральные районы, где проживали наиболее состоятельные слои горожан. Окраины же городов, как правило, оставались неблагоустроенными. Однако нередко неблагоустроенными оставались и центральные районы городов.

Одним из основных направлений деятельности самоуправления было народное образование, которое рассматривалось как одно из «важнейших условий политической и общественной жизни губернии»⁶.

Об уровне участия самоуправления в деле народного образования в дореформенный период свидетельствует тот факт, что, например, в 1871 г. расходы на эти цели в 74 городах (т. е. в абсолютном большинстве) вообще не производились. Однако после проведения городской реформы народное образование, особенно начальное, стало постепенно продвигаться вперёд. Многие органы самоуправления на народное образование стали выделять значительные суммы, несмотря на финансовые затруднения. В результате расходы городов на эти цели за период с 1871 по 1890 г. возросли в 6 раз (с 154 341 руб. до 977 990 руб.)⁷. Постепенно увеличивался и удельный вес расходов на образование: в 1871 г. – 4,4 % всех городских расходов, в 1889–1884 гг. – 4,9 %, в 1890 г. – 7,6 %⁸. Многие учебные заведения полностью содержались за счёт земства и городского самоуправления.

Народное образование развивалось «медленно, но верно»⁹. Особенно ощутимые результаты в деле народного образования были в Воронежской, Тамбовской, Тульской, Харьковской губерниях, градоначальствах.

⁶ РГИА России. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 17. Л. 84.

⁷ Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1871 год. СПб., 1887. С. 68–119.

Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1886 год. СПб., 1889. С. 120.

Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1890 год. С. 70–123.

⁸ Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1871 год. СПб., 1887. С. 68–119.

Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1890 год. С. 70–123.

⁹ Статистический временник... С. 198–223.

РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4403. Л. 159-об.

¹ РГИА. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 24. Л. 1-10б., 11-об.

² Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4401. Л. 339.

³ Там же. Д. 4254. Л. 123-об.; Фонд библиотеки. Д. 57. Л. 7.

⁴ Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 22. СПб., 1887. С. 260–272.

⁵ Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1890 год. СПб., 1892. С. 70–123.

чальствах¹. В среднем в России расходы на учебные заведения в 1880–1884 гг. составили примерно 5% всех городских расходов. В 1890 г. свыше 20% городских расходов произведено на народное образование².

В городах открывались новые начальные и средние учебные заведения (школы, училища, гимназии и т. п.), городские общественные библиотеки, строились для них здания, выделялись средства на их содержание. В итоге, например, в Одессе к 1891 г. на городские средства содержалось 55 различных учебных заведений (50 народных училищ, 2 гимназии и 3 городских училища) из 267, находившихся в городе, в Харькове – 27 учебных заведений из 57, в других городах губернии – 30³.

В результате принимавшихся мер грамотность городского населения постепенно повышалась и стала значительно выше грамотности сельского населения. К 1897 г. грамотное население в городах составляло от 33,8% до 45,8%, в то время как в целом по губерниям оно составляло 15,5–27,9% всего населения. В 30 городах грамотные среди всего населения составляли 40–50%, а в 6 городах – более 50% (Ялта, Севастополь, Киев, Харьков, Одесса)⁴. Однако, несмотря на достигнутые несомненные положительные результаты, состояние народного образования не отвечало всё возрастающим потребностям. А это было связано с ограниченностью средств самоуправления. Городских учебных заведений было недостаточно, многие из них были переполнены, для значительной части малообеспеченных

горожан образование было недоступным. По свидетельству Курского губернатора в конце 80-х гг. земские и городские общественные учреждения не жалели средств на народное образование и стремились по возможности к увеличению числа учебных заведений и расширению уже существующих. Однако их усилия не соответствовали постоянно растущим потребностям в образовании, особенно профессиональном. В некоторых уездных городах, кроме городских двухклассных и простых народных школ, других учебных заведений не было. «Между тем, – отмечал губернатор, – независимо от общего образования и обыкновенной грамотности, население нуждается в практическом ознакомлении с разного рода ремеслами и кустарными производствами и особенно в приобретении знаний по сельскому хозяйству»⁵.

На нужды народного образования города расходовали значительно меньше средств, чем на обслуживание правительственных потребностей. В 1880–1884 гг. на народное образование израсходовано средств в 3,1 раза меньше, чем на военные потребности, и в 1,8 раз меньше, чем на полицию. В этот же период на содержание учебных заведений расходы не производились в 15 городах, а в 1890 г. – в 10⁶.

Тот факт, что городские управления не участвовали в расходах на народное образование, объяснялся в основном «лишь крайним недостатком городских средств»⁷. В то же время, когда города возбуждали ходатайства об открытии новых или расширении существующих учебных заведений, правительственные власти пытались все связанные с этим расходы переложить на самоуправление.

Одним из основных направлений деятельности городского самоуправления были вопросы здравоохранения. Расходы на эти цели за 20 лет возросли в 8,3 раза⁸.

⁵ РГИА. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 113. Л. 35-об.

⁶ Статистический временник Российской империи. Вып. 22. СПб., 1886. Серия 3. С. 198–223.

Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1890 год. СПб., 1892. С. 70–123.

⁷ РГИА. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 83. Л. 22-об.

⁸ Отчет о денежных оборотах городских касс за 1871

¹ Там же. Д. 4329. Л. 189-об.

Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 83. Л. 3-об., 22-об.; Д. 95. Л. 4 и др.

² Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1871 год. С. 68–119.

Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1890 год. С. 70–123.

Статистический временник... С. 198–223, 260–272, 306.

³ Новороссийский календарь на 1892 год (высоко-снй). Отдел II, Одесса, 1891. С. 173, 177, 178.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / под. ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1903–1905. Т. 8. С. 1; Т. 13. С. 1; Т. 16. С. 1; Т. 32. С. 1; Т. 33. С. 1; Т. 41. С. 1; Т. 46. С. 1; Т. 47. С. 1; Т. 48. С. 1.

В городах организовывалась медицинская помощь, открывались медицинские учреждения. Постепенно улучшалось санитарное состояние городов.

Воронежский губернатор В. А. Чертков в отчёте за 1886 г. отмечал, что города «по возможности стараются улучшить свои санитарные условия»: например, вне городской черты были построены новые скотобойни, а старые, «вредно влиявшие на здоровье населения довольно значительной части города», уничтожены¹.

Думы в своих обязательных постановлениях имели право устанавливать сроки для очистки дворов, правила об устройстве и порядке содержания боен и пользования ими, меры по соблюдению чистоты в помещениях для продажи продуктов питания. В целях наблюдения за санитарной частью исполнительные органы самоуправления могли производить осмотр разного рода помещений. А при сопротивлении домохозяев, обязанных исполнять постановления Думы по санитарной части, органы самоуправления имели право в присутствии полицейских властей «открывать вход... силою». В отношении же виновных составлялся протокол для возбуждения судебного преследования за сопротивление².

Города участвовали в предупреждении различных эпидемий и эпизоотий, принимали предохранительные меры, заключающиеся в повсеместной очистке дворов, улиц и площадей, а также в подготовке необходимых средств для дезинфекции и особых больничных помещений. Например, в Таврической губернии в 1892 г. на предупреждение азиатской холеры израсходовали более 85 тыс. руб.³

Однако, несмотря на принимавшиеся меры, многие вопросы не были решены. Расходы на здравоохранение были значительно меньшими, чем на другие цели: в 1871 г. они составили 0,5 % всех городских расходов, в 1880–1884 гг. – 1,1 %, в 1890 г.

– 1,2ч %. А во многих городах расходы на эти цели вообще не производились: в 1880–1884 гг. – в 15 городах, в 1890 – в 20⁴.

На санитарном состоянии городов отрицательно сказывалось отсутствие в них водопровода. Эта проблема для городов была острой, и её приходилось решать в сложных условиях, нередко делая для этого займы значительных сумм под залог городских земель. И всё же постепенно эти вопросы решались. В Киеве водопровод открыт в 1872 г. В Херсоне городское управление неоднократно пыталось привлечь предпринимателей для сооружения водопровода, однако желающие долго не находились. И всё же в 1887 г. водопровод Херсон получил⁵. В 1885 г. таврический губернатор отмечал, что вообще в деятельности городов замечалось стремление к устройству водоснабжения: построен водопровод в Феодосии, сделан артезианский колодец; к 1890 г. устроена канализация и водопровод в г. Ялте⁶. К 1890 г. построены водопроводы в Воронеже, Курске и др.⁷. В частности, в Воронеже водопровод избавил жителей от ежегодной вспышки холеры в летний период [2].

Однако проблемы водоснабжения во многих городах в полной мере так и не были решены. Например, недостаточным было водоснабжение г. Севастополя, где водопровод при постоянно возрастающем населении города и постоянном уменьшении притока воды настолько истощился, что во время засухи в мае-июне 1886 г. Дума вынуждена была ограничить снабжение города водой. А в 1887 г. в Севастополе пришлось прибегать «к исключительным средствам для обеспечения водоснабжения»⁸.

⁴ Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1871 год. СПб., 1887. С. 68–119.

Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1890 год. СПб., 1892. С. 70–123.

Статистический временник Российской империи. СПб., 1887. Серия 3. Вып. 22. С. 198–223, 296–299.

⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4649. Л. 200.

⁶ Там же. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 95. Л. 50–52, 59.

⁷ Там же. Д. 113. Л. 39 об.

⁸ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4649. Л. 201; Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 83. Л. 8-об.

год. – С. 68–119; Отчет... за 1890 год. – С. 70–123.

¹ РГИА. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 113. Л. 15-об.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2197. Л. 40-об., 46-об.

³ Там же. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 95. Л. 74-об.; Д. 113. Л. 3-об., 53-об.

Одной из статей городских расходов были расходы на благотворительные цели, они производились в большинстве городов: в 1870 г. – в 56 городах, а в 1850 г. – в 77¹. С 1870 до 1890 г. расходы на благотворительные и другие общепользные заведения увеличились в 4,5 раза (с 221 468 до 986 001 руб.) и составили соответственно 8,5 % и 7,7 % всех городских расходов.

Благотворительность была характерна для больших городов, особенно для Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы. По свидетельству Одесского градоначальника, городское общественное управление всегда с готовностью приходило на помощь благотворительным учреждениям и ежегодно выделяло им значительные пособия². В 1890 г. на содержание благотворительных заведений в Одессе израсходовано 593 294 руб., т. е. 17,7 % всех городских расходов³.

Городские общественные управления принимали меры «к призрению бедных и несчастных»⁴, некоторые из них устраивали и содержали на свой счёт ночлежные дома (например, в Севастополе 15 июля 1888 г. открыт городской ночлежный приют на 120 человек), организовывали общественные работы для оказания помощи пострадавшим от неурожаев. Например, в Харьковской губернии в 1891 г. для общественных работ определены, в частности, строительство элеватора и замощение улиц в городе. В городах на средства городских касс или благотворительных обществ были устроены бесплатные или дешёвые столовые, а иногда нуждающимся отпускались продукты по удешевлённой цене⁵. Общественные работы организовывали практически всё общественное управле-

ние, что позволяло предоставлять места для работы тысячам рабочих⁶.

И хотя благотворительность не могла решить имевшиеся социальные проблемы, она всё же имела положительное значение для городского населения.

«На первоначальном этапе реформы городское хозяйство ещё не получило ощутимого улучшения и за незначительный период времени этого просто не могло произойти. Однако в дальнейшем положение постепенно менялось. Деятельность новых городских общественных управлений была "до очевидности поступательна"⁷. Например, Саратовский губернатор в своих отчётах за 1884–1893 гг. отмечал "по-сильное стремление городских управлений к исполнению возложенных на них обязанностей попечения о всех местных пользах и нуждах, принесшие хорошие результаты", он признавал "заслуги городских управлений", говорил об "успехе городской реформы"⁸. Однако оценки деятельности городского самоуправления со стороны губернаторов нередко носили субъективный характер и часто менялись в зависимости от того, удовлетворяла или нет эта деятельность правительственные интересы и потребности» [4].

«Наиболее заметными положительными результаты городской реформы были в губернских и других крупных городах, хотя в них оставалось много нерешённых вопросов и не всегда благоустройство городов могло быть признано удовлетворительным. В небольших же городах деятельность общественного управления, как правило, не привела к заметному подъёму их благосостоянию. По мнению временного Одесского генерал-губернатора, Городовое положение было недостаточно приспособлено к жизни малых городов, хозяйство которых правительственные власти признавали неудовлетворитель-

¹ Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1870 год. СПб., 1885. С. 66–119; Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1890 год. СПб., 1892. С. 70–123. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4669. Л. 809-об.

² Отчёт о денежных оборотах городских касс за 1890 год. С. 80–81, 112–113, 120–123.

³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4400. Л. 395-об.

⁴ Там же. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 83. Л. 8-об., 12; Д. 112. Л. 50; Д. 113. Л. 51 об., 52.

⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 4938. Л. 755.

⁶ Записка сенатора А. Половцова о состоянии общественного управления и хозяйства в городах Киевской губернии. [СПб.: Б. и., 188-?]. С. 459; РГИА России. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2503. Л. 227-об., 228.

⁷ РГИА. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 17. Л. 40, 92-об., 101.

ным¹. Многие небольшие города вообще не имели возможности сделать что-либо существенное для улучшения своего благоустройства. Во многих из них даже не возникали вопросы о каких-либо мерах по целым отраслям благоустройства (например, по оздоровлению, замощению, освещению, водоснабжению, противопожарным мерам и т. п.) [4, с. 157–158].

В целом общественное управление, имея ощутимые результаты в крупных городах, не достигло аналогичных результатов в небольших городах и в связи с этим «не вполне оправдало» надежды, возлагавшиеся на него самодержавной властью при предоставлении городам права самостоятельно заведывания своими хозяйственными делами.

Это различие результатов деятельности самоуправления объяснялось, с одной стороны, тем, что крупные города располагали более значительными материальными средствами, а с другой стороны, тем, что имевшиеся неблагоприятные для городского хозяйства условия (обременение городов обязательными расходами, постоянное накопление городских сборов и т. п.) оказывали большее влияние на мелкое хозяйство небольших городов.

Неудовлетворительное состояние городского хозяйства было связано с финансовыми затруднениями городов. Расходы многих из них превышали доходы. Недостаток денежных средств осложнял или даже делал невозможным удовлетворительное выполнение самоуправлением возложенной на него законом задачи – собственными силами улучшить своё хозяйство, чтобы иметь средства для осуществления на деле «благоустройства городов и тем способствовать благосостоянию его обывателей»². Наряду с отсутствием необходимых средств, неудовлетворительные результаты деятельности самоуправления

правительственные органы объясняли и рядом других причин.

Во-первых, такое положение объяснялось неудовлетворительным (с т. зр. правительственной власти) личным составом органов общественного управления, «проникновением в городские дела малообразованных элементов населения», «полуграмотных мещан» и мелких торговцев, а также лиц, заботившихся о личных, а не об общественных интересах³. В связи с этим не все думы и управы были «проникнуты сознанием полезности принятия тех или других мер по улучшению быта городского населения». Например, к началу 80-х гг. Курская городская дума признала вполне достаточным освещение города в ночное время фонарями, вывешиваемыми у кабаков [5]. Воронежская городская управа заявила, что санитарные условия города были нормальными до устройства в городе земской больницы, которая, по мнению управы, служила единственным источником эпидемий. Многие думы небольших городов редко издавали по собственной инициативе обязательные для жителей города постановления по санитарным вопросам, по вопросам противопожарной безопасности и т. п.

Во-вторых, негативные результаты деятельности общественного управления правительственные власти нередко объясняли слишком широкой самостоятельностью самоуправления и своим безвластием над ним. По утверждению Подольского губернатора, твёрдое и безусловное проведение в законодательстве принципа самостоятельности самоуправления в хозяйственной сфере привело на практике «к результатам весьма неблагоприятным». При этом местная административная власть не могла принять эффективные меры к устранению «совершавшихся на её глазах неустойчивостей, не имела для того твердых указаний в действующем законе» [4, с. 157–158.]. При подготовке городской контрреформы министр внутренних дел 1 марта 1891 г.

¹ РГИА. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 98. Л. 44, 65, 68; Ф. 1265. Оп. 1. Д. 4107. Л. 202; Д. 4675. Л. 656-об., 658.

² Записка сенатора А. Половцова о состоянии общественного управления в городах Черниговской губернии. Ч. 4, IV [СПб.: Б. и., 188-?]. . С. 325.

³ РГИА. Фонд библиотеки. Оп. 1. Д. 95. Л. 5-об.; Д. 113. Л. 22-об., 28-об., 40-об.; Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2503. Л. 228; Д. 2504. Л. 505-об.

отметил, что в некоторых городах местное хозяйство действительно улучшилось; однако большинство городов, «увлекшись свободой распоряжения общественным достоянием, допустило столько ошибок и непроизводительных затрат, что очутилось в последнее время без запасных капиталов, среди массы тяжёлых долговых обязательств, при значительном расстройстве своего инвентаря и с заложенными не редко имуществами»¹.

Однако, несмотря на имевшиеся недостатки (порой очень серьёзные), всё же нельзя согласиться с имеющимися полностью отрицательными оценками результатов деятельности городского самоуправления², необходимо учитывать положительные результаты его деятельности, которая отличалась своей поступательностью. Эти положительные результаты особенно очевидны на фоне деятельности общественного управления в дореформенный период. Анализ городских бюджетов показывает, что их до-

ходы постоянно росли, за 20 лет (с 1870 по 1890 г.) они выросли в 2,2 раза [3, с. 47].

Одновременно нужно учесть и то, что самоуправление законом было лишено возможности полностью сосредоточиться на решении своих проблем, т. к. обязано было значительные средства расходовать не на удовлетворение своих нужд, а на удовлетворение общеимперских потребностей.

На наш взгляд, одной из главных причин низкого уровня развития городского хозяйства в России была финансовая слабость городских хозяйств. Составлявшиеся с дефицитом, в условиях преобладания аграрного производства, городские бюджеты не могли обеспечить достаточное финансирование хозяйства городских центров, особенно малых уездных и заштатных городов.

Статья поступила в редакцию 05.02.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко Н. А. Местное самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX века: (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 158 с.
2. Григорова В. А. Кустарные промыслы Центрального Черноземья и их влияние на развитие промышленного производства во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... докт. ист. наук Тамбов, 2017. 36 с.
3. Емельянов Н. А. Местное самоуправление в дореволюционной России. Тула, 1997. 111 с.
4. Инновационные процессы в условия глобализации мировой экономики: проблемы, тенденции, перспективы (IPEG-2017): сборник научных трудов / под ред. П. А. Неверова, Б. А. Аманжоловой. Прага, 2017. 220 с.
5. Терещенко А. А. Развитие промышленности в городах Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3-2 (19). Т. 2. С. 103–124.

REFERENCES

1. Boiko N. A. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yur. nauk* [Local self-government in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (historical and legal research): PhD thesis in Law]. Moscow, 2006. 158 p.
2. Grigorova V. A. *Kustarnye promysly Centralnogo Chernozemya i ih vliyanie na razvitie promyshlennogo proizvodstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: avtoref. dis. ... doc. ist. nauk* [Handicrafts of the Central Black Earth Region and their impact on the development of industrial production in the second half of the 19th – early 20th centuries: Abstract of D. thesis in History]. Tambov, 2017. 36 p.
3. Emelyanov N. A. *Mestnoe samoupravlenie v dorevoljutsionnoi Rossii* [Local Self-Government in Pre-Revolutionary Russia]. Tula, 1997. 111 p. 36 p.
4. Neverov P. A., Amanzholova B. A., ed. *Innovatsionnye protsessy v usloviya globalizatsii mirovoj ekonomii*

¹ Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1890. С. 3-4, 19.

² Каннель В. Я. Городское хозяйство и самоуправление. М., 6.г. С. 1-21.

- ki: *problemey, tendentsii, perspektivy*» (IPEG-2017) [Innovative Processes Under Conditions Of Global Economy: Problems, Trends, Prospects (IPEG-2017)]. Prague, 2017. 220 p.
5. Tereshchenko A. A. [The development of industry in the cities of the Central Black Earth Region in the second half of the 19th – early 20th century]. In: *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Academic Notes. Electronic Research Journal of Kursk State University], 2011, no. 3-2 (19), vol. 2, pp. 103–124..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Щербаков Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Дипломатической академии Министерства иностранных дел России; доцент кафедры конституционного и международного права Российской таможенной академии; e-mail: valya2860@yandex.ru

Усатов Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета;

e-mail: usatov31071979@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Shcherbakov – PhD in Law, associate professor at the Department of Theory and History of State and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; associate professor at the Department of Constitutional and International Law, Russian Customs Academy; e-mail: valya2860@yandex.ru

Sergey A. Usatov – PhD in Law, associate professor at the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University;

e-mail: usatov31071979@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щербаков С. В., Усатов С. А. Деятельность самоуправления по решению вопросов местного значения (по городovому положению 1870 года) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 79–87.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-79-87

FOR CITATION

Shcherbakov S. V., Usatov S. A. Local Self-Government Performance in Managing Local Issues (in Accordance with the Municipal Provision of 1870). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 79–87.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-79-87

РАЗДЕЛ III.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-88-97

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

Коновальчиков Я. А.

Сибирский университет потребительской кооперации

630087, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, д. 26, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Данное исследование обусловлено необходимостью теоретического осмысления правовой категории взаимодействия между ветвями власти, федерацией и её субъектами, государством и гражданским обществом и прочим и её особенностей в конституционном праве. Основная цель исследования: формулирование теоретических положений о взаимодействии в конституционном праве (на примере взаимодействия политических партий и государства).

Процедура и методы исследования. На основании доктринальных и правовых источников представлено теоретическое осмысление взаимодействия как правовой категории, показаны особенности правового взаимодействия в конституционном праве, сформулировано его понятие; содержание взаимодействия в конституционном праве раскрыто на примере взаимодействия политических партий и государства. При проведении исследования применялись общенаучные (диалектический метод, анализ, синтез) и частнонаучные (формально-юридический, метод системного анализа юридических явлений) методы.

Результаты проведённого исследования. На основании теоретических положений о правовом взаимодействии сформулировано понятие правового взаимодействия в конституционном праве. На примере взаимодействия политических партий и государства исследованы особенности конституционно-правового статуса субъектов взаимодействия, пределы взаимодействия и его формы, определены цель, а также оптимальные средства и методы для её достижения.

Теоретическая/практическая значимость. В настоящем исследовании разработаны авторские научные положения, расширяющие представление о правовом взаимодействии в конституционном праве, позволяющие использовать полученные выводы в качестве основы для дальнейших исследований в рассматриваемой области знаний. Вместе с тем модернизирован понятийно-категориальный аппарат конституционно-правовой науки посредством формулирования понятий «правовое взаимодействие», «взаимодействие в конституционном праве», «взаимодействие политических партий и государства».

Ключевые слова: правовое взаимодействие, конституционно-правовая деятельность, целеполагание, политическая партия

THE CONCEPT OF LEGAL INTERACTION AND ITS FEATURES IN CONSTITUTIONAL LAW

J. Konovalchikov

Siberian University of Consumer Cooperation

26, Karl Marx pr., Novosibirsk, 630087, Russian Federation

Abstract.

Purpose. This study is caused by the necessity of theoretical understanding of the legal category of interaction between the branches of government, federation and its subjects, the state and civil society, etc., and its features in constitutional law. The main purpose of the study is to formulate theoretical provisions on interaction in constitutional law (based on the example of interaction between political parties and the State).

Methodology and Approach. Based on doctrinal and legal sources, theoretical reflection of interaction as a legal category is presented; the features of legal interaction in constitutional law are shown, its concept is formulated; the content of interaction in constitutional law is revealed through the study of the example of interaction between political parties and the State. The methodological base of the study includes general research methods (dialectical method, analysis, synthesis) and specific research methods (formal-legal, method of systemic analysis of legal phenomena).

Results. Based on theoretical provisions on legal interaction, the concept of legal interaction in constitutional law was formulated. By example of interaction between political parties and the state the peculiarities of the constitutional and legal status of the subjects of interaction, its limits and form were investigated.

Theoretical and Practical Value. This author developed several provisions that extend the notion of legal interaction in constitutional law, which can be used as a basis for further research. Some concepts and categories of constitutional and legal science, such as «legal interaction», «interaction in constitutional law», «interaction of political parties and state» were also upgraded.

Keywords: legal interaction, constitutional and legal activity, goal setting, political party

В энциклопедической литературе отмечается, что «взаимодействие» является общенаучной категорией, отражающей процессы взаимодействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и изменение состояния. Понимая важность и основополагающий характер категории взаимодействия, юридическая наука также уделяет ей особое внимание.

Впервые в отечественной юридической науке проблема правового взаимодействия в качестве самостоятельного предмета общетеоретического правового исследования была поставлена в 2006 г. в рамках Международной научно-практической конференции «Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой

анализ» (г. Санкт-Петербург) [7]. Среди учёных, разрабатывающих указанную теорию, особо следует назвать Р. А. Ромашова и В. Ю. Панченко. Правовое взаимодействие, по мнению Р. А. Ромашова, является формой межсубъектной коммуникации, в рамках которой происходит перевод правовой информации в правовое поведение. Соответственно, правовое взаимодействие включает не только субъективные юридические права и обязанности, но и действия участников по их приобретению, изменению, прекращению, а также деятельность по их осуществлению [18, с. 25–32]. В. Ю. Панченко представил систему признаков правового взаимодействия, к которым отнёс особенности субъектного состава, наличие правовой ситуации как среды и объекта правового взаимодействия, а также структурно-содержательных признаков,

¹ Кемеров В. Е. Взаимодействие. Гуманитарная энциклопедия // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7242> (дата обращения: 06.11.2019).

отражающих специфику взаимного обмена правовыми деятельностями [15, с. 40].

На основании трудов указанных учёных, а также определив сущностные признаки правового взаимодействия, сформулируем его понятие. Правовое взаимодействие – это целенаправленная правовая деятельность, которую осуществляют два и более субъекта, обладающих правоспособностью и дееспособностью, путём использования оптимальных правовых средств для получения определённого результата.

В конституционном праве также изучается взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений, но этому во многом мешают отсутствие унифицированного нормативного правового акта, регулирующего различные аспекты взаимодействия [1, с. 40–47], необходимость институционализации взаимодействия [13, с. 11–13]. Конституция Российской Федерации¹ закрепляет за взаимодействием самостоятельное юридическое значение. Ст. 80 непосредственно определяет взаимодействие как конституционную основу отношений органов государственной власти. Кроме этого, взаимодействие составляет сущность конституционно-правовых отношений и других субъектов, поскольку без него невозможно конструктивное построение современного демократического правового государства. Например, законодательно закрепляется взаимодействие Президента РФ с палатами Федерального Собрания РФ² и Правительством РФ³, взаимодействие

федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ⁴, взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления⁵, взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества⁶. Однако для понимания сущности изучаемого феномена этого недостаточно.

Следует отметить, что в большинстве научных исследований, посвящённых проблемам взаимодействия в конституционном праве, рассматриваются примеры взаимодействия отдельных субъектов конституционно-правовых отношений, представляющие частные случаи [3; 6; 22]. Наука же нуждается в формулировании фундаментальных теоретических положений, общих для взаимодействия любых конституционно-правовых субъектов.

И всё же некоторые теоретические основы уже заложены. С. А. Васильев предлагает определять взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений как урегулированные нормами права взаимоотношения по осуществлению совместных

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (ред. от 05.02.2014) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Указ Президента РФ от 13.04.1996 № 549 (ред. от 12.02.2015) «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Президента Российской Федерации с палатами Федерального собрания Российской Федерации в законотворческом процессе» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 16. Ст. 1842.

³ Указ Президента РФ от 10.06.1994 № 1185 (ред. от 26.11.2001) «Об обеспечении взаимодействия Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 7. Ст. 697.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2005 № 773 (ред. от 07.12.2016) «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 27. Ст. 2730.

Федеральный закон от 06.10.1999 (ред. от 02.08.2019) № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» . Ч. 2. Ст. 23 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁵ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁶ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.11.2019).

Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации» (Ст. 16 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

действий с определённой целью. К основным формам взаимодействия он относит передачу полномочий одним субъектом другому, принятие совместных решений и информационный обмен [4, с. 20–23]. Р. А. Ромашов выделяет особенности взаимодействия в конституционном праве, которые связаны с реализацией принципа формального равенства субъектов правоотношений. В конституционно-правовом взаимодействии принимают участие различные по структуре и правовому положению субъекты, не обладающие признаками формального равенства, а главная роль принадлежит государству [18, с. 31]. В таком случае, по нашему мнению, должны существовать правовые формы, которые обеспечат «равновесие» субъектов взаимодействия и о которых Р. А. Ромашов не говорит.

При взаимодействии государства и гражданского общества, предлагаются различные классификации форм взаимодействия. Например, С. А. Авакьян выделяет императивные (референдум, выборы и проч.) и консультативные (публичные слушания и обсуждения и проч.) [2, с. 82]. В. В. Гриб формы взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти разделяет на формы воздействия институтов гражданского общества на органы государственной власти (правотворческая инициатива, референдум, общественный контроль) и формы воздействия органов государственной власти на институты гражданского общества (контроль за деятельностью некоммерческих организаций, финансовая поддержка, предоставление льгот) [8, с. 14].

Итак, взаимодействие в конституционном праве с учётом его особенностей следует определить как конституционно-правовую деятельность, цель которой закреплена в конституционно-правовых нормах, осуществляемую двумя и более субъектами, обладающими конституционной правосубъектностью, в определённых формах путём использования оптимальных правовых средств для получения определённого результата.

Рассмотрим особенности взаимодействия в конституционном праве на примере взаимодействия политических партий и государства.

Впервые проблема взаимодействия политических партий и государства была затронута в научных статьях В. В. Лапаевой [11], В. А. Лебедева и В. В. Киреева [12], в которых взаимодействие исследовалось как пришедший на смену слиянию новый механизм взаимоотношений государства и политических партий.

А. С. Николаев предложил под взаимодействием политических партий и государства (в лице представляющих его органов государственной власти) понимать воздействие партий на деятельность органов государственной власти и органов государственной власти – на деятельность партий [14, с. 20]. На особенности взаимодействия политических партий и государства обратил внимание А. Е. Постников. По его мнению, они связаны с правовой природой политических партий, которые «отделены» от государства, но тесно с ним взаимодействуют. При этом это не равноправные субъекты взаимодействия [17, с. 5–12]. К. Ш. Хамидуллин предпринял попытку выделить правовые формы взаимодействия политических партий и государства [21]. Н. Ю. Положенцева выделила факторы, оказывающие влияние на модель взаимодействия политических партий и государства [16].

Как видно, исследования о взаимодействии политических партий и государства не носят системного характера. Для выработки целостного представления о взаимодействии политических партий и государства необходимо на основе сущностных признаков правового взаимодействия и его особенностей в конституционном праве исследовать содержание этого феномена.

Во взаимодействии участвуют особые субъекты, обладающие конституционной правосубъектностью. В ст. 13 Конституции РФ определена конституционная модель общественных объединений, которая предполагает их равенство перед законом, а так-

же запрет создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности страны, подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Политические партии должны соответствовать конституционной модели общественных объединений, которая зиждется не на объединении вокруг какой-либо идеи или идеологии, а на соответствии цели деятельности основам конституционного строя России.

Взаимодействие осуществляется в пределах функций политических партий, составляющих основы их правового статуса и закреплённых в Федеральном законе о политических партиях. К таким функциям следует отнести:

1) *Политическую*, связанную с реализацией права выдвигать кандидатов (списки кандидатов) на выборах. Взаимодействие в избирательном процессе происходит посредством выдвижения кандидатов (списка кандидатов) для участия в конкретных выборах (позитивное взаимодействие), а также избирательных споров (негативное взаимодействие). В последнее время всё более преобладает негативное взаимодействие. Например, в нескольких последних избирательных кампаниях возникали избирательные споры между избирательными комиссиями и Региональным отделением в Ставропольском крае Всероссийской политической партии «Партия РОСТА», Региональным отделением в Санкт-Петербурге политической партии «Партия народной свободы» (ПАРНАС), Политической партией «Российская объединённая демократическая партия "ЯБЛОКО"» в связи с отказом в регистрации списков кандидатов.

¹ Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 19.08.2016 № 40/396-7 «О жалобе избирательного объединения «Региональное отделение в Ставропольском крае Всероссийской политической партии «Партия РОСТА» на постановление Избирательной комиссии Ставропольского края от 11.08.2016 № 217/2253-

2) *Контрольную*, обеспечивающую наблюдение, оценку и корректировку деятельности органов государства. Результатом взаимодействия в рамках указанной функции может стать, например, привлечение по инициативе регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в г. Санкт-Петербурге к уголовной ответственности председателя избирательной комиссии по ч. 1 ст. 141 УК РФ.

3) *Конституирующую*, связанную с работой в избранных органах. Взаимодействие осуществляется в рамках фракций политических партий, образуемых в избранных законодательных органах государственной власти. Например, для совместной деятельности и выражения единой позиции по вопросам, рассматриваемым Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты образуют фракции³. При рассмотрении

5» [Электронный ресурс]. URL: http://old.cikrf.ru/law/decree_of_cec/2016/08/19/40-396-7.html (дата обращения: 11.11.2019).

Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 17.08.2016 № 39/382-7 «О жалобе избирательного объединения «Региональное отделение в Санкт-Петербурге политической партии «Партия народной свободы» (ПАРНАС) на постановление Санкт-Петербургской избирательной комиссии от 11.08.2016 № 167-3» [Электронный ресурс]. URL: http://old.cikrf.ru/law/decree_of_cec/2016/08/17/39-382-7.html (дата обращения: 11.11.2019);

Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12.08.2016 № 36/363-7 «О жалобе политической партии "Политическая партия «Российская объединённая демократическая партия «ЯБЛОКО» на постановление Избирательной комиссии Новгородской области от 07.08.2016 № 161/1-5" [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/law/decree_of_cec/2016/08/12/36-363-7.html (дата обращения: 11.01.2019).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2018 № 42-П «По делу о проверке конституционности части 15 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой регионального отделения политической партии "Справедливая Россия" в городе Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения: 17.01.2020).

³ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, утвержденного постановлением ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П

в январе 2020 г., вопроса о кандидатуре нового Председателя Правительства политическая партия «КПРФ», составляющая одноименную фракцию, воздержалась от голосования, поскольку пока не получила информации по персональному составу кабинета министров.

4) *Представительную*, обеспечивающую формирование общественного мнения, выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти. Такое взаимодействие обеспечивается посредством заслушивания сообщений политических партий, не представленных в законодательных органах государственной власти, на заседаниях таких органов. Подобные положения предусмотрены, например, в регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а также в регламентах Законодательного Собрания Приморского края, Законодательного Собрания Калужской области, Мурманской областной Думы, Законодательной Думы Томской области, Государственного Собрания Республики Марий Эл, Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Законодательного Собрания Забайкальского края, Псковского областного Собрания депутатов, Законодательного Собрания Еврейской автономной области, Законодательного Собрания Тверской области.

5) *Идеологическую*, включающую деятельность по политическому образованию и воспитанию граждан. К такому взаимодействию следует отнести различные публичные и общественные мероприятия (собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования), проводимые политическими партиями в целях открытой политической дискуссии. Проведение

указанных мероприятий предусматривает обязательное уведомление органов исполнительной власти субъектов РФ или органов местного самоуправления. К сожалению, в отношении политических партий, считающихся оппозиционными, нередко применяются меры ответственности в связи с проведением публичных мероприятий².

6) *Правотворческую*, связанную с правом политических партий участвовать в законотворческой деятельности. Взаимодействие по осуществлению правотворческих инициатив происходит посредством разработки политическими партиями законопроектов и их внесения в парламент через депутатов. Например, Политическая партия «Справедливая Россия» в рамках своей предвыборной программы предложила концепцию «25 справедливых законов», в которой представила перечень необходимых к принятию федеральных законов.

Государство во взаимодействии с политическими партиями, прежде всего, представляют различные его органы в зависимости от правовой ситуации. Например, при регистрации политические партии взаимодействуют с Министерством юстиции, в избирательном процессе особое место отводится избирательным комиссиям, в законодательном процессе взаимодействие осуществляется с Государственной Думой, законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в правозащитной и контрольной деятельности – с Уполномоченным по правам человека в РФ, судами, прокуратурой и прочее. Отдельно следует выделить взаимодействие с Президентом, например, при проведении консультаций по кандидатуре

ГД, ст. 5 (ред. от 15.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

¹ Руководители фракций высказали свою позицию по кандидатуре нового Председателя Правительства // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/news/47538/> (дата обращения: 17.01.2020).

² Постановление ЕСПЧ от 15.11.2018 «Дело "Навальный (Navalnyy) против Российской Федерации" (жалоба № 29580/12 и четыре другие) // Российская хроника Европейского Суда. 2019. № 1.

³ 25 справедливых законов: Программа партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://31.44.80.183/files/pf60/080912.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации¹.

При взаимодействии политические партии и государство стремятся к достижению единой цели. Цель предполагает достижение конкретного объективного результата, при этом целью являются социальные ценности, блага, результаты, которые являются продуктами правовой деятельности [19, с. 106–111]. Цель может быть ближайшей (или непосредственной), перспективной и конечной [10]. Вышесказанное является верным и в отношении цели взаимодействия субъектов конституционно-правовых отношений. Конечная (основная) цель взаимодействия должна быть закреплена в Конституции России, поскольку это документ, «который отражает цель существования любой государственной системы и, в первую очередь, ставит перед обществом и государством некие цели и задачи» [9, с. 5–14].

Конечная (основная) цель взаимодействия политических партий и государства закреплена в ст. 3 Конституции и заключается в обеспечении власти народа путём формирования органов публичной власти на основе демократических и свободных выборов. Многообразие непосредственных целей такого взаимодействия закреплено в действующем законодательстве и зависит от конкретных правовых ситуаций. Соответственно, эффективность взаимодействия определяется правильностью целеполагания.

Формам взаимодействия политических партий и государства в праве уделено мало внимания. Существуют отдельные ис-

следования, определяющие формы взаимодействия государства и общественных объединений. Например, С. А. Васильев предлагает выделять такие формы, как государственная поддержка, правотворческий процесс и взаимный контроль [5, с. 11–13]. В свою очередь, А. С. Шерязова к формам взаимодействия относит правотворческую деятельность, общественную деятельность, избирательный процесс, заключение соглашений о взаимодействии [23, с. 16]. Непосредственно к формам взаимодействия государственных органов и политических партий А. С. Николаев относит совместное нормотворчество (создание совместных рабочих групп, комиссий), сотрудничество, основанное на соглашениях, правотворческая инициатива, совместная деятельность в рамках создаваемых консультативно-совещательных органов [14, с. 18].

Перечень форм взаимодействия политических партий и государства не может быть закрытым, поскольку он определяется разнообразием правовых ситуаций. При этом следует выделить источники для выявления форм взаимодействия, к которым мы предлагаем относить нормативные (формы, предписанные нормами права), договорные (формы, устанавливаемые различного рода соглашениями), инициативные (формы, выбираемые самостоятельно). К средствам взаимодействия следует относить консультации, предложения, обжалование, соглашения, обмен информацией и т. д. В качестве методов взаимодействия могут использоваться сотрудничество, содействие, координация деятельности и т. п.

Таким образом, под взаимодействием политических партий и государства понимается основанная на нормах Конституции РФ и федеральных законов конституционно-правовая деятельность, осуществляемая для достижения цели обеспечения власти народа путём формирования органов публичной власти на основе демократических и свободных выборов. Благодаря исследованию взаимодействия может быть сформулирована теоретическая мо-

¹ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О политических партиях», ст. 26.3 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», ст. 18 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 30 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

дель идеальных отношений политических партий и государства, при которой будет возможно формирование и развитие многопартийности и политического плюрализма, минимизируется риск возврата к монополии одной партии.

Статья поступила в редакцию 11.12.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Глава Российского государства и региональные структуры власти: опыт и проблемы взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 40–47.
2. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие в 2 тт. Т. 1. М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. 864 с.
3. Амирбеков К. И. Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с институтами власти и общества // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 4–7.
4. Васильев С. А. Взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 20–23.
5. Васильев С. А. Основные формы взаимодействия органов государственной власти с общественными объединениями // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 11–13.
6. Гадельшина Л. И., Гарифуллина А. Р. Правовые основы взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации с органами государственной власти Российской Федерации // Российский судья. 2017. № 5. С. 47–52.
7. Глушаченко С. Б., Румянцева В. Г. Обзор VII Международной научно-теоретической конференции «Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и междотраслевой анализ», Санкт-Петербург, 1–2 декабря 2006 г. // Юридический портал Center Bereg. URL: <http://center-bereg.ru/l3114.html> (дата обращения: 06.11.2019).
8. Гриб В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... док. юрид. наук. М., 2011. 48 с.
9. Добрынин Н. М. О категории целеполагания в контексте конституционализма // Государство и право. 2011. № 11. С. 5–14.
10. Керимов Д. А. Категория цели в советском праве // Правоведение. 1964. № 3. С. 31–38.
11. Лапаева В. В. Закон о политических партиях: вопросы взаимодействия партий с государством // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 21–24.
12. Лебедев В. А., Киреев В. В. Конституционно-правовые аспекты взаимодействия демократического государства и политических партий // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 11. С. 2–6.
13. Мустафин М. М. Институализация взаимодействия представительных органов публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 11–13.
14. Николаев А. С. Конституционно-правовые основы участия политических партий в формировании органов государственной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 29 с.
15. Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: монография. М.: Проспект, 2016. 293 с.
16. Положенцева Н. Ю. Особенности взаимодействия государства и политических партий в условиях смешанной, парламентской и президентской форм правления // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 42–47.
17. Постников А. Е. Конституционно-правовые основы взаимодействия политических партий и государства // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 5–12.
18. Ромашов Р. А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 25–32.
19. Стремоухов А. В. Цель как философская и правовая категория // XX юбилейные Царскосельские чтения: материалы конф. Т. III. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 106–111.
20. Титова Е. В. К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex russica. 2018. № 11. С. 69–82.
21. Хамидуллин К. Ш. Правовые формы взаимодействия государства и политических партий // Общество и право. 2011. № 4. С. 106–109.
22. Шамрин М. Ю. Взаимодействие Уполномоченного по правам ребенка с органами прокуратуры России: теоретико-правовой аспект // Административное право и процесс. 2016. № 12. С. 60–68.
23. Шерязова А. С. Взаимоотношения государственных органов и общественных объединений: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 30 с.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. [The head of the Russian state and regional power structures: experience and problems of interaction]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2017, no. 11, p. 40–47.
2. Avakyan S. A. *Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebnyj kurs* [Constitutional Law of Russia. An Academic Course]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 864 p.
3. Amirbekov K. I. [Interaction of the Prosecutor's office of the Russian Federation with the institutions of power and society]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2018, no. 8, p. 4–7.
4. Vassiliev S. A. [Interaction of the subjects of constitutional and legal relations]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2017, no. 1, p. 20–23.
5. Vassiliev S. A. [The main forms of interaction of public authorities with public associations]. In: *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2012, no. 4, p. 11–13.
6. Gadelshina L. I., [Legal bases of interaction of the constitutional Court of the Russian Federation with public authorities of the Russian Federation]. In: *Rossiiskii sudya* [Russian Judge], 2017, no. 5, p. 47–52.
7. Glushachenko S. B., Rumyantseva V. G. [A review of the 7th International Theoretical Conference «Legal status and interaction: theoretical and historical, sectoral and cross-sectoral analysis», Saint-Petersburg, 1–2 December 2006]. In: *Yuridicheskii portal Center Bereg* [Legal Portal Center Bereg]. Available at: <http://center-bereg.ru/13114.html> (accessed: 06.11.2019).
8. Grib V. V. *Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... dok. yur. nauk* [Interaction of public authorities and civil society institutions in the Russian Federation: abstract of D. thesis in Law]. Moscow, 2011. 48 p.
9. Dobrynin N. M. [On the category of goal setting in the context of constitutionalism]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2011, no. 11, p. 5–14.
10. Kerimov D. A. [Objective Category in Soviet Law]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1964, no. 3, p. 31–38.
11. Lapaeva V. V. The law on political parties: issues of party-state interaction]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2002, no. 4, p. 21–24.
12. Lebedev V. A., Kireev V. V. [Constitutional and legal aspects of interaction between a democratic state and political parties]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2009, no. 11, p. 2–6.
13. Mustafin M. M. Institutionalizatsiya vzaimodejstviya predstavitel'nyh organov publichnoy vlasti [Institutionalization of interaction between representative bodies of public authority]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2013, no. 5, p. 11–13.
14. Nikolaev A. S. *Konstitucionno-pravovye osnovy uchastiya politicheskikh partij v formirovanii organov gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Constitutional and legal bases of participation of political parties in the formation of public authorities in the Russian Federation: abstract of PhD thesis in Law]. Tyumen, 2007. 29 p.
15. Panchenko V. Y. *Pravovoe vzaimodejstvie kak vid social'nogo vzaimodejstviya: monografiya* [Legal Interaction as a Type of Social Interaction: A Monograph]. Moscow, Prospect Publ., 2016. 293 p.
16. Polozhentseva N. Y. [Features of interaction between the state and political parties in mixed, parliamentary and presidential forms of government]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2015, no. 8, p. 42–47.
17. Postnikov A. E. [Constitutional and legal basis of interaction between political parties and the state]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2013, no. 5, p. 5–12.
18. Romashov R. A. [Theory of constitutional and legal relations]. In: *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost* [Legal Science: History and Modernity], 2016, vol. 9, p. 25–32.
19. Stremoukhov A. V. [Purpose as a philosophical and legal category]. In: 20th Anniversary of the Tsarskoye Selo Readings: Proceedings of the Conference], 2016, vol. III, p. 106–111.
20. Titova E. V. [On the constitutional and legal concept of state-citizen interaction]. In: *[Lex russica]*, 2018, no. 11, p. 69–82.
21. Khamidullin K. S. [Legal forms of interaction between the state and political parties]. In: *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2011, vol. 4, p. 106–109.
22. Shamrin M. Y. [Interaction of the Ombudsman for the rights of the child with the Prosecutor's office of Russia: theoretical and legal aspect]. In: *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2016, no. 12, p. 60–68.

23. Cheryazova A. S. *Vzaimootnosheniya gosudarstvennyh organov i obshchestvennyh obedinenij: konstitucionno-pravovoj aspekt: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Relations between state bodies and public associations: constitutional and legal aspect: abstract of PhD thesis in Law]. Chelyabinsk, 2011. 30 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коновальчиков Ярослав Андреевич – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права юридического факультета Сибирского университета потребительской кооперации; e-mail: jarush999@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslav A. Konovalchikov – senior lecturer at the Department of Constitutional and Administrative Law at the Faculty of Law, Siberian University of Consumer Cooperation; e-mail: jarush999@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коновальчиков Я. А. Понятие правового взаимодействия и его особенности в конституционном праве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 88–97.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-88-97

FOR CITATION

Konovalchikov Y. A. The Concept of Legal Interaction and its Features in Constitutional Law. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 88–97.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-88-97

РАЗДЕЛ IV.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 630.93:343

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-98-108

ЭМПИРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Арзамасов В. Ю.

Российский университет кооперации

*141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 12/30,
Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Цель данной работы заключается в определении динамики преступности в сфере нарушения лесного законодательства и реализации норм уголовной ответственности за лесонарушения с целью определения превентивных мер в сфере лесоохраны.

Процедура и методы исследования. Проведён эмпирико-статистический анализ судебной практики действия института уголовной ответственности за нарушения лесного законодательства, для чего составлен ряд статистических таблиц и проанализированы их данные.

Результаты проведённого исследования. В ходе работы определена динамика преступности в сфере лесоохраны и природа этих преступлений, названы проблемы в осуществлении превентивных мер в сфере лесонарушений и намечены пути их решения.

Теоретическая/практическая значимость. Результаты исследования обобщают значительный массив данных судебной практики, социологических опросов и формулировок предложений по осуществлению мер, связанных с совершенствованием лесоохранной практики и модели правового регулирования уголовной ответственности за нарушение норм лесного законодательства.

Ключевые слова: эмпирико-статистический анализ, судебная практика, правовая статистика, преступления, уголовная ответственность, лесное законодательство

EMPIRICAL AND STATISTICAL ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE IN THE FIELD OF FOREST PROTECTION AND THE RULES OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATIONS OF FOREST LEGISLATION

V. Arzamasov

Russian University of Cooperation

12/30, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Purpose. To determine the dynamics of crime related to forest violations and outline preventive measures in the field of violation of forest legislation.

© CC BY Арзамасов В. Ю., 2020.

Methodology and Approach. An empirical and statistical analysis of the judicial practice of the institution of criminal liability for violations of forest legislation was carried out. For this, a number of tables were compiled and their data were analyzed. The data on the application of preventive measures in the field of forest protection are considered.

Results. The dynamics of crime in the field of forest protection and the nature of these crimes are determined. The problems in the implementation of preventive measures in the field of forest violations are identified and ways to solve them are outlined.

Theoretical and Practical Value. The study summarizes a significant body of data from judicial practice, sociological surveys and formulates proposals for implementing measures related to improving forest conservation practices and the model of legal regulation of criminal liability for violation of forest legislation.

Keywords: empirical and statistical analysis, judicial practice, legal statistics, crimes, criminal liability, forest legislation

В настоящее время специалисты в области уголовного права всё чаще обращаются к эмпирико-статистическому анализу, который представляет собой совокупность социологических, статистическо-правовых и общих методов исследования правовых проблем. Примером могут служить работы С. А. Маркунцова [7] и Ю. В. Хармаева [10].

Данная методология представляется перспективной, её вполне можно применять для выявления проблем в правовом регулировании и особенностей преступлений, регламентированных ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» и ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений» УК РФ. Благодаря анализу цифровых и процентных показателей можно увидеть реальное количество оправданных и осуждённых лиц по данным статьям уголовного закона, соотнести эти показатели с зарегистрированными преступлениями и площадью лесов, повреждённых пожарами, и определить динамику преступности по указанным составам преступлений. Помимо этого, применяя эту методологию, можно провести сравнительный анализ преступности в разных регионах для определения наиболее криминальных субъектов Федерации с т. зр. нарушения лесного законодательства.

Как показал статистический анализ, в 2018 г. было зарегистрировано 12 000 лесных пожаров, при этом пожары охватили площадь, равную 729 551 га.

Напрашивается вопрос: сколько виновных лиц понесли наказание по ст. 261 УК РФ за уничтожение или повреждение лесных насаждений?

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2018 г. по ст. 261 УК РФ было осуждено только 19 человек, что явно говорит о латентности данных преступлений.

Согласно информации Портала статистической информации Генпрокуратуры, только с января по ноябрь 2018 г. было зарегистрировано 22 290 экологических преступлений. При этом сотрудники МВД России выявили 19 549 преступлений, Следственный комитет – 49 преступлений, а войска Национальной гвардии – 58 преступлений. За 2018 г. было зарегистрировано 23 899 экологических преступлений.

В первой половине 2019 г. ситуация не улучшилась. При этом было осуждено по ст. 261 УК РФ всего 18 человек. Количество же лесных пожаров по данным Рослесхоза составило 5 402, огнём было охвачено 971 85 га. Пик лесных пожаров пришёлся на май 2019 г.

Анализ правовой статистики свидетельствует о неравномерности экологических преступлений по разным экологическим статьям. При этом преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ, доминируют в списке экологических преступлений, так, например, их количество в 2018 г. составило 13 763, а в первом полугодии 2019 г. – 5 690. Если провести сравнительный ана-

лиз с предыдущими годами, увидим, что в 2016 г. было зарегистрировано 14 233 преступлений, а в 2017 г. – 14 422.

Такая статистика, на первый взгляд, показывает динамику снижения преступлений по ст. 260 УК РФ, а с другой стороны, лишний раз подтверждает факт попустительства правоохранительных и муниципальных органов в выявлении преступлений, предусмотренных данной статьёй УК РФ, что способствует латентности данных преступлений. Между тем латентность преступлений довольно сложное явление, зависящее от многих факторов. Как подчёркивает Р. А. Журавлев, «латентность преступлений в сельской местности определяется следующими факторами: трудностями в своевременной передаче информации о совершённом преступлении, особенностями психологии сельского бытия, нежеланием вовлекать родственников, знакомых в сферу деятельности правоохранительных органов, несовпадением или даже противодействием общественной и правовой оценки определённых деяний, а также неверием части населения в помощь правоохранительных органов» [4, с. 247]. «Латентность преступности», как подчёркивает П. А. Кривенцов, «не позволяет дать адекватную криминологическую оценку общего состояния преступности и, следовательно, организовать и сосредоточить должные усилия на борьбе с ней, соответствующие её реальному состоянию» [6, с. 3].

Наблюдается и другая тенденция. Незаконная рубка деревьев хвойных и лиственных пород и лесные пожары не только приводят к уничтожению деревьев правонарушителями в целях их обогащения, но эти действия влекут за собой фактическое истребление леса. Как отмечает И. А. Фиськов, «преступления, связанные с незаконным использованием лесов, напрямую создают угрозу экологической безопасности РФ и нарушают рациональное использование лесов» [9, с. 65]. Ведь вырубаются, в основном, большие ровные деревья, лесорубы часто оставляют только пни, которые в жаркую погоду из-за не-

брежного отношения с огнём загораются, что в итоге иной раз приводит к массовым пожарам. Но, что ещё важно, уничтожаются не только деревья, но и кустарники, и травяная растительность. В результате, как отмечают экологи, это «приводит к экологической катастрофе» [2; 8].

Мнение учёных-экологов подтверждают и официальные статистические данные Рослесхоза. Так, на 9 мая 2019 г. в Курганской области, в Забайкальском крае, в Чеди-Хольском районе Республики Тыва, также в Иркутском, Баяндаевском, Боханском районах Иркутской области из-за лесных пожаров был введён режим чрезвычайной ситуации (ЧС). В целом по оперативной информации на 12:00 мск 9 мая 2019 г.¹:

- Территория Курганской области: «...проводились работы по тушению 5 лесных пожаров на площади, пройденной огнем, 14 415 га».
- Республика Тыва: «...в регионе проводились работы по тушению 3 лесных пожаров на площади, пройденной огнем, 1 200 га, в том числе 2 крупных. Пожары действуют в условиях горной местности с крутыми склонами».
- Иркутская область: «...на землях лесного фонда на территории региона проводились работы по тушению 27 пожаров на площади, пройденной огнем, 16 898 га. На тушении задействовано более 900 человек и 300 единиц наземной техники».

Анализ ситуации показывает, что если в республике Тыва борьба с пожарами была осложнена условиями горной местности, то большинство пожаров в Иркутской области было зафиксировано там, где действуют преступные группы, специализирующиеся на рубке древесины. Пример тому – Иркутский и Боханский районы Иркутской области. Но как показал анализ приговоров, вынесенных судами Боханского района Иркутской области,

¹ Федеральное агентство лесного хозяйства [Электронный ресурс]. URL: <http://rosleshoz.gov.ru/> (дата обращения: 28.10.2019).

70 % лиц, осужденных по ч. 1 ст. 260, было назначено наказание в виде обязательных работ на срок 100 ч. Такие санкции являются мягкими, более того, они не реализуют превентивные функции УК РФ.

Что же касается преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ, когда незаконная рубка совершается в особо крупном размере группой лиц по предварительному сговору или организованной преступной группой, в 2017 г. было вынесено в России 2 073 приговоров, а в 2018 г. – 1 014, что говорит о значительном снижении.

Однако преступная группировка, специализирующаяся по рубке леса может действовать как законно, в целях прикрытия отдельных эпизодов преступлений, так и нелегально. При этом она может действовать не один месяц, имея соответствующих пособников во властных структурах. Так, например, «Нижеудинский городской суд Иркутской области вынес приговор по уголовному делу в отношении 13 местных жителей. В зависимости от роли и степени участия каждого в совершенных преступлениях они признаны виновными по ч. 3 ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений, совершенная группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере). Судом установлено, что в течение 2016 г. участники организованных преступных групп, входящих в состав организованного преступного сообщества, осуществили 17 незаконных рубок древесины на территории Нижнеудинского района. В результате указанной деятельности лесному фонду Российской Федерации причинён ущерб на сумму свыше 1,5 млн рублей»¹.

Хотя по данному делу не было привлечено пособников из административных либо правоохранительных органов, это не говорит о том, что целый год организованное преступное сообщество могло действовать без соответствующего «прикрытия». Такая негативная тенденция в Иркутской области была замечена и взята под контроль со-

трудниками Администрации Президента РФ. «Проблема незаконной заготовки остаётся одной из ключевых», отмечал ранее спецпредставитель Президента РФ по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта Сергей Иванов, «...в последнее время площадь лесных массивов сокращается пугающими темпами, уже потеряны в результате незаконных рубок и пожаров миллионы гектаров зелёных насаждений»².

Более объективную картину представил в своём интервью Российской газете теперь уже бывший руководитель Рослесхоза И. В. Валентик, в частности, он отмечал, что «если мы возьмём за 100 % все объёмы и случаи незаконных рубок в Российской Федерации, то 65 % – это Иркутская область». Именно поэтому в Иркутской области в 2017 г. начали «пилотный проект по чипированию, маркировке, всей древесины, по введению электронного сопроводительного документа на поставку каждой партии». Внедрение этого проекта иркутянами дало свои позитивные результаты: «примерно на 40 % снизился объём незаконно срубленной древесины в этом субъекте Федерации»³.

Однако из-за большой латентности данных преступлений указанный процент может быть взят под сомнение, поскольку количество уголовных дел, рассматриваемых в судах Иркутской области по ст.ст. 260 и 261 в 2017 г., не уменьшилось. Так, например, «15 ноября 2017 г., Боханский районный суд Иркутской области вынес приговор по уголовному делу в отношении 7 участников организованной преступной группы: Валерия Гурова, Олега Филиппова, Тимофея Яковлева, Константина Чупрова, Олега Купрякова, Федора Гауна, Алексея Нефедова. Они признаны виновными в совершении преступлений, предусмотрен-

¹ Прокуратура Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irkproc.ru/news/12397.html> (дата обращения: 28.10.2019).

² Прокуратура Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irkproc.ru/news/12397.html> (дата обращения: 28.10.2019).

³ Панина Т. Назван самый криминальный лесной регион России [Электронный ресурс] // Российская газета [сайт]. URL: <https://rg.ru/2018/12/13/ivan-valentik-nazval-samyj-kriminalnyj-lesnoj-region-rossii.html> (дата обращения: 28.12.2018).

ных ч. 3 ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений, совершенная в крупном и особо крупном размере группой лиц по предварительному сговору и организованной группой). В суде было установлено, что преступная группа в 2015–2016 гг. на территории государственного лесного фонда Боханского района совершила 5 незаконных рубок леса, причинив экологический ущерб на общую сумму более 1,9 млн руб.» . Всего в 2016 г. судами Иркутской области было привлечено к уголовной ответственности по ст. 260 УК РФ 945 человек, что на 159 человек больше по сравнению с 2015 г.

Между тем опыт иркутян по чипированию стволов деревьев в целом сыграл свою положительную роль, поскольку он был одобрен Правительством РФ и сейчас его пытаются запустить во всех лесных регионах России. Однако идеализация его преждевременна. Здесь можно выделить две причины.

Во-первых, что получилось в одном регионе, не всегда может дать положительные результаты в другом, поскольку там могут быть нехватка контролёров, материальных средств, транспорта, коррупция и т. п.

Во-вторых, проведённое анкетирование лесорубов и продавцов леса показало, что уже появляются правонарушители, которые перебивают и подделывают маркировку брёвен. В ходе социологического опроса на вопрос «владеете ли вы информацией, что отдельные граждане в заготовках, рынках или в других местах пытаются перебивать или подделать маркировку брёвен» утвердительно ответило 10 человек из 50 опрошенных, что составляет 20 %.

Как показала практика, успехи иркутян в борьбе с «черными лесорубами» были временными. Как сообщил официальный представитель Генпрокуратуры А. Куренной в программе «Эфир»: «...в Иркутской области, судя по всему, пожарами "прикрывали" незаконные рубки. Признаки незаконной рубки лесных на-

саждений и остатки костров находили в нескольких районах области» . На 6 августа 2019 г. в РФ возбуждено 277 уголовных дел из-за лесных пожаров.

В других крупных лесных регионах ситуация по сравнению с Иркутской областью не такая сложная, но уже просматривается тенденция к увеличению преступлений, предусмотренных ст.ст. 260 и 261 УК РФ. Так, в Красноярском крае по данным, приведённым в Экспресс-бюллетене, за 9 месяцев 2018 г. судами края рассмотрено уголовных дел по ст. 260 УК РФ – 162 (+17) дела в отношении 188 (+26) лиц, по ст. 261 УК РФ – 1 (=) дело в отношении 1 (=) лица.

Теперь от региональной статистики перейдём к общему статистическому анализу. Начнём применение заявленной методологии с анализа данных, полученных из отчётов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, которые обобщены в таб. 1.

Наглядно видно сокращение лиц, осуждённых по ст. 260 УК РФ с 1 579 до 470, что в большей степени говорит не о снижении числа преступлений, а об их латентности, поскольку в удалённых районах Красноярского края, Республики Тывы, Бурятии, Иркутской области выявить факты незаконной рубки леса из-за их географического положения, при отсутствии хороших дорог и необходимого числа лесников и полицейских, можно только при помощи космического мониторинга Земли, который, в свою очередь, просто фиксирует факт совершённого преступления, когда уже невозможно найти виновных.

Наблюдается также и заметное снижение количества лиц, оправданных по данным статьям, что лишним раз подтверждает тот факт, что субъективной стороной преступлений, совершённых по ст. 260 УК РФ, является прямой умысел, как форма вины.

¹ Прокуратура Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irkproc.ru/news/10229.html> (дата обращения: 20.10.2018).

² Генпрокуратура нашла следы преднамеренных поджогов в сибирских лесах [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/06/08/2019/5d49604f9a79471baf448a1a> (дата обращения: 08.08.2019).

Таблица 1 / Table 1.

**Число осуждённых лиц по вступившим в законную силу приговорам
по ст.ст. 260, 261 УК РФ**

**Number of convicted persons according to the sentences valid
under Articles 260, 261 of the Criminal Code of the Russian Federation**

Статья УК РФ	2015		2016		2017		2018		Первая половина 2019	
	осуждённые	оправданные	осуждённые	оправданные	осуждённые	оправданные	осуждённые	оправданные	осуждённые	оправданные
260 ч.1	1579	1	1486	1	1342	0	705	0	470	0
260 ч.2	1054	2	928	1	807	1	408	2	366	0
260 ч.3	2058	6	2047	6	2073	9	1014	2	951	0
Всего по 260	4691	9	4461	8	4222	10	2127	4	1787	0
261 ч.1	16	0	20	7	11	0	5	0	7	0
261 ч.2	21	0	17	7	16	0	10	0	10	0
261 ч.3	2	0	1	6	0	0	3	0	0	0
261 ч.4	10	0	1	0	0	0	1	0	1	0
Всего по 261	49	0	37	20	27	0	19	0	18	0

Анализ судебных решений по ст.ст. 260 и 261 УК РФ также показал, что на практике в первой половине 2019 г. оправдательных приговоров по ст.ст. 260 и 261 УК РФ не было, было принято только несколько постановлений по ч. 1 ст. 260 УК РФ в связи с освобождением лиц, обвиняемых в совершении преступления, в связи с их деятельным раскаянием.

Помимо этого такое незначительное количество лиц, осуждённых по ч. 3 ст. 261 УК РФ, когда причиной уничтожения или повреждение лесных насаждений был поджог, и лиц, осуждённых по ч. 4 данной статьи, когда поджог лесных насаждений привёл к причинению крупного ущерба, свидетельствует, во-первых, о большой латентности данных преступлений, а во-вторых, о неудовлетворительной работе правоохранительных и муниципальных органов, где просматриваются коррупционная составляющая, а также явное попустительство в уничтожении лесных

массивов организованным преступным группировками, которые в целях сокрытия фактов незаконной рубки поджигают лес.

По данным Генпрокуратуры, власти Иркутской области, где летом 2019 г. пожарами было охвачено 1 200 га леса, «предоставляли поддельные сведения о местонахождении возгораний, расстоянии до населённых пунктов и времени ликвидации пожаров»¹. По факту пожаров в Сибири дознаватели органов Госпожнадзора возбудили 277 уголовных дел по ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений».

Для того чтобы подтвердить либо опровергнуть данные выводы, рассмотрим табл. 2.

¹ Локтионова М. Пожары в Сибири: Генпрокуратура нашла искажение статистики // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/08/05/12557959.shtml> (дата обращения: 08.08.2019).

Таблица 2 / Table 2.

Соотношение ущерба, причинённого пожарами, с количеством осуждённых по ст. 261 УК РФ

Ratio of damage caused by fires to the number of convicted persons under Article 261 of the Criminal Code of the Russian Federation

год	Количество пожаров	Площадь лесов, повреждённая пожарами	Количество осуждённых по ст. 261 УК РФ
2015	90000	1500000	49
2016	10000	2200000	37
2017	8700	1200000	27
2018	12000	729551	19
Первая половина 2019	5402	971853	18

Статистические данные, приведённые в таблице, свидетельствуют о большой латентности преступлений, предусмотренных ст. 261 УК РФ. Количество осуждённых преступников должно исчисляться сотнями, а не двумя десятками, т. к. площадь лесных пожаров только за полгода в 2019 г. увеличилась на 33 %. По данным Рослесхоза, экономический ущерб от лесных пожаров в 2018 г. составил 19 млрд руб., в 2019 г. – 7 млрд. . Более точные статистические данные об ущербе, причинённом лесными пожарами, будут представлены Рослесхозом только после детального исследования лесов, пострадавших от пожаров, и пока они ещё не обнародованы.

Теперь рассмотрим табл. 3, составленную не только по статистическим данным из отчётов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, но и по информации с портала правовой статистики и данным Генеральной прокуратуры РФ и ГИАЦ МВД России.

Представленные данные свидетельствуют о том, что наибольшее распространение среди экологических преступлений

занимают преступления по ст. 260 УК РФ. В процентном соотношении на одном уровне находится количество зарегистрированных преступлений по ст. 260 УК РФ от общего числа, совершённых экологических преступлений, что составляет 57–60 %. Последние 5 лет количество преступлений, предусмотренных данной статьёй, находится примерно на одном уровне. Снижение количества зарегистрированных преступлений на 659 ед. по ст. 260 УК РФ наблюдается только в 2018 г.

Соотношение количества зарегистрированных экологических преступлений и преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, с реальным процентным количеством осуждённых лиц по ст. 260 УК РФ подтверждает латентную природу этих преступлений. «Наличие латентных преступлений», как считают И. В. Васильева и Ю. С. Афонина, «не только препятствует объективному изучению криминальной ситуации и её полному учёту, но и порождает другие негативные последствия, например, трудности в анализе реальной криминальной ситуации в стране, снижение авторитета правоохранительных органов и веры граждан в могущество злоумышленника и многих других» [1, с. 46].

Помимо этого, анализ статистических данных, представленных в рассматриваемой таблице, говорит и о недостаточной эффективной деятельности СК РФ по сравнению с органами внутренних дел по выявлению преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений. Другие же правоохранительные структуры (органы прокуратуры, ВВ Росгвардии) неактивно участвуют в данном процессе.

Проведённый анализ показал, что в современных реалиях существующая лесоохрانا просто неэффективна, что обусловлено как экономическими факторами (нехватка денежных средств, необходимой численности лесников, контролёров Рослесхоза, следователей и т. п.), так и субъективными факторами, среди которых можно выделить халатное отношением к своим функциональным обязанностям, злоупотребление служебным

¹ <http://rosleshoz.gov.ru/news/2019-08-21/n4822> (дата обращения: 28.08.2019).

Таблица 3 / Table 3.

Соотношение состояния экологической преступности с преступлениями, предусмотренными ст. 260 УК РФ, и количеством лиц, осуждённых по данной статье
Ratio between environmental crimes under Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation and the number of persons convicted under this article

Год	Всего зарегистрировано экологических преступлений	Выявлено СК	Выявлено ОВД	Выявлено другими гос. органами	Зарегистрировано преступлений по ст. 260 УК РФ	% соотношения зарегистрированных преступлений по ст. 260 УК РФ от общего числа экологических преступлений	Осуждённые по ст. 260 УК РФ	% соотношения между количеством зарегистрированных экологических преступлений и количеством осуждённых лиц по ст. 260 УК РФ	% соотношения между количеством зарегистрированных преступлений по ст. 260 УК РФ и количеством осуждённых лиц по этой статье
2015	24 740	127	22 543	2 070	14 192	57%	4 691	19%	33%
2016	23 688	230	11 463	11 995	14 233	60%	4 461	19%	31%
2017	24 379	60	21 373	2 946	14 422	59%	4 222	17%	29%
2018	23 899	56	20 929	2 914	13 763	58%	2 127	9%	15%
Первая пол. 2019	11 357	36	9 897	1 424	5 690	50%	1 787	15%	31%

положением и участием должностных лиц в организованных преступных группировках, специализирующихся на рубке леса. Доказанным фактом является то, что российские леса просто уничтожаются как сельским населением для обогащения и для повседневных своих нужд (отопление домов, строительство жилых домов, бань, гаражей и других нежилых построек), так и организованными преступными группировками. Как правильно подчёркивает О. Ю. Греченкова, «основной целью деятельности преступных групп является извлечение прибыли. Зачастую организованные группировки занимаются криминальной деятельностью по различным направлениям, совершая как экологические, так и экономические и другие виды преступлений» [3, с. 52].

При этом либо организованные преступные группировки создаются должностными лицами государственных и муниципальных органов власти, либо должностные лица входят в эти преступные группировки.

Нельзя сказать, что должностных лиц совсем не привлекают к уголовной ответственности за нарушение норм лесного законодательства, но происходит это, как правило, редко. Причём приговоры в отношении должностных лиц ограничиваются, в основном, только штрафами, хотя и не малыми, которые на практике не так уж сложно выплатить лицам, злоупотребляющим своим служебным положением. Так, например, согласно официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, в Тюменской области Советский районный

суд ХМАО-Югры удовлетворил иск прокурора Голышмановского района и взыскал с бывшего генерального директора государственного предприятия Тюменской области «Голышмановский лесхоз» более 5,5 млн руб. в счёт возмещения причинённого ущерба. Причём основанием для обращения прокурора в суд послужил вступивший в законную силу приговор Голышмановского районного суда от 30 мая 2014 г., которым Виктор Ганичев был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 (незаконная рубка лесных насаждений) .

Особую тревогу как руководства государства, так и институтов гражданского общества в современной России вызывает тот факт, что те должностные лица, которые обязаны осуществлять контрольные функции за лесонарушениями, сами различными способами пособничают «черным лесорубам». Таким образом, они становятся участниками преступных группировок. В этом проявляется их так называемая «профессиональная деформация». Как заметила Е. С. Красинская, «профессиональная деформация, в конечном счёте, приводит к росту нарушений сотрудниками служебной дисциплины и законности, наносит непоправимый вред интересам службы, влечёт нежелательные оценки и суждения окружающих о деятельности органов внутренних дел...» [5, с. 51].

Применяя эмпирико-статистический метод исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. Уголовно-правовая статистика в основном отражает в своих показателях как состояние экологических преступлений в целом, которые приносят серьёзный ущерб не только одному государству, но и всей планете, поскольку предметом преступлений является лес вообще, так и особенности и тенденции процесса борьбы с преступ-

лениями, предусмотренными ст.ст. 260 и 261 УК РФ. Выявлена неравномерность экологических преступлений, где преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ, доминируют в списке экологических преступлений и составляют порядка 60%.

2. Соотношение количества зарегистрированных экологических преступлений и преступлений, предусмотренных ст.ст. 260 и 261 УК РФ с реальным процентным количеством осуждённых лиц по этим статьям подтверждает латентную природу данных преступлений. При этом латентность таких преступлений связана с субъективными детерминантами (взаимодействие с государственными и муниципальными властями организованных преступных группировок, наличие средств связи, транспорта, орудия труда и т. д., попустительство должностных лиц), из чего следует, что преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ, могут совершаться только с прямым умыслом, а также и с объективными детерминантами (безработица, удалённое расстояние вырубок и лесных пожаров от больших населённых пунктов и т. п.).

3. Основную борьбу с экологическими преступлениями ведут не только сотрудники Рослесхоза, но и органы внутренних дел. Другие правоохранительные структуры значительно уступают им в этом.

4. Тревожным моментом является то, что превентивные меры государственными и муниципальными органами власти по преступлениям в сфере лесоохраны осуществляются не должным образом и не всегда. Определённые успехи, связанные с внедрением чипирования стволов деревьев в Иркутской области, несколько не улучшают общее положение дел в сфере лесоохраны. Область продолжает оставаться самой криминальной в сфере лесонарушений. Институт уголовной ответственности за нарушение норм лесного законодательства в идеальном варианте должен выполнять и стимулирующую, и превентивную, и компенсационную, и карательную, и воспитательную функции.

5. В современной России существуют потребности в создании более совершен-

¹ В Тюменской области по иску прокурора с бывшего директора Голышмановского лесхоза взыскано более 5,5 млн рублей в счёт возмещения ущерба, причинённого преступлением // Новости прокуратуры РФ [сайт]. URL: <https://procrf.ru/news/284900-v-tyumenskoy-oblasti-po.html> (дата обращения: 12.05.2018).

ной системы мер лесоохраны, а также в совершенствовании действующей модели института уголовной ответственности за нарушения лесного законодательства. В целях решения обозначенных проблем необходимо принять следующие меры.

В теоретическо-методологическом плане:

- отечественные учёные, опираясь на современный положительный опыт, должны разработать современные методы выявления и раскрытия преступлений, основанные на последних данных науки и приёмах цифровизации;
- в целях привлечения к уголовной ответственности должностных лиц за пассивное поведение, т. е. неисполнение возложенных на них государством задач и функций, которые не связаны корыстной или личной заинтересованностью, следует разработать дефиницию под названием «попустительство».

В области совершенствования уголовного законодательства следует ввести в Особенную часть УК РФ такие составы преступлений, как «Уничтожение чи-

пов и подделка маркировки брёвен» и «Попустительство преступлениям в сфере охраны и использования лесов».

В практическом плане для выявления преступлений, предусмотренных ст.ст. 260 и 261 УК РФ, необходимо:

- шире использовать возможности дистанционного мониторинга, видеоконтеры и другие электронные средства;
- следует увеличить штаты лесников, а также наладить их тесное взаимодействие с правоохранительными органами;
- органам прокуратуры следует активизировать работу по выявлению фактов коррупции, незаконной рубки и уничтожения лесных насаждений;
- при выявлении данных преступлений нужно чаще привлекать силы Внутренних войск Росгвардии, обладающие людскими и техническими ресурсами.

Статья поступила в редакцию 22.01.20.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева И. В., Афонина Ю. С. Выявление латентной преступности в России и зарубежных странах // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 46–49.
2. Володченкова Л. А. Экологические катастрофы лесных экосистем: их моделирование и прогнозирование: дис. ... канд. биол. наук. Омск, 2011. 150 с.
3. Греченкова О. Ю., Сапожникова Е. Ю., Пчельников М. В. Проблемы применения законодательства об уголовной ответственности за кражу и пути повышения его эффективности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 8. С. 52–55.
4. Журавлев Р. А. Оценка состояния латентной преступности в сельской местности // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сб. материалов. М., 1993. С. 247–250.
5. Красинская Е. С. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. 2016. № 3. С. 48–52.
6. Кривенцов П. А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.
7. Маркунцов С. А. Эмпирико-статистический анализ восприятия и понимания категории уголовно-правовой запрет // Социология уголовного права: коллизии уголовно-правовой статистики: сб. статей. М.: Юриспруденция, 2014. С. 126–136.
8. Rogozin M. Yu., Kartamysheva E. S. Вырубка лесов – экологическая катастрофа // Молодой ученый. 2017. № 51. С. 124–127.
9. Фиськов И. А. Уголовная ответственность за незаконное использование лесов: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2019. 205 с.
10. Хармаев Ю. В. Роль и значение статистических методов криминологии в профилактике правонарушений несовершеннолетних // Социология уголовного права: коллизии уголовно-правовой статистики: сб. статей. М., 2014. С. 222–229.

REFERENCES

1. Vasileva I. V., Afonina Y. S. [Identifying latent crime in Russia and abroad]. In: *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami* [Topical Issues of Crime Combating], 2015, no. 2, pp. 46–49.
2. Volodchenkova L. A. *Ekologicheskie katastrofy lesnykh ekosistem: ikh modelirovanie i prognozirovanie: dis. ... kand. biol. nauk* [The environmental disasters of forest ecosystems: their modeling and forecasting: PhD thesis in Biological sciences]. Omsk, 2011. 150 p.
3. Grechenkova O. Y., Sapozhnikova E. Y., Pchel'nikov M. V. [Problems of enforcement of criminal responsibility for theft and ways to improve its effectiveness]. In: *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* [Modern Science: Topical Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law.], 2017, no. 8, pp. 52–55.
4. Zhuravlev R. A. [Assessment of latent crime in rural areas]. In: *Latentnaya prestupnost: poznanie, politika, strategiya* [Latent Crime: Knowledge, Policy, Strategy]. Moscow, 1993. P. 247–250.
5. Krasinskaya E. S. [Professional deformation of police officer personality]. In: *Vestnik Vostochno-sibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]*, 2016, no. 3, pp. 48–52.
6. Kriventsov P. A. *Latentnaya prestupnost v Rossii: kriminologicheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Latent crime in Russia: criminological research: abstract of PhD thesis in Law]. Moscow, 2015. 26 p.
7. Markuntsov S. A. [Empirical-statistical analysis of perception and understanding of the category of criminal-legal prohibition]. In: *Sotsiologiya ugovnogo prava: kollizii ugovno-pravovoi statistiki* [Sociology of Criminal Law: Conflicts of Criminal-Legal Statistics]. Moscow, *Yurisprudentsiya Publ.*, 2014. P. 126–136.
8. Rogozin M. Y., Kartamysheva E. S. [Deforestation is an Ecological Disaster]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2017, no. 51, pp. 124–127.
9. Fiskov I. A. *Ugovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe ispol'zovanie lesov: dis. ... kand. yur. nauk* [Criminal liability for illegal use of forests: PhD thesis in Law]. Khabarovsk, 2019. 205 p.
10. Kharmayev Y. V. [The role and importance of statistical methods of criminology in juvenile crime prevention]. In: *Sotsiologiya ugovnogo prava: kollizii ugovno-pravovoi statistiki* [Sociology of Criminal Law: Conflicts of Criminal-Legal Statistics]. Moscow, 2014. P. 222–229.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арзамасов Владислав Юрьевич – преподаватель колледжа Российского университета кооперации;
e-mail: arzamasov.vladislav@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav Y. Arzamasov – lecturer of College, Russian University of Cooperation;
e-mail: arzamasov.vladislav@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Арзамасов В. Ю. Эмпирико-статистический анализ судебной практики в сфере уголовной ответственности за нарушения лесного законодательства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 98–108.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-98-108

FOR CITATION

Arzamasov V. Y. Empirical and Statistical Analysis of Judicial Practice in the Field of Forest Protection and the Rules of the Institution of Criminal Liability for Violations of Forest Legislation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 98–108.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-98-108

УДК 339.543(575.2)

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-109-114

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Атабеков К. К.*Кыргызско-Российский Славянский университет**720000, г. Бишкек, ул. Киевская, д. 44, Кыргызская Республика*

Аннотация.

Цель. Цель данной работы заключается в выявлении факторов, определяющих низкую эффективность таможенного контроля и коррупционность в таможенной сфере.

Процедура и методы исследования. Автором произведён анализ текущей ситуации по борьбе с таможенными правонарушениями в Кыргызской Республике после вступления в Таможенный Союз и Евразийский экономический союз, рассмотрена деятельность Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики по исполнению антикоррупционного плана. Приведён соответствующий эмпирический материал.

Результаты проведённого исследования. Эмпирически проверено утверждение о распространённости таможенных правонарушений и связанных с ними коррупционных проявлений. Предложены и обоснованы конкретные меры по снижению уровня коррупции в таможенной сфере в Кыргызской Республике.

Теоретическая/практическая значимость. Данное исследование обобщает значительный массив таможенной статистики. Автором сформулированы предложения по повышению эффективности таможенного контроля и минимизации его коррупционного потенциала.

Ключевые слова: таможня, коррупция, контрабанда, Евразийский экономический союз, Таможенный союз

SOME PROBLEMS AND TRENDS IN COMBATING CUSTOMS CORRUPTION IN KYRGYZ REPUBLIC

K. Atabekov*Kyrgyz-Russian Slavonic University,**44, Kyivskaya ul., Bishkek, 720000, Republic of Kyrgyzstan*

Abstract.

Purpose. To identify the factors that determine low efficiency of customs control and corruption.

Methodology and Approach. The author analyzed the current situation in combating customs offences in the Kyrgyz Republic after joining the Customs Union and the Eurasian Economic Union, reviewed the measures of the State Customs Service under the Government of the Kyrgyz Republic for the implementation of the anti-corruption plan. The corresponding empirical material is provided.

Results. The study empirically proved the existence of customs offences and related manifestations of corruption in the Kyrgyz Republic and proposed concrete measures to reduce corruption in customs.

Theoretical and Practical Value. The study generalizes a considerable array of customs statistics and makes some proposals to improve the efficiency of customs control and reduce its corrupt potential.

Keywords: customs, corruption, smuggling, Eurasian Economic Union, Customs Union

ВВЕДЕНИЕ

С 1 января 2018 г. вступил в действие Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Кыргызстан последним из 5 стран ЕАЭС ратифицировал этот важнейший нормативный акт. Президент страны Сооронбай Жээнбеков 30 декабря 2017 г. подписал закон о ратификации Таможенного кодекса ЕАЭС. Новый Таможенный кодекс ориентирован на электронные технологии, многие процессы и процедуры автоматизируются, соответственно, общение таможенников и предпринимателей минимизируется, что позволит существенно сократить коррупционные риски. Чёткие и стабильные правила, предложенные бизнесу, внедрение механизма «единого окна» для таможенных процедур и другие новшества – влечение времени, они должны минимизировать коррупцию в этой сфере. Эксперты небезосновательно считают, что таможня в Кыргызстане является одним из символов отечественной коррупции [1; 2; 3; 4].

Выявление основных коррупционных зон и рисков в таможенной сфере последние 5 лет проходит в рамках деятельности рабочей группы по контролю над реализацией антикоррупционной стратегии при Совете Безопасности Кыргызской Республики, образованной указом Президента КР в конце 2013 г. В самом начале своей деятельности, в 2014 г., эта рабочая группа рассмотрела коррупционные риски и схемы в таможенной сфере, утвердила соответствующий план мероприятий и не менее, чем 1 раз в год, рассматривает ход выполнения актуализированного плана по минимизации коррупции в различных государственных органах, включая Государственную таможенную службу (ГТС) при Правительстве КР.

В первую очередь, были выделены коррупционные риски, связанные с недостоверным декларированием товаров, таможенным оформлением, со складами временного хранения и внутренним транзитом, защитой прав интеллектуальной собственности таможенными орга-

нами, таможенными правонарушениями, с государственным предприятием (ГП) «Таможенная инфраструктура», а также в сфере кадровой политики. По итогам 2015 г. в ходе мониторинга реализации плана мероприятий по внедрению антикоррупционной модели управления в ГТС из 22 запланированных мероприятий в момент проверки было исполнено 11, т. е. всего половина, не исполнено – 7, т. е. более 1/3, 4 мероприятия реализованы частично. Оценка исполнения мероприятий плана показала, что неисполнение наблюдалось в 2-х основных зонах коррупционных рисков – «Недостоверное декларирование товаров» и «Контрабанда», наиболее подверженных коррупции и наносящих весьма значительный ущерб государству в виде бюджетных потерь от недопоступления таможенных платежей. Так, не исполнено было 5 из 7 запланированных мер¹. Было отмечено отсутствие тесного взаимодействия ГТС с министерствами экономики, юстиции, иностранных дел и другими органами в части разработки и согласования проектов нормативных правовых актов для обеспечения дальнейшего их принятия в установленном порядке.

К примеру, не были приняты меры по разработке проекта методологии по таможенному досмотру / осмотру, по внедрению системы постоянного обмена информацией со всеми основными торговыми партнёрами республики (Китай, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан) для систематического выявления причин и оснований расхождения классификации товаров по кодам Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) физических и стоимостных объёмов. В последствии это породило вполне обоснованные претензии со стороны партнёров-членов ЕАЭС. Как и в прежние времена, фактически нет систематического обмена информацией с торговыми партнёрами с использованием метода «зеркальной» та-

¹ Совет обороны придумал, как бороться с коррупцией в ГТС // Sputnik Кыргызстан: [сайт] URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20150113/1014007372.html> (дата обращения: 10.11.2019).

моженной статистики, по результатам которой могут быть выявлены существенные расхождения данных по импорту, в особенности из КНР. Таможенники рапортуют, что они по дипломатическому каналу неоднократно направляли запросы в Главное таможенное управление КНР о предоставлении информации. При этом ссылаются на 3 письма, датированные 2009, 2012 и 2016 гг. За почти 10 лет – 3 письма. Это рельефный пример формального отношения к своим обязанностям. Между тем вспыхивает международный скандал, на наш взгляд, с вполне обоснованными обвинениями кыргызской стороны о сокрытии таможенных платежей с импорта¹.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ

Приведём конкретные цифры. В таможенной службе предупреждали, что после вхождения в Таможенный союз цена на импортируемые товары будет расти. Поступлений в госбюджет стало несколько больше за счёт таможенных платежей от товаров, ввозимых из Китая, Турции, ОАЭ, США, Индии. В то же время в конце прошлого года премьер-министр одной из соседних стран заявил, что по всем странам ЕАЭС, кроме Кыргызстана, за последние 2 года наблюдается снижение импорта: в Казахстане – в 2 раза, в РФ – на 25 %. Соответственно, снизились и поступления от таможенных пошлин в бюджеты соседних стран. Однако если сопоставить данные по ввозу товаров из КНР в КР, то цифры, представленные властями Китая по внешней торговле и Кыргызстана по импорту, значительно разнятся. КНР представила цифру \$5,6 млрд (на эту сумму, по их данным, в 2016 г. ввезено товаров из КНР в КР). Кыргызские же власти предоставляют совсем иные цифры – \$1,5 млрд. Возникает закономерный вопрос – куда здесь разница в \$4,1 млрд? Такая же кар-

тина и в 2017, и в 2018 гг.². Выступая в Парламенте в начале прошлого года, депутат Каныбек Иманалиев, по сути, обвинил руководство ГТС в укрытии от бюджета страны 22 млрд сомов, что практически равно дефициту республиканского бюджета³. Цифры, на наш взгляд, несколько преувеличены, но при надлежащей транспарентности и минимизации коррупционных схем можно было бы ожидать увеличение в разы поступлений бюджет от таможенных платежей.

В настоящее время проводится мониторинг выполнения актуализированного плана мероприятий 2018 г. Сложно сказать, что ситуация кардинально поменялась. Многие пункты исполнены формально и должного эффекта не имеют. Однако определённые меры ответственности за такое халатное и формальное отношение к выполнению антикоррупционного плана чиновники из таможни всё же понесли. Так, в марте 2016 г. уволен главный таможенник страны, при этом на принятие такого решения повлияли и рекомендации рабочей группы по рассмотрению ответственности руководителей таможенного ведомства.

Вместе с тем должных выводов в руководстве таможни сделано не было. Как демонстрацию пренебрежительного отношения к заявленному руководством страны курсу на борьбу с коррупцией можно расценивать не скрывавшийся факт отдыха – встречу нового 2017 г. на дорогих заграничных курортах около 200 сотрудниками таможни, вызвавшую большой негативный общественный резонанс в социальных сетях и бурную дискуссию в стенах Парламента⁴. При этом до 2019 г. трудно

¹ Федорчук О. Что убьёт или спасет экономику Кыргызстана? // Vesti.kg: [сайт]. URL: <https://vesti.kg/zxc/item/48737-cto-ubet-ili-spaset-ekonomiku-kyrgyzystana?.html> (дата обращения: 07.11.2019).

² Как кыргызская таможня занижает товарооборот с Китаем. Шокирующие цифры // Kak tak to?! [сайт]. URL: <https://kaktakto.com/analitika/kak-kyrgyzskaya-tamozhnya-zanizhaet-tovarooborot-s-kitaem-shokiruyushhie-cifry/> (дата обращения: 17.11.2019).

³ Лобанова Н. Таможня: государство в государстве? // Region.kg: [сайт]. URL: http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=2243:2017-02-09-17-12-37&catid=4:politika&Itemid=5 (дата обращения: 10.11.2019).

⁴ Жанар Акаев: 200 сотрудников тамож-

припомнить резонансные уголовные дела по пресечению контрабанды в особо крупных размерах, привлечению к уголовной ответственности крупных чиновников из таможи.

В конце прошлого года появились первые симптомы изменения ситуации, связанные в большей степени с внедрением автоматизированных систем учёта. Генеральная прокуратура КР анонсировала возбуждение уголовного дела по целому букету таможенных преступлений: «возбуждены 4 уголовных дела по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 304 (злоупотребление должностным положением), 315 (служебный подлог), 210 (уклонение от уплаты таможенных платежей) и 204 (контрабанда) Уголовного кодекса КР по факту незаконного проникновения в автоматизированную информационную систему Государственной таможенной службы в целях уклонения от уплаты таможенных платежей. Установлено, что с августа по октябрь 2017 г., отдельные сотрудники ГТС и другие лица, незаконно используя логины и пароли сотрудников различных структурных подразделений ГТС, совершали таможенные процедуры. В частности, ими были осуществлены таможенные процедуры "транзит" и "экспорт" в Единой автоматизированной информационной системе ГТС по декларациям на товары, следовавшим из Республики Беларусь и стран Европы в Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. При этом, указанные товары фактически не прибывали на территорию Кыргызской Республики и соответственно не вывозились за её пределы. В результате противоправных действий отдельных сотрудников ГТС и других лиц, ЕАЭС причинён материальный ущерб предварительно на сумму более 143 млн сомов»¹.

ни отдыхали на Новый год в Дубае // KaktusMedia: [сайт]. URL: https://kaktus.media/doc/351884_janar_akaev:_200_sotrydnikov_tamojni_otdyhali_na_novyy_god_v_dybae.html (дата обращения: 20.11.2019).

¹ В информационную систему Таможенной службы совершено незаконное проникновение. [Электронный ресурс] // 24.kg: [сайт]. URL: https://24.kg/obschestvo/74397_vinformatsionnuyu_sistemu_tamojennoj_slujby_oversheno_nezakonnoe_proniknovenie/ (дата обращения: 23.11.2019).

Таким образом, коррупционные схемы ухода от таможенных платежей действительно имеют место, несмотря на предпринимаемые меры. Если раньше бизнес в стране развивался в основном за счёт реэкспорта, то и сейчас он полностью не исключён, этому способствуют и серые схемы, позволяющие обходить таможенные платежи, и коррупция. К примеру, больше всего, по статистике, из Китая в Кыргызстан ввозится одежды и обуви. Премьер-министр Казахстана в 2018 г. отметил «неадекватный ввоз товаров народного потребления (одежды и обуви) на душу населения. Так, в Кыргызстан ввозится одежды в 65 раз больше, чем в Казахстан, и в 43 раза больше, чем в Россию»². Значит, реэкспорт, опирающийся на коррупционные схемы, продолжает существовать. По разным оценкам, в месяц в страну прибывает до 2,5 тыс. грузовых машин с товарами народного потребления из Китая, из которых определённая часть проходит через серые схемы уклонения от таможенных платежей или контрабандным путём³.

Перечисленное – результат слабо организованной работы менеджмента в сфере таможенного контроля. Что же необходимо предпринять для установления более транспарентного режима в данной сфере? В Кыргызстане уже начала функционировать система электронного межведомственного взаимодействия (СМЭВ) «Тундук», которая сегодня объединяет базы данных около 50 госорганов. В этой связи стоит задача интеграции информационной системы ГТС с системами ГСФР – Государственной службы финансовой раз-

kg/obschestvo/74397_vinformatsionnuyu_sistemu_tamojennoj_slujby_oversheno_nezakonnoe_proniknovenie/ (дата обращения: 23.11.2019).

² Ниязова М. Контрабанда и коррупция на таможне, или Почему ЕАЭС – не панацея // Respublica: [сайт]. URL: <http://respub.kg/2017/11/03/kontrabanda-i-korrupciya-na-tamozhne-ili-pochemu-eaes-ne-panacea/> (дата обращения: 29.11.2019).

³ Контрабанда из Китая – что говорили руководители Кыргызстана и других стран. [Электронный ресурс] // Sputnik Кыргызстан [сайт]. URL: <https://ru.sputnik.kg/politics/20191122/1046310802/kyrgyzstan-kontrabanda-kazahstan-china-zayavlenie.html> (дата обращения: 29.11.2019).

ведки – для выявления фактов правонарушений налогового и таможенного законодательства. В ближайшее время также необходимо интегрировать информационные системы таможенной службы с системами коммерческих банков для подтверждения уплаты таможенных платежей в электронном виде в режиме онлайн. Уже в следующем году руководство ГТС предполагает усовершенствовать системы видеонаблюдения с целью обеспечения мониторинга рабочих мест сотрудников таможни с возможностью онлайн-контроля через официальный сайт ГТС. Такая мера заложена в актуализированном плане мероприятий по внедрению антикоррупционной модели управления в ГТС на 2019–2020 гг. Запланировано также создание колл-центра таможенной службы в целях предоставления консультаций по обращениям граждан и субъектам ВЭД по интересующим вопросам в области таможенного дела.

Сегодня в Кыргызстане вопросы борьбы с коррупцией в таможенной сфере связывают с обеспечением национальной безопасности, её экономической составляющей, в первую очередь, а также с необходимостью исправления имиджа страны в рамках ЕАЭС как добросовестного партнёра в рамках Таможенного союза.

На самом деле, контрабанда подрывает политический имидж Кыргызской Республики, создаёт напряжённость в отношениях с сопредельными странами и государствами-партнёрами и может стать причиной серьёзного международного конфликта. Такая деятельность является прямой угрозой национальной безопас-

ности, общественным и государственным интересам. «Значительный объём контрабандных операций и отсутствие должного реагирования со стороны правоохранительных органов с очевидностью свидетельствуют об организованном характере контрабандной деятельности и вовлечении в неё представителей многих различных структур государственной власти». Таково мнение общественности¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коррупция в таможенной сфере обладает повышенной степенью латентности. В живучести коррупционных схем заинтересованы как нечистоплотные таможенники, так и бизнесмены, заинтересованные в уклонении от таможенных платежей. А также имеющие пробелы в законодательстве, позволяющие принимать ущербные для государства решения, кроме того, некоторые дискреционные полномочия таможенных чиновников. По минимизации этих и других коррупционных рисков, как уже было отмечено, работают эксперты из Совета безопасности республики. Не всё получается сразу, часто встречается завуалированное сопротивление чиновников из таможни. Но этот процесс идёт. Электронные технологии и слаженная работа госорганов в рамках СМЭВ «Тундук» на национальном уровне, Таможенного союза и ЕАЭС на региональном, думаю, дадут в будущем свой позитивный синергетический эффект.

Статья поступила в редакцию 21.02.20.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иманалиев Э. Д. Создание и деятельность таможенной службы Кыргызской Республики: 1991–1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 224 с.
2. Иманалиев Э. Д. Эволюция таможенной службы в Кыргызстане // Форум. Методический сборник. Вып. 4. М., 1997. С. 84–88.
3. Кангельдиев А. Н. Государственная таможенная политика в странах СНГ, политологический анализ и технологии ее реализации: На примере Государственной таможенной инспекции Кыргызской Республики: дис. ... док. полит. наук. М., 2002. 376 с.
4. Осмоналиев К. М. Новая антикоррупционная политика. Бишкек: Юринфо, 2015. 87 с.

¹ Общественность призывает парламент разобраться с коррупцией в таможне. [Электронный ресурс] // KaktusMedia [сайт]. URL: https://kaktus.media/doc/365664_obshchestvennost_prizyvaet_parlament_razobratsia_s_korruptsией_v_tamojne.html (дата обращения: 29.11.2019).

REFERENCES

1. Imanaliev E. D. *Sozdanie i deyatelnost tamozhennoi sluzhby Kyrgyzskoi Respubliki: 1991–1999 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The establishment and operation of the customs service of the Kyrgyz Republic: 1991–1999: PhD thesis in History]. Moscow, 1999. 224 p.
2. Imanaliev E. D. [The evolution of the customs service in Kyrgyzstan]. In: *Forum. Metodicheskii sbornik* [Forum. Methodical Collection]. Moscow, 1997, no. 4, pp. 84–88.
3. Kangeliev A. N. *Gosudarstvennaya tamozhennaya politika v stranakh SNG, politologicheskii analiz i tekhnologii ee realizatsii: Na primere Gosudarstvennoi tamozhennoi inspeksii Kyrgyzskoi Respubliki: dis. ... dok. politich. nauk* [State customs policy in CIS countries, political analysis and technologies for its implementation: an example of the State Customs Inspection of the Kyrgyz Republic: D. thesis in Political Sciences]. Moscow, 2002. 376 p.
4. Osmonaliev K. M. *Novaya antikorrupcionnaya politika* [New anti-corruption policy] Bishkek, Yurinfo Publ., 2015. 87 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кайрат Кулбакович Атабеков – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета;
e-mail: kairat44@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kairat K. Atabekov – PhD in Law, associate professor at the Department of Forensic Expertise of the Law Faculty, Kyrgyz-Russian Slavonic University;
e-mail: kairat44@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Атабеков К. К. Некоторые проблемы и направления минимизации коррупции в таможенной сфере в Кыргызской республике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 109–114.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-109-114

FOR CITATION

Atabekov K. K. Some Problems and Trends in Combating Customs Corruption in Kyrgyz Republic. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 109–114.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-109-114

УДК 343.592

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-115-121

О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСКВЕРНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Болотова Е. Д.*Университет прокуратуры Российской Федерации**117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью данной работы явились проведение анализа современного законодательства об охране объектов культурного наследия и выработка предложений по его дальнейшему совершенствованию.

Процедура и методы исследования. Ведущими методами исследования стали: метод системного анализа, синтеза, историко-правовой и сравнительно-правовой.

Результаты проведённого исследования: В результате проведённого исследования автором сделан вывод об имеющемся пробеле в уголовном законодательстве, не позволяющем дать юридическую оценку действиям, выражающимся в надругательстве над памятниками истории и культуры. Предложено криминализовать указанные деяния, установив уголовную ответственность за осквернение памятников истории и культуры.

Теоретическая/практическая значимость. Изложенные в статье положения позволяют обратить внимание на важную проблему в квалификации деяний, оскверняющих памятники истории и культуры. Предполагается, что указанное законодательное изменение будет способствовать повышению гарантий защиты и сохранения памятников истории и культуры.

Ключевые слова: культурное наследие, памятники истории и культуры, осквернение, надругательство, уничтожение культурного наследия

ON THE NEED OF ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR DESECRATION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS

E. Bolotova*University of Prosecutor's Office of the Russian Federation**2, bld. 1, Azovskaya st., Moscow, 117638, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of this paper is to analyse modern legislation on the protection of cultural heritage objects and to develop proposals for its further improvement.

Methodology and Approach. The leading methods of the research were: the method of systemic analysis, synthesis, historical-legal and comparative-legal techniques.

Results. The author concludes that there is a gap in Russian criminal legislation which does not allow to give a legal assessment of abuses of historical and cultural monuments. It is proposed to criminalize the specified acts, having established criminal responsibility for desecration of monuments of history and culture.

Theoretical and Practical Value. The study draws attention to a crucial problem in qualification of the acts of desecrating historical and cultural monuments. It is assumed that this legislative change will contribute to improving the protection and preservation of historical and cultural monuments.

Keywords: cultural heritage, historical and cultural monuments, desecration, abuse, destruction of cultural heritage

Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является одним из направлений деятельности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Указом Президента России от 31.12.2015 № 683 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, согласно которой сохранение и развитие культуры являются национальными интересами на долгосрочную перспективу. В соответствии с п. 31 Стратегии национальной безопасности РФ культура входит в число национальных приоритетов, посредством реализации которых обеспечиваются национальные интересы страны. «Для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры реализуются государственная культурная политика и государственная национальная политика, которые направлены на укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей; усиливается государственный контроль за состоянием объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), повышается ответственность за нарушение требований их сохранения, использования и государственной охраны и др.».

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., которая, являясь неотъемлемой частью Стратегии национальной безопасности РФ, также признаёт сохранение культурного наследия в качестве приоритетного направления национальной политики.

Сохранение культурного наследия обеспечивается законодательством

Российской Федерации. Согласно ст. 44 Конституции РФ, каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Правовую основу защиты культурных ценностей составляют также: «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1), Закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Средствами уголовного и административного принуждения установлена ответственность за действия, способные привести к уничтожению или повреждению памятников истории и культуры.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) содержит ряд норм, предусматривающих ответственность за нарушение требований законодательства об охране, использовании и сохранении объектов культурного наследия, их территорий, а также зон их охраны (ст.ст. 7.13–7.16 КоАП РФ).

Уголовным Кодексом Российской Федерации (УК РФ) установлена ответственность за ряд деяний, посягающих на сохранение объектов культурного наследия. Среди них: хищение, контрабанда культурных ценностей, уничтожение и повреждение объектов культурного наследия, нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия, нарушение порядка проведения археологических работ (ст.ст. 163, 226.1, 243–243.3 УК РФ).

Однако в последнее время в средствах массовой информации всё чаще получают огласку случаи, когда действия в отношении объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) носят оскверняющий характер, но не причиняют имущественного ущерба.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации») (пп. 80,82) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2019).

Ярким примером подобных деяний можно считать инцидент, произошедший в Элисте в 2016 г., связанный с осквернением статуи Будды дагестанским спортсменом Саидом Османовым. Можно также вспомнить случай, произошедший в 2018 г. в Калининграде, когда неизвестные облили краской памятник Иммануилу Канту, а позднее и его могилу. В апреле 2019 г. распространение в интернете получил видео-ролик, на котором молодая девушка танцует на площадке памятника «Курган Бессмертия», который находится в парке 1000-летия Брянска и является объектом культурного наследия регионального значения.

Несмотря на схожесть характера совершённых деяний, они получили различную оценку правоприменителя. Действия спортсмена Османова были квалифицированы по ч. 2 ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» и ч. 1 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», Элистинским городским судом Республики Калмыкия он был осуждён к двум годам лишения свободы условно.

Жительнице Брянска за танец на памятнике «Курган Бессмертия» был назначен штраф в размере 30 тыс. руб. по статье о неуважении к обществу и власти (ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ). Советский районный суд г. Брянск счёл видео оскорбляющим человеческое достоинство и общественную нравственность, а также выражающим явное неуважение к обществу. Брянским областным судом решение суда первой инстанции было оставлено в силе.

В связи с тем, что в основе возникновения уголовно-правовых отношений лежит юридический факт «совершение лицом деяния, предусмотренного уголовным законом в качестве преступления» [1, с. 26], описанные выше факты посягательств на объекты культурного наследия не могут получить соответствующую правовую оценку ввиду отсутствия в отечественном законодательстве норм, предусматривающих ответственность за осквернение памятников истории и культуры. В следствие чего на практике возникают проблемы, связанные с привлечением виновных к ответственности.

Решение обозначенной проблемы обеспечения должной правовой защиты объектов культурного наследия может быть найдено путём дополнения законодательства нормами об ответственности за осквернение памятников истории и культуры.

Однако даже в случае установления ответственности за подобные социально опасные действия, посягающие на общественную нравственность, остаётся проблема отграничения от смежных составов преступлений (схожих деяний).

Так, например, УК РФ содержит норму, предусматривающую ответственность за вандализм (ст. 214 УК РФ). Вандализм выделился из уголовно-наказуемого хулиганства с принятием УК РФ 1996 г., в связи с чем учёные отмечают определённую схожесть указанных деяний [3, с. 27].

Действия, оскверняющие памятники, могли бы получить оценку по ст. 214 УК РФ. Однако такая квалификация невозможна ввиду законодательного описания преступления вандализма.

Термин «вандализм» появился в законодательстве с принятием УК РФ 1996 г., однако на сегодняшний день устоявшееся понимание этого термина в теории уголовного права отсутствует [7, с. 3].

Согласно определению «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова, «Вандализм – это бессмысленно-жестокое разрушение исторических памятников

¹ Дроботов А. Борцу из Дагестана, осквернившему статую Будду в Элисте, запретили заниматься профессиональным спортом // Комсомольская правда. Северный Кавказ: [сайт]. URL: <http://www.stav.kp.ru/online/news/2354287/> (дата обращения: 15.09.2019).

² Памятник Канту облили краской в Калининграде // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/639588> (дата обращения: 15.09.2019).

³ Суд впервые назначил штраф за неуважение к обществу в форме танца [Электронный ресурс] // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/666762> (дата обращения: 15.09.2019).

и культурных ценностей»¹ (аналогичное значение термина «вандализм» закреплено и в словаре Д. Н. Ушакова²), однако объективную сторону состава преступления «вандализм», предусмотренного ст. 214 УК РФ, составляют «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах».

Следовательно, деяние может быть квалифицировано как вандализм, только в случаях, если таковое «осуществлено в отношении зданий или иных сооружений; внешнее выражение совершенных действий унижает (оскорбляет) общественную нравственность; результаты таких действий видны неопределённому кругу лиц, что предполагает общественное место их совершения» [5, с. 160–161].

Данное обстоятельство породило так называемую подмену понятий: в случаях, когда акты безнравственного поведения в местах, имеющих историческую или культурную ценность, а также в местах захоронений (кладбища, погосты и т. п.) получают огласку в СМИ как «акты вандализма», хотя, как уже было отмечено, таковыми они по закону не являются [6, с. 144]. Подтверждением сказанному может являться тот факт, что приведённые случаи надругательства над памятниками в Калининграде, согласно информации, представленной подразделениями пресс-службы ОВД, был квалифицированы как вандализм.

Среди предметов вандализма законодателем указаны здания, сооружения, имущество на общественном транспорте и в иных общественных местах. Памятники истории и культуры, культурные ценности не относятся к предметам преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ. В связи с этим разграничение вандализма с преступлениями, посягающими на сохранение культурного наследия, необходимо проводить непосредственно по предмету престу-

пления, например, в случае посягательств на обычные скульптурные изображения, выставленные в публичных местах, и скульптурные изображения, являющиеся объектами культурного наследия, которые относятся к предмету преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ [4, с. 119].

Места погребения (захоронения) и надмогильные сооружения также не являются предметом вандализма³. И если для случаев осквернения мест захоронений или памятников, расположенных на местах захоронений, законодателем предусмотрена ответственность по ст. 244 УК РФ [2, с. 223], то аналогичной нормы, касающейся осквернения памятников истории и культуры, в уголовном законе не содержится.

Стоит отметить, что законодательное решение указанной проблемы ранее существовало: закон СССР «Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры»⁴ предусматривал ответственность за «надругательство над памятником истории и культуры, отличающемся особым цинизмом» (ст. 3), а также ответственность за «надругательство над памятником истории и культуры без признаков, предусмотренных ст. 3» (ст. 5).

Понятие «надругательство» включало в себя «нанесение бранных надписей, рисунков, символов, внешнее видоизменение памятника без его повреждения и т. п.». С принятием УК РФ 1996 г. вышеуказанный закон утратил свою силу, что привело к значительному пробелу в сфере правовой охраны памятников истории и культуры.

Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что проблема надругательства над памятными местами не является новой для общества, однако участвовавшие случаи посягательств подобного рода

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. 736 с.

² Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.

³ Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации: в 2-х тт. / под ред. А. В. Бриллиантова. Т. 2. М.: Проспект, 2015. 692 с.

⁴ Закон СССР от 02.07.1991 № 2284-1 «Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 10.09.2019).

говорят о необходимости поиска соответствующего законодательного решения данной проблемы.

Изучение зарубежного опыта охраны культурного наследия показывает, что в законодательстве подавляющего большинства стран предусмотрено наказание за уничтожение или повреждение культурных ценностей, т. е. за причинение имущественного ущерба памятникам истории и культуры. В тоже время в уголовном законе некоторых стран СНГ установлена ответственность за посягательство на культурное наследие, не связанное с причинением ему имущественного ущерба. Так, интересные нормативные решения в этой части содержатся в уголовном законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан.

В соответствии со ст. 294 УК Республики Казахстан как вандализм квалифицируются осквернение зданий, иных сооружений, памятников истории и культуры, природных объектов, охраняемых государством, а равно умышленная порча имущества на транспорте или в иных общественных местах. Под осквернением понимаются нанесение надписей или рисунков, а также совершение иных действий, оскорбляющих общественную нравственность.

В уголовном законе Республики Казахстан общественная нравственность не выделяется в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, в связи с чем при существующем разделении объектов данное законодательное решение видится вполне удачным.

За надругательство над историко-культурными ценностями Уголовным Кодексом Республики Беларусь (УК РБ) предусмотрена ответственность по ст. 346 УК РБ. Объективную сторону состава преступления составляют высказывания или иные действия, связанные с глумлением, циничным, безнравственным и оскорби-

тельным отношением к историко-культурным ценностям. Уголовная ответственность по указанной статье наступает при отсутствии признаков ст. 344 УК РБ «Умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности»².

Несмотря на то, что на сегодняшний день уголовное законодательство РФ не содержит нормы об ответственности за осквернение памятников истории и культуры стоит отметить, что Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ были криминализованы действия, выражающиеся в публичном осквернении символов воинской славы России (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ). За надругательство в отношении скульптурного, архитектурного сооружения, посвящённого борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, предусмотрена уголовная ответственность по ч. 2 ст. 244 УК РФ. Однако по-прежнему без внимания остаются памятники истории и культуры, не являющиеся символами воинской славы России.

Стоит отметить, что Генеральная прокуратура РФ обратила внимание на существующую проблему и предложила существенно ужесточить уголовное законодательство за хулиганство у памятников, объектов инфраструктуры и органов власти. Генеральный прокурор Ю. Я. Чайка подчеркнул комитету Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, что «события последних лет настойчиво свидетельствуют о необходимости совершенствования норм УК об ответственности за хулиганство» и предложил дополнить ст. 213 УК РФ двумя признаками, отражающими повышенную опасность преступления: «Это – нарушение нормальной деятельности ор-

¹ Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.08.2019). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=3957;-52 (дата обращения: 20.09.2019).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 (в ред. от 22.07.2016, с изм., вступ. в силу с 01.07.2017) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=HK9900275#load_text_none_1_ (дата обращения: 20.09.2019).

ганов государственной власти и местного самоуправления, объектов транспортной инфраструктуры, а также грубое нарушение общественного порядка, сопряжённое с надругательством над мемориальными сооружениями и памятными местами».

Подобные предложения о криминализации осквернения памятников истории и культуры в качестве хулиганства отвечают отечественному опыту. Однако с учётом особенностей развития общественных отношений и специфики самих посягательств на объекты культуры целесообразнее было бы решать вопрос об охране памятников не путём расширения диспозиции ст. 213 УК РФ, а посредством дополнения уголовного закона самостоятельной уголовно-правовой нормой, предусматривающей ответственность за осквернение памятников истории и культуры.

В первую очередь, расположение в одной норме столь различных по характеру действий не будет отвечать правилам юридической техники. Кроме того, в случаях

осквернения памятников истории и культуры объектом преступления выступает, в первую очередь, общественная нравственность, а не общественный порядок. При криминализации деяния необходим дифференцированный подход, различия между указанными объектами должны быть учтены в законе.

Учитывая неоспоримое значение сохранения культурного наследия и необходимость повышения защиты исторической и культурной памяти, видится разумным предусмотреть в УК РФ норму, подобную той, что была в советское время и присутствует в современном законодательстве сопредельных государств (Республика Беларусь). Указанное законодательное изменение будет способствовать повышению гарантий защиты и сохранения памятников истории и культуры.

Статья поступила в редакцию 05.11.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О. С. Капинус. М.: Проспект, 2016. 488 с.
2. Алетин Р. А. Проблемы квалификации вандализма // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 222–225.
3. Алиев Х. К. Вандализм: уголовно-правовые и криминологические проблемы (по материалам северо-кавказского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 217 с.
4. Бохан А. П. Уголовно-правовая характеристика вандализма и отграничение его от смежных составов преступлений и административных правонарушений // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 117–120.
5. Иванов С. А., Мартинян М. А., Рябова Л. В. Квалификация вандализма по объективной стороне преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 160–163.
6. Пашутина О. С. Вандализм: понятие и виды его проявлений // Общество и право. 2008. № 2 (20). С. 144–146.
7. Черемнова Н. А. Уголовная ответственность за вандализм: автореф. ... дис. канд. юр. наук. Омск, 2004. 21 с.

REFERENCES

1. Kapinus O. S., ed. *Aktualnye problemy ugolovnogo prava: kurs lektzii* [Topical Issues of Criminal Law: A Course of Lectures]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 488 p.
2. Aletin R. A. [Problems of qualification of vandalism]. In: *Probely v rossiiskom zakonodatelstve* [The Gaps in Russian Legislation], 2015, no. 4, pp. 222–225.
3. Aliiev K. K. *Vandalizm: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy (po materialam severo-kavkazskogo federalnogo okruga): dis. ... kand. yur. nauk* [Vandalism: criminal-legal and criminological problems (based on the materials of the North Caucasus Federal District): PhD thesis in Law]. Moscow, 2016. 217 p.
4. Bokhan A. P. [Criminal-legal characteristic of vandalism and other contiguous elements of crimes and administrative offences]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social

- Development], 2015, no. 9, pp. 117–120.
5. Ivanov S. A., Martinyan M. A., Ryabova L. V. [Qualification of vandalism, the objective side of the crime]. In: *Probely v rossiiskom zakonodatelstve* [The Gaps in Russian Legislation], 2018, no. 5, pp. 160–163.
 6. Pashutina O. S. [Vandalism: the concept and its manifestations]. In: *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2008, no. 2 (20), pp. 144–146.
 7. Cheremnova N. A. *Ugolovnaya otvetstvennost za vandalizm: avtoref. ... dis. kand. yur. nauk* [Criminal liability for vandalism: abstract of PhD thesis in Law]. Omsk, 2004. 21 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Болотова Екатерина Дмитриевна – соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;
e-mail: bolotovakaterina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina D. Bolotova – PhD applicant at the Department of Criminal Law, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation»;
e-mail: bolotovakaterina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Болотова Е. Д. О необходимости установления уголовной ответственности за осквернение памятников истории и культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 115–121.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-115-121

FOR CITATION

Bolotova E. D. On the Need of Establishing Criminal Liability for Desecration of Historical and Cultural Monuments. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 115–121.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-115-121

УДК 343.3

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-122-129

ПРЕСТУПНОЕ ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЖИВОТНЫХ

Плешаков А. М.

*Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени
В. Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью данной работы было провести анализ видов преступного психического насилия, недостаточно изученных в теории уголовного права и редко встречающихся в судебно-следственной практике.

Процедура и методы исследования. Порядок изучения преступных посягательств с использованием животных базировался на применение логико-юридического метода, семантического, социально-психологического, сравнительного правоведения и выборочном анализе практики правоприменения.

Результаты проведённого исследования. В ходе работы был выделен самостоятельный уголовно-правовой характер психического насилия с использованием животных. Сформулированы выводы по оценке реальности и наличности преступной угрозы при возможном нападении различных животных.

Теоретическая и практическая значимость. В научном плане проведено обобщение угроз применения насилия и механизм устрашения потерпевшего в его объективном содержании и субъективном восприятии. В практическом аспекте рассмотрены основания уголовной ответственности при разбое, вымогательстве, уgone, хулиганстве и при совершение других преступлений с угрозой нападения на жертву животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека.

Ключевые слова: психическое насилие, осознание, угроза, страх, животные, уголовно-правовая оценка

CRIMINAL PSYCHOLOGICAL ABUSE WITH THE USE OF ANIMALS

A. Pleshakov

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot
12, Academic Volgin st., Moscow, 117437, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The aim of this paper was to analyze the types of criminal psychological abuse understudied in the theory of criminal law and rarely found in forensic practice.

Methodology and Approach. The procedure for studying criminal assaults with the use of animals was based on the use of the logical-legal method, semantic, socio-psychological, comparative legal and a selective analysis of law enforcement practice.

Results. In course of the study, an independent criminal legal nature of psychological abuse with the use of animals was revealed. The conclusions were made concerning the presence of a criminal threat in case of an animal attack.

Theoretical and Practical Value. The theoretical aspect lies in summarizing the threats of violence and the mechanism of intimidation of the victim in its objectivity and subjective perception. The practical aspect is in grounding criminal liability for robbery, extortion, theft, hooliganism and other crimes con-

nected with the threat of an animal attack. The article is intended for teachers, researchers, practitioners and anyone interested in criminal law issues.

Keywords: psychological abuse, awareness, threat, fear, animals, criminal legal assessment

В теории уголовного права по характеру воздействия на потерпевшего традиционно выделяют преступное физическое и психическое насилие [3, с. 376; 4, с. 3; 14, с. 51]. Под психическим насилием в его обобщённом виде, как правило, понимают противоправное воздействие на психику человека с целью подавления его воли путём угрозы причинения реального физического вреда [5, с. 20; 6, с. 81–82; 18, с. 34]. Частным вариантом психического насилия является угроза использования животного для совершения преступления. Условно назовём такую форму преступного поведения психическим зоологическим насилием. Уголовно-правовая суть этого социально-психологического и юридического феномена заключается в общественно опасном воздействии на психику потерпевшего путём запугивания нападением на него или его близких опасного животного.

Анализ самостоятельного характера психического насилия в преступлениях, совершаемых с использованием животных, обусловлен рядом научно-методических соображений. Во-первых, психическое подавление воли происходит через её чувственное отражение в сознании человека, а не через физические ощущения. Ожидание боли, эмоциональное её предчувствие нередко оказывает на психику и поведение потерпевшего гораздо большее влияние, чем сами физические страдания. Во-вторых, структура психического зоологического насилия ранее фактически не рассматривалась. В юридической литературе о возможности использования животных для устрашения потерпевших говорилось лишь фрагментарно.

В то же время эта проблема за последние годы дважды привлекала внимание высшего судебного органа страны. Так, в 2002 г. в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» было указано, что

действия лица, совершившего нападение с целью хищения чужого имущества с использованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, либо с угрозой применения такого насилия, с учётом конкретных обстоятельств дела, следует квалифицировать как разбой (с применением предметов, используемых как оружие).

В 2007 г. Верховный Суд РФ в постановлении «О судебной практике по делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений» подтвердил свою позицию о преступном использовании животных. Возможность их применения по делам данной категории определялась как один из способов физического или психического насилия.

Соответственно, при психическом зоологическом насилие животные, опасные для человека, могут выступать в качестве факультативных признаков объективной стороны состава преступления. При демонстрации потерпевшему таких животных они либо определяют способ психического насилия, либо выполняют роль предмета, который может быть использован как оружие, либо, чаще всего, эти элементы объективной стороны деяния взаимосвязаны.

При психическом насилие с использованием животных принудительному воздействию подвергается та часть индивидуального сознания, которая представляет собой совокупность ощущений, представлений, мыслей и чувств, отражающих объективную реальность. Искажение картины внешнего мира происходит за счёт угрозы причинения физического вреда или нарушения телесной неприкосновенности [10; 11; 13].

Угроза использования животного в своём объективном и субъективном содержании имеет ряд особенностей. С объективной стороны она представляет собой

конкретное, внешнее проявление преступных намерений, выраженных словесно либо наглядно, либо в сочетании этих форм. Как показывает опыт, при психическом зоологическом насилии фактически не встречаются конклюдентные или письменные угрозы виновного. Подавление воли к сопротивлению и к дальнейшему принудительному управлению поведением потерпевшего происходит за счёт своеобразной информационной атаки на вербальное и зрительное восприятие жертвы. Запугивание лица, т. е. его устрашение, обещание причинить зло, вызвать несчастье объективно может вызвать ряд последовательных угнетающих реакций: тревогу, испуг (боязнь), страх, ужас и панику. С субъективной стороны виновный осведомлён о подобном «воздействии страхом» [12, с. 6], предвидит реакции потерпевшего и стремится к этому.

Механизм устрашения при угрозе использования силы животного имеет психологические особенности генетического происхождения. Во-первых, любой человек на инстинктивном уровне боится опасных хищных или крупных животных, поскольку вполне ясно представляет себе последствия их нападения. Действительно, вид разъяренной, мощной собаки с оскаленной пастью, готовой вот-вот броситься на вас, способен вызвать первобытный и мгновенный ужас. Пожалуй, подобное восприятие опасности, основанное на предыдущей памяти бесконечного ряда поколений, даже более сильное, чем вид направленного пистолета. Во-вторых, подавляющее большинство людей опасаются не только ярко выраженной агрессии зверя или птицы, но и тех животных, которые находятся в спокойном состоянии, но всегда, защищаясь, готовы напасть. Это любые змеи, пауки, насекомые, хищные рыбы и т. д. Осознание опасности для собственной жизни или здоровья основано не только на доисторических прাপереживаниях, но и на социально-негативном опыте людей, живущих сегодня.

Сочетание чувственного восприятия и эмоциональных реакций порождает аф-

фективное состояние – страх. В свое время З. Фрейд выделял две формы страха: реальный, т. е. рациональный и понятный, а также невротический, т. е. глубинный, подсознательный¹. Первый вид страха основан на внешних, вербальных раздражителях. Реальный страх имеет чувственно-образное содержание и базируется на ясном понимании угрозы от возможного нападения животного.

Страх блокирует или сужает сознание, существенно ограничивает разумность поведения и целесообразность мышления. Тормозится левое полушарие мозга с его способностью к критическому восприятию и анализу действий и событий. Резко активизируется правое полушарие с его эмоциями и воображением [7, с. 82; 19, с. 76–78].

Страх заставляет дрожать, кричать, орать или плакать. Порой страх вынуждает человека суетиться, действовать импульсивно, мчаться сломя голову неизвестно куда [9, с. 18]. Суть подобного психического состояния в том, чтобы спрятаться, не видеть и не слышать источника того, что пугает. Это этологическая (естественно-животная) реакция, связанная со стремлением сохранить себя. В таком поведении проявляется глубинная суть человека как биологического организма, его инстинкт жизни (самосохранение).

Реальный страх как субъективное состояние человека всегда обладает динамикой и его развитие может в определённых (интенсивных) случаях доходить до аффекта, по сути, до истерического припадка². Этот эмоциональный стресс, иррациональное переживание, «невротический страх», чрезмерно сильный по своей степени, обычно называют ужасом [2, с. 59–61]. По своей внешней форме ужас, порой, выражается в форме ступора, он парализует мышление и нарушает координацию, вплоть до того, что человек не может убежать от опасности. Жертва психической атаки застывает на месте или становится

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М., 2018. С. 400–401.

² Там же: С. 403.

ся крайне медлительной или даже может упасть без сознания. Это та же защитная этологическая реакция, чтобы тебя не трогали, – притворись мёртвым.

Ужас от нападения животного иногда порождает панику (панические реакции), т. е. абсолютное отчаяние. В тех случаях, когда человек впадает в панику, для него всё вокруг исчезает, он уже ничего и никого не слышит. Реальный мир остаётся за рамками восприятия.

В уголовном законе нет понятий «страх», «ужас», «запугивание», «устрашение» и т. д. В юридическом плане эти угнетающие реакции и состояния объединены категорией «угроза». В Особенной части УК РФ содержится более 60 составов преступлений (простых и квалифицированных), в которых предусмотрен данный термин. Это понятие используется в различных словосочетаниях: «путём угроз», «соединённое с угрозой», «сопряжённое с угрозой». Однако наиболее часто употребляется правоположение «с применением угрозы насилия».

В связи с этим, все уголовно-правовые угрозы можно классифицировать, на наш взгляд, по трём основаниям:

- *По степени общественной опасности деяния.* Эта угроза насилия (более 63 % от всех видов угроз); насилия не опасного для жизни и здоровья (около 15 %); насилия опасного для жизни или здоровья либо угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (около 22 %);
- *По месту в структуре диспозиции нормы.* Это угроза как конструктивно-альтернативный признак деяния (около 40 %) или как квалифицирующий признак (около 60 %);
- *По месту в составе преступления.* Это угроза как самостоятельное деяние (ст.ст. 119, 296 УК РФ и др.) – около 7 % либо как признак объективной стороны в виде способа – около 93 %.

Все эти альтернативные угрозы гипотетически могут быть реализованы с по-

мощью любых представителей животного мира. Однако в практическом плане необходимо каждый раз конкретно определять тех животных, которых использовали для запугивания потерпевшего.

В постановлениях высшего судебного органа страны по делам о разбое, хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений, указывался только один вид животного, с помощью которого виновный мог угрожать насильем, – собака. В обобщённой форме альтернативно отмечалось, что таковыми могут признаваться и другие животные, представляющие опасность для жизни или здоровья человека.

Подобные разъяснения Верховного Суда РФ лишь определили проблематику. В постановлениях, разумеется, не разъяснялось, о каких собаках идёт речь; какие другие животные могут быть использованы для психического насилия; какова форма угрозы нападения, с какого момента она возникает и т. д. В теории уголовного права решение вопросов подобного рода всегда предлагается достаточно традиционное: для правильной уголовно-правовой оценки содеянного необходимо учитывать все обстоятельства дела в их совокупности [1; 8; 15]. Однако понятно и то, что необходимы конкретные правовые ориентиры для такого процесса и результата.

Фактическую опасность для человека может представлять любая относительно крупная собака. Это обусловлено тем, что смысл действий виновного заключается в возможности натравливания животного на потерпевшего, т. е. в искусственном возбуждении агрессии. Соответственно сама по себе оценка угрозы нападения не зависит ни от природы канидов, ни от их помесей, ни от физической силы, ни от функционального предназначения: сторожевая, служебная, пастушеская, охотничья, бойцовская и т. п.

Как показывает опыт правоприменительной действительности, в процессуальных документах нередко указывается на использование собак «агрессивных пород». К ним обычно относят: американских

и стаффордширских терьеров, питбулей, алабаев, ротвейлеров, различных овчарок и т. п. Подобную практику нельзя признать правильной. Дело в том, что «агрессивных пород» нет ни в социальной реальности, ни в природных условиях. Ведь порода – это, прежде всего, физико-биологические признаки животных одно и того же вида. Данное понятие имеет условный характер, поскольку далеко не всегда порода может быть установлена достоверно, особенно при гибридизации помесей.

Агрессивность, т. е. способность к агрессии, характеризует внутреннее состояние животного в зависимости от непосредственной ситуации, а не является биологическим критерием собаки. Соответственно, подобное определение представляет собой газетное клише, штамп, литературную метафору. Их использование неприемлемо для применения уголовного закона, поскольку остается неясной правовая интерпретация данного понятия.

Всем известно, что агрессивными могут быть и собаки так называемых декоративных пород (карликовые, миниатюрные, комнатные, «игрушечные»). К ним относятся их различные и многообразные виды: пекинесы, болонки, мопсы, той-терьеры, чихуа-хуа и т. д. Однако в силу своих физических характеристик они вряд ли могут запугать потерпевшего даже при ярко выраженной агрессивности, хотя и способны причинить вред здоровью.

Для российской уголовно-правовой действительности «другие животные», представляющие опасность для человека, это скорее теоретическое положение, которое тем не менее имеет смысловое и ориентирующее значение. Дело в том, что как показывает опыт зарубежной правоохранительной деятельности, для угрозы нападения на потерпевшего иногда (хотя и не часто) используют самых разных животных [20]. Как правило, это такие звери или птицы, которые выполняют функцию охраны имущества или, реже, защиты хозяина. Соответственно, они вполне пригодны и для угрозы нападения. Это могут быть медведи, представители кошачьих

(леопарды, гепарды и др.), гиены, человекообразные обезьяны, крупные хищные птицы, страусы и т. д.

В юридической литературе было высказано мнение, что к опасным животным, которые могут использоваться для завладения чужим имуществом при разбойном нападении или для угона автомобиля, следует относить и змей [16, с. 127]. Казалось бы, это весьма действенное орудие для подавления воли потерпевшего. Тем более, что у некоторой части людей боязнь змей порой достигает уровня фобий, т. е. постоянной формы страха, а большинство остальных большой любви к ним не испытывают. Однако в реальности трудно представить себе ситуацию целенаправленного травливания пресмыкающегося на другого человека. Так что это утверждение представляет собой скорее умозрительное или гипотетическое заключение. Ведь змеи – большие или маленькие, ядовитые или нет, но способные укусить, не поддаются обучению для совершения сложных действий. Эти животные не привыкают к человеку, не выполняют его команд, их трудно контролировать и удерживать в руках. Пресмыкающиеся внешне ленивы, медлительны, однако в какой-то момент способны взорваться стремительным броском. Использовать их непредсказуемое поведение для совершения таких динамичных преступлений как разбой или угон вряд ли целесообразно. Ведь для того, чтоб запугать потерпевшего путём демонстрации змеи, необходимо постоянное её нахождение в руках виновного. При таких условиях совершение преступных действий трудно осуществимо.

Одна из главных проблем на практике это оценка реальности угрозы нападения животного. Правоохранительные органы и суды в отдельных случаях оценивают угрозу в качестве одного из оснований уголовной ответственности, а в других, сходных ситуациях, они таковой вообще не признаётся.

Как показывает опыт судебно-следственной практики, запугивание в подавляющем большинстве случаев про-

исходит в устной форме. При этом, как правило, виновный использует слова «убью», «пришью», «задавлю» и т. п. или высказывает угрозу в нецензурной форме. В преступлениях с использованием животных картина иная. Здесь наблюдаются редкие, необычные виды устных угроз, имеющих пугающе-образный, эмоциональный характер. Психическое насилие обычно сопряжено с демонстрацией агрессии животного и может заключаться в таких выражениях как: «спущу кобеля», «посажу в муравейник», «толкну в клетку к медведю», «натравлю зверя» и т. п.

Так, например, Волховский городской суд Ленинградской области при рассмотрении уголовного дела о вымогательстве указал в приговоре, что виновные угрожали потерпевшему «привязать его к дереву у муравейника на съедение насекомым». Суд оценил такое запугивание, как психическое насилие, т. е. посчитал угрозу реальной [17, с. 56]. Судя по всему, потерпевший воспринял возможность его «съедения муравьями» как непосредственную угрозу жизни. Видимо, в этом были убеждены и сами виновные.

В уголовном праве действительность (реальность) опасности оценивается с учётом объективных обстоятельств, которые должны свидетельствовать о том, что у потерпевшего были все основания опасаться осуществления угрозы. В приведённом примере, хотя жертва вымогательства и опасалась за свою жизнь, объективно угроза была мнимой: в естественных климатических условиях России вымогатели могли запугивать потерпевшего только нападением рыжих лесных муравьёв (отряд перепончатокрылых). Разумеется, наши «рыжие» далеко не так опасны, как их тропические собратья. Это не муравьи-кочевники (эцетоны) с их организованностью и огромными челюстями, это не знаменитые огненные муравьи (жнецы) с самым сильным ядом среди всех жалящих насекомых, это не огромные дипонеры (конго), дости-

гающие 3 см в длину и армии которых обращают в бегство даже слонов.

Разумеется, субъективное восприятие опасности, исходящей от лесных перепончатокрылых было основано на объективных факторах. Их крупные муравейники достигают 10 м в диаметре и 2 м высотой, в каждом из которых живут до 800 тыс. особей. Своими челюстями и небольшими жалами они могут вызвать достаточно сильную боль. На протяжении длительного времени постоянные атаки муравьёв, видимо, способны причинить значительный вред здоровью потерпевшего. Однако съесть человека заживо они вряд ли способны. По крайней мере, таких случаев в отечественной криминальной и медицинской практике пока не наблюдалось.

Таким образом, действительность зоологической угрозы и её непосредственность должны оцениваться с учётом места, времени, обстановки, вида домашних или диких животных, форм или способов запугивания и т. д. Следовательно, объективными основаниями совокупности подобных обстоятельств являются: наличие угрозы (начало и окончание устрашения); реальность (восприятие потерпевшим); интенсивность (демонстрация решимости виновного).

Опыт судебно-следственной практики показывает, что угроза использования животных для совершения насильственных преступлений достаточно редкое событие. Такие преступные посягательства совершаются неравномерно, иррегулярно (от случая к случаю), но постоянно, фактически каждый год. Соответственно, уголовно-правовая оценка психического зоологического насилия всегда требует установления целей и мотивов действий виновного, определения объёма и содержания угрозы использования животного в составе преступления.

Статья поступила в редакцию 19.12.19.

¹ Целлариус А. Ю. Опасные животные: энциклопедия. М., 2003. С. 331–337.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абубакиров Ф. М. Уголовно-правовая оценка насилия в уголовном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2011. № 8. С. 19–22.
2. Алексеева Л. В. Проблема юридически значимых эмоциональных состояний: учеб. пособие. Тюмень, 1998. 128 с.
3. Белогривец-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, СПб, Харьков, 1903. 618 с.
4. Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. 167 с.
5. Гертель Е. В. Виды психического насилия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3. С. 16–20.
6. Гребенкин Ф. Б. Психическое насилие в преступлениях против собственности (сравнительно-правовой анализ). Киров, 2008. 188 с.
7. Еникеев М. И. Судебная психология. М., 1975. 137 с.
8. Зурушев А. К. Категория «насилие» в нормах Особенной части УК РФ и проблемы судебно-правовой оценки // Российский судья. 2008. № 9. С. 29–30.
9. Кандыба В. М. Криминальный гипноз. СПб., 2001. 448 с.
10. Коростылев О. Угроза в уголовном праве: понятие, виды, значение // Уголовное право. 2006. № 3. С. 37–40.
11. Крашенинников А. А. Угрозы в уголовном праве России (проблемы теории и правового регулирования). Ульяновск, 2002. 152 с.
12. Леввертова Р. А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Омск, 1978. 103 с.
13. Лукьянова И. В. Угроза как преступление в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 184 с.
14. Наумов А. В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. С. 51–56.
15. Новиков В. А. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия // Уголовное право. 2013. № 3. С. 34–38.
16. Применение насилия: понятие и квалификация: пособие / под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2016. 335 с.
17. Сафонов В. Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2000. 239 с.
18. Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Волгоград, 1981. 62 с.
19. Чудновский В. С., Чистяков Н. Ф. Основы психиатрии. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 448 с.
20. Яни С. Преступность и животный мир (обзор) // Советская юстиция. 1989. № 22. С. 30–31.

REFERENCES

1. Abubakirov F. M. [Criminal-legal assessment of violence in the criminal law and judicial practice]. In: *Rossiiskii sudya* [Russian Judge], 2011, no. 8, pp. 19–22.
2. Alekseeva L. V. *Problema yuridicheskikh znachimykh emotsional'nykh sostoyanii: ucheb. posobie* [The Problem of Legally Significant Emotional Conditions: A Course Book]. Tyumen, 1998. 128 p.
3. Belogrivets-Kotlyarevsky L. S. *Uchebnik russkogo ugolovnogogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti* [A Course of Russian Criminal Law. General and Special Parts]. Kiev-St. Petersburg-Kharkov, 1903. 618 p.
4. Gaukhman L. D. *Nasilie kak sredstvo soversheniya prestupleniya* [Violence as a Means of Committing a Crime]. Moscow, 1974. 167 p.
5. Gertel E. V. [Types of Psychological Abuse]. In: *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2012, no. 3, pp. 16–20.
6. Grebenkin F. B. *Psikhicheskoe nasilie v prestupleniyakh protiv sobstvennosti (sravnitelno-pravovoi analiz)* [Psychological Abuse Against Property (Comparative Legal Analysis)]. Kirov, 2008. 188 p.
7. Enikeev M. I. *Sudebnaya psikhologiya* [Forensic Psychology]. Moscow, 1975. 137 p.
8. Zurushev A. K. [The category «violence» in the norms of the Special part of the criminal code of the Russian Federation and problems of judicial evaluation]. In: *Rossiiskii sudya* [Russian Judge], 2008, no. 9, pp. 29–30.

9. Kandyba V. M. *Kriminalnyi gipnoz* [Criminal Hypnosis]. St. Petersburg, 2001. 448 p.
10. Korostylev O. [Threat in Criminal Law: Concept, Types, Importance]. In: *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2006, no. 3, pp. 37–40.
11. Krashenninnikov A. A. *Ugrozy v ugovnom prave Rossii (problemy teorii i pravovogo regulirovaniya)* [Threats in Criminal Law of Russia (Issues of Theory and Legal Regulation)]. Ulyanovsk, 2002. 152 p.
12. Levertova R. A. *Otvetstvennost za psikhicheskoe nasilie po sovetskomu ugovnomu pravu* [Responsibility for Psychological Abuse According to the Soviet Law]. Omsk, 1978. 103 p.
13. Lukyanova I. V. *Ugroza kak prestuplenie v ugovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Threat as a crime in criminal law of Russia: abstract of PhD thesis in Law]. Moscow, 2004. 184 p.
14. Naumov A. V. [Criminal meaning of violence]. In: *Nasilstvennaya prestupnost* [Violent Crime]. Moscow, 1997. P. 51–56.
15. Novikov V. A. [Problems of violent crime taxonomy]. In: *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2013, no. 3, pp. 34–38.
16. Galakhova A. V., ed. *Primenenie nasiliya: ponyatie i kvalifikatsiya* [Causing Violence: Concept and Qualification]. Moscow, Norma Publ., 2016. 335 p.
17. Safonov V. N. *Organizovannoe vymogatelstvo: ugovno-pravovoi i kriminologicheskii analiz* [Organized Extortion: Criminal-Legal and Criminological Analysis]. St. Petersburg, 2000. 239 p.
18. Serdyuk L. V. *Psikhicheskoe nasilie kak predmet ugovno-pravovoi otsenki sledovatelem* [Psychological Abuse as a Subject of Investigator's Criminal-Legal Assessment]. Volgograd, 1981. 62 p.
19. Chudnovsky V. S., Chistyakov N. F. *Osnovy psikhiiatrii* [The foundations of Psychiatry]. Rostov-on-Don, Fenix Publ., 1997. 448 p.
20. Jani S. [Crime and fauna (a review)]. In: *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet Justice], 1989, no. 14, pp. 31–32; no. 22, pp. 30–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плешаков Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя;
e-mail: pam7185@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Pleshakov – Doctor of Law, professor at the Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot;
e-mail: pam7185@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Плешаков А. М. Преступное психическое насилие с использованием животных // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 122–129.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-122-129

FOR CITATION

Pleshakov A. M. Criminal Psychological Abuse with the Use of Animals In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 122–129.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-122-129

РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-130-133

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НОВОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА МГОУ

Чертков А. Н.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

13 декабря 2019 г. в Московской областной Думе (далее также – Мособлдума) состоялась научно-практическая конференция «О состоянии и перспективах правового регулирования вопросов разграничения полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления», организованная и проведенная созданным в 2019 г. Центром исследования проблем территориального управления и самоуправления МГОУ (далее Центр) совместно с Мособлдумой (при участии сотрудников Государственного университета управления, ИГП РАН, а также ИЗиСП при Правительстве Российской Федерации).

На обсуждение участников был представлен научный доклад Центра «Не барьер, а грань сопряжения (об актуальных проблемах и перспективах развития современной отечественной модели разграничения полномочий между региональным и муниципальным уровнями осуществления власти)».

Конференцию открыл заместитель Председателя Московской областной Думы К. Н. Черемисов. В своём вступительном слове он особо подчеркнул важность обсуждаемых проблем. По его словам, от того, насколько гармонично выстроена система разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления, во многом зависят реальные результаты деятельности всей системы управления на региональном и местном уровнях.

Постоянный представитель Губернатора Московской области в Московской областной Думе А. А. Горбылев раскрыл принцип динамического разграничения компетенции как основу взаимодействия региональных и муниципальных властей. На конкретных статистических данных он также показал непрерывно возрастающую эффективность осуществления функций и полномочий публичной власти как основной практический результат проведенных преобразований федерального законодательства и законодательства Московской области о местном самоуправлении.

Председатель Комитета Московской областной Думы по местному самоуправлению А. А. Наумов в своём выступлении поднял тему повышения качества территориального управления и самоуправления в Московской области в ходе проведенных реформ 2014-2019 гг. Так, в частности, перераспределение полномочий позволило существенно сократить численность управленческого аппарата, сократить время предоставления муниципальных услуг и поднять уровень их доступности.

С научными докладами на конференции выступил ряд сотрудников Центра.

Директор Центра, канд. юрид. наук В. В. Балытников в своём выступлении отметил принципиальное сущностное единство государственного управления и местного самоуправления, являющееся общепризнанным постулатом отечественной

и мировой управленческой науки и практики. При этом был выдвинут тезис о необходимости всемерного развития принципов солидарности, субсидиарности и примата сервисного подхода в деятельности органов публичной власти всех уровней.

Главный научный сотрудник Центра, докт. юрид. наук А. Н. Чертков осветил проблемы формирования и функционирования современной модели взаимодействия регионального и муниципального уровней осуществления публичной власти, а также перспективы поиска оптимальных подходов к разграничению их полномочий. Он отметил, что решение вопроса о принадлежности полномочий необходимо увязывать с эффективностью их осуществления (под которым понимается оптимум сроков, затрат и результата, а именно, сокращение сроков и затрат при возрастании результатов). Наиболее рациональным, на его взгляд, видится дальнейшее развитие гибкого механизма перераспределения полномочий и взаимодействия государственных и муниципальных органов. Будущее – за осмыслением и воплощением данной парадигмы.

Главный научный сотрудник Центра, докт. юрид. наук А. А. Сергеев отметил, что уточнение компетенции муниципалитетов (в том числе путём перераспределения отдельных полномочий) не идёт вразрез ни с мировой практикой, ни с положениями Конституции Российской Федерации (и их интерпретацией, даваемой в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). Вполне объективное явление представляет собой и дифференциация форм, объёмов и способов перераспределения полномочий между регионом и муниципалитетами. Последняя при этом зависит как от реальных особенностей регионов, так и от избранной в них стратегии управления.

Старший научный сотрудник Центра, канд. юрид. наук В. В. Штукин затронул вопросы о природе разграничиваемых полномочий и о правомочности наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями из числа делегированных Российской Федерацией субъек-

там Российской Федерации. По его мнению, природа полномочий не связана напрямую с региональным или муниципальным статусом осуществляющих их органов, однако напрямую соотносится со сферой их деятельности в целом. При этом он показал, что новеллы федерального законодательства предполагают, что вместе с полномочиями на усмотрение региона передаётся и решение вопроса об их осуществлении органами того или иного уровня.

Участники Конференции отметили необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования разграничения полномочий между региональным и муниципальным уровнями осуществления власти. Применительно к конкретным сферам деятельности ситуацию осветили, в частности, представители Министерства имущественных отношений и Комитета по архитектуре и градостроительству Московской области, а также Председатель Совета муниципальных образований Московской области А. П. Спасский.

Опытом разграничения и перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления поделились также и представители ряда регионов Центрального, Приволжского и Северо-Западного федеральных округов (в частности, Волгоградской, Вологодской, Самарской и Ярославской областей).

В заключении участники Конференции приняли резолюцию, в которой, в частности, признали успешным опыт формирования и функционирования механизма перераспределения полномочий в Московской области, отметив при этом необходимость дальнейшего совершенствования федерального и регионального законодательства в рассматриваемой сфере. Научный доклад Центра был рекомендован для распространения, изучения и использования в работе органов государственной власти, органов местного самоуправления, научных организаций. Кроме того, по итогам конференции предусмотрен выпуск в 2020 г. сборника материалов конференции.

THE FIRST SCIENTIFIC CONFERENCE OF THE NEW RESEARCH CENTER OF MOSCOW REGION STATE UNIVERSITY

A. Chertkov

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

On the 13th of December 2019 in the Moscow region Duma (hereinafter – the Moscow region Duma) a scientific-practical conference “Status and prospects of legal regulation of questions’ differentiation of powers between public authorities of subjects of the Russian Federation and bodies of local self-government” was held. It was organized by (which was created in 2019) the Center for territorial government and self-government by Moscow Region State University, (hereinafter Center) jointly with the Moscow region Duma (with the participation of the employees of the State University of Management, the Institute of State and Law, as well as the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation).

For discussion of participants there was presented the scientific report of the Center “Not a barrier, but a conjugation line (about actual problems and prospects of development of modern domestic model of division of powers between regional and municipal levels of power implementation)”.

The conference was opened by *Deputy Chairman of the Moscow regional Duma K. N. Cheremisov*. In the opening speech he has emphasized the importance of the issues under discussion, because the real results of the entire management system at the regional and local levels largely depend on how well is the system built due to separation of powers between state authorities and local self-government bodies.

Permanent representative of the Governor of the Moscow region in the Moscow regional Duma A. A. Gorbylev revealed the principle of dynamic differentiation of competence as the basis for interaction between regional and municipal authorities. On the basis of concrete statistical data, he has illustrated the continuously increasing effectiveness of the functions and powers of the public authorities

as the main practical result of the reforms by the Federal legislation and the legislation of the Moscow region on the theme of local self-government.

The Chairman of the Committee of the Moscow regional Duma on local self-government A. A. Naumov raised the topic in his speech of qualitative improvement of administrative efficiency in the Moscow region in the course of the reforms of 2014-2019. In particular, the redistribution of powers allowed to reduce significantly the number of administrative staff, the time of providing municipal services and improve their quality.

A number of employees of the Center made scientific reports at the conference.

Director of the Center, PhD in law. V. V. Balytnikov noted in his speech the fundamental essential unity of state administration and local self-government, which is a generally recognized postulate of domestic and world management science and practice. At the same time, there was made a thesis about the necessity of the fully development of the principles of solidarity, subsidiarity and the primacy of the service approach at all levels activities of public authorities.

Chief Researcher of the Center, Doctor of law A. N. Chertkov highlighted the problems of formation and functioning of the modern model of interaction between the regional and municipal levels of public power, as well as the prospects for finding optimal approaches to the delimitation of their powers. The decision on the question of the ownership of the authority must be linked to the effectiveness of its implementation, which is understood as the optimum time, cost and result, that means, the reduction of time and costs with increasing results. The most rational is the further development of a flexible mechanism for the redistribution of powers and interaction between state and municipal authorities. The future is for understanding and implementing this paradigm.

Chief Researcher of the Center, Doctor of law A. A. Sergeev noted that the clarification of the competence of municipalities, including through the redistribution of certain powers, does not contradict either world practice or the provisions of the Constitution of the Russian Federation and their interpretation given in the decisions of the constitutional Court of the Russian Federation. The differentiation of forms, volumes and methods of redistribution of powers between the region and municipalities is also quite objective. The latter depends both on the real features of the regions and on the chosen management strategy.

Senior Researcher of the Center, PhD in law V. V. Shtukin touched upon the nature of delegated powers and eligibility of granting the competence of the local self-government bodies the state powers from among those delegated by the Russian Federation to the subjects of the Russian Federation. The nature of the powers is not directly related to the body exercising them, but is directly related to the range of issues carried out by this body. At the same time, the novelties of the Federal legislation suggest that along with the powers at the discretion of the region, the issue of their effective implementation by regional or municipal authorities is also transferred, taking into account their capabilities.

The Conference participants noted the necessity of the further improvement

of the legal regulation of the division of powers between the regional and municipal governmental levels. In particular, *representatives of the Ministry of property relations and the Committee on architecture and urban development of the Moscow region*, as well as *the Chairman of the Council of municipalities of the Moscow region, A. P. Spassky*, highlighted the situation in relation to specific areas of activity.

Representatives of a number of regions: Central, Volga and North-Western Federal districts (among others, the following regions: Volgograd, Vologda, Samara and Yaroslavl) have also shared their experience of delimitation and redistribution of powers between state authorities and local self-government bodies.

In conclusion, the Conference adopted a resolution which, in particular, acknowledged the successful experience of formation and functioning of the mechanism of redistribution of authority in the Moscow region, noted the need to further improve Federal and regional legislation in the considered relations' sphere. The scientific report of the Center was recommended for dissemination, study and use in the work of state authorities, local governments, scientific organizations. In addition, the conference is scheduled for sourcebook release in 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чертков Александр Николаевич – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;
e-mail: an.chertkov@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Chertkov – Doctor of Law, Chief Researcher of Moscow Region State University Centre for Territorial Government and Self-Government Research;
e-mail: an.chertkov@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чертков А. Н. Первая научная конференция нового исследовательского центра МГОУ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 130–133. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-130-133

FOR CITATION

Chertkov A. The First Scientific Conference of the New Research Center of Moscow Region State University. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 130–133. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-130-133

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
2020. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова

Переводчик Е. А. Кытманова

Корректор И. К. Гладунов

Компьютерная вёрстка В. А. Кулакова

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»

Информационно-издательского управления МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,5, уч.-изд. л. 10,25.

Подписано в печать: 31.03.2020 г. Дата выхода в свет: 10.04.2020 г. Заказ № 2020/03-02.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А